

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-05-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-05-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskaya@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный
университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997,
33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской
академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и
административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628,
Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних
веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия,
Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный
университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул.
маршалла Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский
государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия,
Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный
исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан
юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул.
Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая
область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.
Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры
культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв.
164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

"педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Bereznikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkovs Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Дружевский А.О. Иван Грозный глазами западных дипломатов	1
Марханова Т.Ф. Покровительство буддийским постройкам при императоре Дао-у династии Северная Вэй как способ утверждения политической власти	8
Капсалыкова К.Р. «Второе издание покровщины» (на материале писем М. Я. Сюзюмова к В. Г. Трухановскому и С. П. Павлову)	18
Нарышкина С.Ю. История и развитие института примирительных процедур в России	30
Ширко Т.И. Межпарламентские объединения субъектов Российской Федерации в 1990- е гг.: формирование институциональных оснований «горизонтального федерализма»	44
Попова А.В., Серебрякова А.И. Образ хранителя очага в русской и китайской мифологической традиции	58
Ая Д. Камерунско-российские отношения: Основные направления и приоритеты (1960-2022).	74
Галямина А.Г. Рецензия на книгу Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. – М.: РОССПЭН, 2022. – 280 с.	83
Англоязычные метаданные	90

Contents

Druzhevskii A.O. Ivan the Terrible through the eyes of Western diplomats	1
Markhanova T.F. Protection of Buddhist structures under Emperor Tao-wu of the Northern Wei dynasty as a way of asserting political power	8
Kapsalykova K.R. "The second edition of Pokrovshchina" (based on the material of M. Ja. Sjuzumov's letters to V. G. Trukhanovsky and S. P. Pavlov)	18
Naryshkina S.Y. History and development of the Institute of Conciliation procedures in Russia	30
Shirko T.I. Interparliamentary Associations of the Subjects of the Russian Federation in the 1990s: the formation of the institutional foundations of "horizontal federalism"	44
Popova A., Serebryakova A.I. Guardians of Hearth in the Russian and Chinese mythological traditions	58
Awah J. The Cameroonian - Russian Relation: Main Directions and Priorities (1960-2022).	74
Galyamina A.G. Review of A. Forrest's "Beyond the Edge of the Battlefield. The life of the military during the Revolutionary and Napoleonic wars"	83
Metadata in english	90

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Дружевский А.О. — Иван Грозный глазами западных дипломатов // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.5.40537 EDN: RTVNYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40537

Иван Грозный глазами западных дипломатов

Дружевский Антон Олегович

аспирант кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); исполнитель проекта отдела сопровождения научных проектов Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия).

195299, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Сенатская, 3, оф. 224

✉ adruzhevskij@mail.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.5.40537

EDN:

RTVNYU

Дата направления статьи в редакцию:

17-04-2023

Дата публикации:

24-04-2023

Аннотация: В статье автор анализирует записи дипломатов, которые приезжали в Московию в конце XVI века и имели возможность прочувствовать особенности повседневной жизни царского двора Допетровской Руси, вступая в прямой контакт с высшей властью. Будучи людьми хитрыми и наблюдательными, они осмысливали характер и мотивы поступков Ивана Грозного, с которым имели ряд приватных бесед. Делаются выводы, отражающие специфику дипломатических сочинений, как особого вида исторического источника, ставится акцент на особенности «западного менталитета» их авторов. Автор приходит к выводу, что негативный образ Грозного в данных сочинениях

присутствует во многом по причине провала дипломатических миссий. Поскольку иностранным посланцам не удалось достичь поставленных целей, с горькой обидой отражают они в своих сочинениях обычаи непонятной им страны и ее государя. Это служит дополнительной причиной того, чтобы отнести эти сочинения к крайне субъективным. Допетровская Русь вызывала живой интерес у представителей западных стран, которые в силу своих возможностей анализировали специфику русской жизни. Большая часть таких сочинений отражала особенности географического положения России, климат страны, своеобразие в менталитете, в том числе и в его религиозном

компоненте.

Ключевые слова:

дипломатия, Иван Грозный, Якоб Ульфельдт, Джером Горсей, Джильс Флетчер, иностранцы о России, менталитет, исследователь, исторический источник, приближенные

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01407, <https://rscf.ru/project/22-28-01407/>

Допетровская Русь вызывала живой интерес у представителей западных стран, которые в силу своих возможностей анализировали специфику русской жизни. Большая часть таких сочинений отражала особенности географического положения России, климат страны, своеобразие в менталитете, в том числе и в его религиозном компоненте [1, с.140-147]. Вместе с тем важно, что иностранные посланники пытаются передать не только живую речь представителей боярства, но и высшей верховной самодержавной власти – царя. Обладая уникальной возможностью беседовать с правителем, замечать мелкие детали, получать незамедлительный царский отклик, они вступали с ним в полемику, порой однако и притворно соглашаясь.

Записки западных дипломатов о Руси еще в XIX веке привлекли внимание исследователей как исторический источник. Стоит отметить, что выдающийся историк В.О.Ключевский в эпоху «Великих реформ» публикует исследование «Сказание иностранцев о Московском государстве», придавшее импульс к распространению в русском обществе записок иностранцев о России [2, с.29-53]. Стоит отметить, что все сочинения подобного рода – разной направленности и качества изложения. Случались precedents, когда авторы сочинений о России действовали слишком хитро: пользуясь фантазиями, домыслами и слухами, не отправлялись в Россию, а с территории родной страны, оперируя исключительно доходившими до них слухами, обрушивали пасквили на царя Ивана Грозного и его приближенных.

Разными по социальному статусу были те, кто приезжал тогда в Московию: купцы, дипломаты, наемные солдаты (будущие опричники) [13], лекари, авантюристы, путешественники. Каждый из них получил различное образование и имел за плечами свой жизненный опыт, однако их объединяла и нечто общее – никто из вышеназванных представителей Запада не приезжал в Россию что называется «просто так» (в связи с тем, что в последней четверти XVI века Ливонская война вступала в свою решающую фазу, необходимо было урегулировать различные аспекты межгосударственного взаимодействия).

В настоящем исследовании остановимся на воспоминаниях тех иностранцев, которые приезжали в Россию по поручению своих государей и были дипломатами. Пользуясь авторитетным словарем С.И.Ожегова, дадим определение понятию дипломат: «должностное лицо, специалист, занимающийся дипломатической деятельностью, работой в области внешних сношений» [3].

Определим цели дипломатических поездок иностранцев в Московию во время правления Ивана Грозного:

-льготы при торговле привезенным товаром с перспективой перехода на беспошлинную

торговлю;

-возможность обретения новых территорий в ходе Ливонской войны;

-попытка наладить торговые связи и укрепить собственную экономику;

-зондирование почвы для усиления собственного влияния; интерес к неизведанной Московии;

-выстраивание партнерских отношений для собственной безопасности.

Отметим, что иностранные дипломаты фактически пользовались неким шаблоном при написании своих сочинений о России : обстоятельства, предшествующие поездке в Москвию, цель визита, климат страны, особенности русских с учетом религиозных аспектов: повседневная жизнь, одежда, отправление религиозного культа, нравы и моральный облик, разочарование от несбывшихся ожиданий, трудности взаимодействия с местным населением, тяжелый быт, впечатление о России до встречи с царем, царский пир, особенности аудиенций Ивана Грозного, итоги переговоров, затаенная обида, не достижение цели дипломатической миссии. Как правило, возвращение на Родину и реакция направившего в поездку лица не описываются, умалчивается и факт отстранения от дальнейшей дипломатической службы.

В данной связи воспользуемся хронологическим принципом изложения материала. Выстроим повествование от 1578 года до конца века (хотя сочинение Джерома Горсея охватывает и время после смерти Ивана Грозного). Остановимся на сочинениях нескольких иностранных дипломатов, которым уделяют мало внимания или чаще всего, на наш взгляд, неточно их интерпретируют: сочинения Я.Ульфельдта (1535-1593),Д.Горсея (1550-1626),Д.Флетчера (1548-1611).[\[4\]](#).

Я. Ульфельдт отправился в Москвию в 1578 году, затем написал «Путешествие в Россию», в котором поделился особенностями поездки. Данный источник является крайне важным, т.к. к моменту встречи с царем еще был жив его старший сын Иван Иванович, погибший при невыясненных обстоятельствах в ноябре 1581 года, которого Я.Ульфельдт несколько раз видел. Поражает то негативное отношение, с которым дипломат подходит к описанию русских, как варваров, образ жизни и поведение которых, по его мнению, далеки от цивилизованного. Вместе с тем отдельные аспекты изображения русских вызывают улыбку: русские «смачно» ругаются «собака», «собачий сын» [\[5, с.19\]](#). В этой связи уместно вспомнить дипломатические послания Ивана Грозного, который нарушает все мыслимые нормы европейского делового этикета и подобными выражениями оскорбляет адресатов [\[6, с.13\]](#). Отметим, что Я.Ульфельдт за свое короткое пребывание в России несколько раз поражался великолепию и разнообразию одежд царя и его сына. Вместе с тем приятное впечатление о царе вытесняла описанная дипломатом царская неопрятность на пиру, которая поразила датчанина. Менее эмоционально и без брезгливости он описывает якобы существовавший царский гарем, состоявший из 50-ти наложниц. Тем самым автор показывает близость «варвара» с восточными деспотиями, где подобная практика была широко распространена. Особенно оскорбительным дипломату показался тот факт, что во время аудиенции государь его невнимательно слушал и отвлекался. Удивило Я. Ульфельдта, что прежние договоренности относительно мира с Данией неожиданно перестали действовать. Обратим внимание, что самодержавный правитель, коим позиционировал себя Иван Грозный, был волен жаловать и казнить, когда пожелает [\[7, с.132-161\]](#). Подобное могло касаться и дипломатических договоренностей. Самовластный правитель волен резко

менять свое мнение в угоду политического момента. Удивило дипломата, что царскому визитеру необходимо приходить «под царские» очи с подарком и важное значение придать произнесению полного царского титула. Десять дней у Я.Ульфельдта описаны почти адом: тяжелые бытовые условия, русские не учитывали гастрономические пристрастия гостей (желают поесть гусей и выпить крепкий алкоголь), несколько раз датскому посланнику встречались одноглазые представители населения: не только среди царских подданных, но и среди крестьян. Подобные описания призваны сделать описываемых русских не просто нравственно опустившимися, но и внешне очень «мерзкими». В целом дипломатическая миссия Я.Ульфельдта не была успешной, по возвращении на Родину, он был отправлен в отставку. Отметим, что воспоминания датчанина являются наиболее достоверными, среди рассмотренных нами в настоящей статье.

Продолжил формировать представление о России в Западной Европе английский дипломат, который к тому же являлся тайным агентом английского двора - Джером Горсей. Он военными припасами помогал русскому оружию в условиях затянувшейся Ливонской войны. В связи с этим дипломат был удостоен высокой чести: несколько раз беседовал с царем. Англичанину удалось пообщаться с ним одним из последних перед самой смертью правителя. Хитрый Иван Васильевич не показал Горсею своего истинного лица, был благожелателен и учтив^[8, с.85]. Отметим, что английский посланник допускает в своей книге целый ряд фактических ошибок и неточностей, объединяет события, произошедшие в разные временные промежутки: Дж. Горсей путает последовательность продвижения царских войск в ходе опричного похода в 1570 году, число жертв новгородского погрома сильно преувеличено и не соответствует данным, которыми располагают современные исследователи^[10, с.43-75]. Стоит сказать, что автор ошибается, когда группирует события, произошедшие с интервалом почти в 10 лет: введение опричнины в России и назначение Симеона Бекбулатовича «царем Московии». Чтобы подчеркнуть превосходство Англии над Россией, подробно описан эпизод, в котором Иван Грозный удивляется количеству кораблей английского флота^[8, с.73]. (Осведомленный читатель знает, что проблема строительства кораблей и Балтийский вопрос окончательно были решены в эпоху Петра Великого)^[9]. Сцены, описывающие расправы с неугодными монахами посредством травли медведями, созданы в ключе описания средневековых пыток: «испытания» духовных лиц железом и водой требуют проверки другими источниками. Тем самым автор показывает, что царь с каждым днем все больше переживает за личную безопасность, оправдывая его жестокость^[8, с.62]. В сказочном и полулегендарном стиле предстает перед нами Иван Васильевич в эпизоде демонстрации царских сокровищ и старинных камней. Царь изображается обладателем и ценителем эзотерических знаний. Это подтверждается в описанном эпизоде с начертанием магического круга с пауком. Особую важность для исследователей представляет эпизод последних секунд жизни Ивана Грозного, неожиданно умершего за игрой в шахматы. Подобное описание дает представление об ограниченном круге лиц, приближенных к трону. Данный фрагмент также формирует три версии смерти Ивана Грозного:

- смерть от венерического заболевания (на что намекает Горсей); Не только английский дипломат, но и беглый князь А.М. Курбский (умерший годом ранее государя) подтверждает наличие «1000 дев» у царя^[9, с.17-22];
- смерть от водянки живота (описания, данные англичанином, подобное проявление болезни подтверждают);

- смерть от удушения (не следует переводить утверждение, что в царских покоях было душно, используя пассивный залог английского языка).

Также ряд историков полагает, что царь был устранен западными агентами. Одним из которых мог быть Джером Горсей. Вместе с тем некоторые торговые преференции англичанину все же удалось получить от царя. Этим обстоятельством и объясняется благостное описание посланником правителя, его расположение к нему. Т.к. автор воспоминаний дольше других жил в Московии, ему было с кем сравнить особенности личности Ивана Грозного. Однако следует относиться к данному источнику более критично, отличать мифологизированный образ правителя от реального, привлекая к анализу и другие источники.

Самым образованным из трех представленных в настоящем исследовании послов был Дж.Флетчер, который имел несколько образований, был не чужд творческих порывов, а также был членом английского парламента. Важной особенностью его сочинения «О государстве» русском (1591) является тот факт, что лично царя Ивана Грозного он не застал, а пользовался слухами и сплетнями о нем. Царь умер за несколько лет до приезда английского посланца в Россию. Мы видим, что и при новом правителе важное место занимали формальные процедуры: не произнесение полностью царского титула повлекло за собой гнев Федора Ивановича и отъезд дипломата в Англию без существенных результатов. Флетчер, обидевшись, начинает «информационную войну» против выгнавшего его Рюриковича и смешиивает правдивые свидетельства и откровенную клевету. Неправдоподобен эпизод с разговором Ивана Грозного и золотых дел мастера, в котором правитель указывает, что «русские мои все воры», себя же отделяет от них и называет германцем. [\[12, с.19\]](#) Тем самым Флетчер показывает, что в России настолько варварские нравы, что царю стыдно отождествлять себя с русскими. Таким образом, варварский народ имеет такого правителя, который в припадке гнева убивает собственного сына. Подобный исход – правосудие Божие за совершенные грехи. Книга Флетчера в силу своей агрессивной направленности и недостоверности имеет тяжелую судьбу, подвергалась сожжению, полностью опубликована менее двух веков назад.

Однако автор делает и верный политический прогноз – после смерти последнего царя из династии Рюриковичей в стране наступила Смута.

Обобщая вышеизложенное отметим, что миф об Иване Грозном фактически стал складываться в период правления Федора Ивановича, т.е. после смерти государя. Записки иностранных путешественников, посетивших Россию, являются очень интересным историческим источником. Иностранцы часто испытывали культурный шок, многое не понимали и описывали то, что придворные летописцы что называется не смели замечать. В Смутное время все «чёрные легенды» о России и русских, включая миф об Иване Грозном, закрепляются в сочинениях иностранцев в качестве достоверной информации. При этом всякий раз это приводит к утверждению негативных стереотипов о нашей стране. Поэтому любой, кто исследует или просто читает воспоминания иностранцев о России, должен подходить к ним критически и полностью не принимать их на веру. Также отметим, что до сих пор все воспоминания иностранцев о России времен Ивана Грозного не собраны в единое издание и не снабжены необходимым научным аппаратом и компетентными комментариями профессиональны историков.

Библиография

1. Ключевский В.О. Сказание иностранцев о Московском государстве. Москва:

Прометей,1991.334 с.

2. Герберштейн С. Записки о Московии Москва: Издательство МГУ,1988.430 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка
<https://ozhegov.slovaronline.com/7015-DIPLOMAT> (дата обращения: 18.04.2023).
4. Морозова Л. Е. Иностранцы о личности Ивана Грозного (доопричный период) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2021. № 1 (13). С. 40–51.
5. Ульфельдт Я. Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельдта в XVI веке. Москва : Университетская типография, 1889. 61 с.
6. Послания Ивана Грозного. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР,1951.716 с.
7. Каравашкин А.В.Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. Москва: Прометей,2000.418 с.
8. Джером Г.Записки о России. Москва: Издательство МГУ,1990.288с.
9. Межуев Д.О. Балтийский вопрос во внешней политике России (1558—1730 годы). Научный диалог. 2023;12(2):402-416. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-402-416>
10. Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1994.192 с.
11. Курбский А.М.История о делах великого князя московского.Москва: Наука,2015.944 с.
12. Флетчер Д. О государстве русском. Санкт-Петербург: Издание А.Суворина,1906.138 с.
13. Штаден Г.Записки о Московии. Москва:Древлехранилище,2008.584 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Выдающийся литературный критик В.Г. Белинский как-то заметил: «Русская история есть неистощимый источник для всякого драматика и трагика». И действительно, тысячелетняя история России насыщена героическими победами и не менее трагическими неудачами. Многие события отечественной истории, впрочем как и многие конкретные персонажи по-прежнему служат предметом серьёзных споров не только в профессиональном сообществе, но и в публицистике, а также в интернет-пространстве. Заметим, что для создания объективной панорамы прошлого всегда был интересен и внешний взгляд. К слову, как ни парадоксально, но эпоха Ивана Грозного представлена многими западными источниками.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является образ Ивана IV среди западных дипломатов. Автор ставит своими задачами рассмотреть такой корпус источников о Руси, как записи западных дипломатов, проанализировать взгляд как на нашу страну, в целом, так и на Ивана Грозного, в частности.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В работе автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать воспоминания западных дипломатов как исторический источник по эпохе Ивана Грозного.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 10 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников отметим работы С. Герберштейна, Г. Джерома, Д. Флетчера и др. Из используемых исследований укажем на труды А.В. Каравашкина и Д.О. Межуева, в центре внимания которых различные аспекты истории России второй половины XVI в. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей России, в целом, так внешним взглядом на нашу страну, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «иностранные посланники пытаются передать не только живую речь представителей боярства, но и высшей верховной самодержавной власти - царя». Автор обращает внимание на то, что «иностранные дипломаты фактически пользовались неким шаблоном при написании своих сочинений о России : обстоятельства, предшествующие поездке в Московию, цель визита, климат страны, особенности русских с учетом религиозных аспектов: повседневная жизнь, одежда, отправление религиозного культа, нравы и моральный облик, разочарование от несбывшихся ожиданий, трудности взаимодействия с местным населением, тяжелый быт, впечатление о России до встречи с царем, царский пир, особенности аудиенций Ивана Грозного, итоги переговоров, затаенная обида, не достижение цели дипломатической миссии». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «об Иване Грозном фактически стал складываться в период правления Федора Ивановича, т.е. после смерти государя».

Главным выводом статьи является то, что «до сих пор все воспоминания иностранцев о России времен Ивана Грозного не собраны в единое издание и не снабжены необходимым научным аппаратом и компетентными комментариями профессиональны историков».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, следовало бы в тексте полнее отразить исследовательскую литературу по теме и дать ее краткий анализ.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Марханова Т.Ф. — Покровительство буддийским постройкам при императоре Дао-у династии Северная Вэй как способ утверждения политической власти // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.5.40693 EDN: YYQLRK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40693

Покровительство буддийским постройкам при императоре Дао-у династии Северная Вэй как способ утверждения политической власти

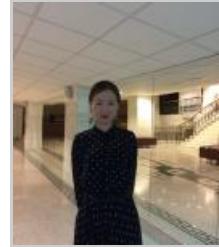
Марханова Татьяна Фридриховна

кандидат исторических наук

переводчик, ООО "Стандарт"

670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 64-69

 tatiyaba@mail.ru

[Статья из рубрики "Мировая история: эпохи и периоды"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.5.40693

EDN:

YYQLRK

Дата направления статьи в редакцию:

08-05-2023

Дата публикации:

15-05-2023

Аннотация: Предметом исследования является анализ становления буддизма при династии Северная Вэй. Объектом исследования являются буддийские строительные проекты как способ утверждения политической власти. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как строительство буддийской пагоды, зала на горе Сумерау, пика Стервятника и «Великого монастыря» (Дасы). Когда в конце четвертого века образовалось государство Северная Вэй, буддизм получил чрезвычайно широкое распространение в их империи. Имперское покровительство буддийскому обществу продолжалось на протяжении всей династии вплоть до ее упадка в шестом веке. Мощные образы правителей, альтернативные представления о центрах власти и особые способы спонсирования общественных памятников пришли из понимания правителями Северной Вэй древней Индии, которые, в свою очередь, были получены от индийских миссионеров, отчетов китайских паломников и буддийских писаний, переведенных на китайский язык. Строительные проекты, в частности, давали правителям возможность представлять себя народу в различных мифо-исторических фигурах. Основными

выводами проведенного исследования являются император Дао-у создал образ, узаконивающий свое правление, основанный на индийских буддийских символах власти, а не на китайских конфуцианских традициях правления. Ассоциация пагод, пика Стервятника с царем Ашокой все еще была сильной в народном воображении, чем не мог не воспользоваться Дао-у. Новые строительные буддийские комплексы на самом деле были предназначены для демонстрации политического господства в столице. Новизна исследования заключается в том, что автор показал императора Дао-у, изображающим себя как мифо-исторические индийские авторитетные фигуры, такие как Индра, царь Бимбисара, император Ашока и Вималакирти для утверждения своей императорской власти.

Ключевые слова:

средневековый Китай, Северная Вэй, буддизм, буддийская архитектура, буддийские постройки, тобийцы, император Дао-у, император Ашока, Вэйшу, Фасян

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 21-18-00074 «Мирры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов».

Династия Северная Вэй (386–534) самая долгоживущая и самая могущественная из северных империй до воссоединения северного и южного Китая под властью династий Суй и Тан. Между Китаем и Средней Азией процветала торговля и влияние индийских художественных стилей особенно заметно в искусстве периода Северной Вэй [3, с. 29]. Как и монголы тысячелетие спустя, сяньбэй стали в значительной степени полагаться на ханьских китайских администраторов и бюрократов, которые помогали управлять государством [1, с. 71]. Этот тесный контакт с китайской культурой помог превратить аристократический класс сяньбэй из кочевых всадников в китайских горожан. Важные и влиятельные семьи (включая императорскую семью) приняли китайские фамилии, отказались от традиционной одежды в пользу китайской моды и, что наиболее важно для истории китайского религиоведения, обратились в буддизм, которому они с энтузиазмом покровительствовали.

Буддийским монастырям были пожертвованы огромные богатства и большие участки земли, что впоследствии привело к серьезному оттоку капитала и реальной угрозе государству. Но на протяжении большей части пятого века буддизм пользовался практически безудержной поддержкой двора Северной Вэй, за исключением короткого периода с 446 по 452 год, когда император Дай У-ди (423–452) сделал даосизм государственной религией и жестоко преследовал буддизм, буддийское духовенство и монастыри, а также его искусство, литературу и архитектуру. После смерти У-ди преследование прекратилось, и двором возобновилось щедре покровительство буддизма. Изюминкой этого спонсорства являются пещерные храмы Юньган и эклектичные монументальные иконы, которые так ясно демонстрируют скульптурный стиль Северной Вэй.

Тобийцы отказались от шаманизма, поскольку им требовалось мощное религиозное учение, способное выполнять функции государственной идеологической системы, поэтому правители северных династий использовали буддизм в сфере идеологических отношений [2, с. 147]. На протяжении полутора столетий своего правления императорская семья династии Северная Вэй постоянно покровительствовала буддийским строительным проектам как средству утверждения своего суверенитета с помощью политической

символики, уникальной для истории и писаний буддизма. В статье исследуются случаи покровительства со стороны правителей Северной Вэй. Во-первых, это спонсирование зданий основателем династии, императором Дао-у (годы правления 386–409). В 398 году, когда он основал свою новую столицу в городе Пинчэн, он приказал построить пагоду, буддийский зал на горе Сумеру, пик Стервятника и монастырь. Хотя эти проекты были истолкованы как государственная поддержка буддизму, предполагается, что они были предназначены для того, чтобы представить столицу как центр правления, используя символику мифических и исторических индийских мест горы Сумеру, Паталипутры и Раджагрихи, при этом позиционируя императора как современного дневного проявления Господа Индры, царя Бимбисары или императора Ашоки. Следующий пример – один из памятников, свидетельствующих о восстановлении буддизма после преследований 444–446 гг. императором Вэньчэном (годы правления 452–465). Под руководством монаха Танъяо (ок. 410–ок. 486) император приказал вырезать в скале Юнган пять гротов, в каждом из которых находилось колосальное собрание Будды. Считается, что они представляют его прямых предков и его самого и были сделаны для кармической и политической выгоды королевской линии. В 500 году император Сюаньyü (годы правления 499–515) приказал раскопать пару пещерных часовен в Лунмэне, новом императорском пещерном храме за пределами перемещенной столицы Лоян. Рельефные изображения внутри были предназначены для того, чтобы породить кармические заслуги его покойных родителей, представить его покойного отца в его нереализованной роли императора всего Китая и изобразить его самого в замечательных образах буддийского мудреца-мирянина Вималакирти и идеального сострадательного бодхисаттвы принца. В последнем случае вдовствующая императрица Ху (ум. 528), правившая от имени своего сына, приказала построить самую богато украшенную пагоду из когда-либо построенных. Колossalные расходы, технические достижения и роскошный внешний вид пагоды Юннин, вероятно, были предназначены для демонстрации ее благочестия и власти, чтобы поддерживать ее сомнительное право на суверенитет.

Согласно официальной династической истории того периода, в 398 году император Дао-у приказал построить следующее:

пятиэтажная пагода, пик Стервятника и зал на горе Сумеру. Отдельно были построены лекционный зал, зал для медитаций и помещения для монахов, все строго и законченно [19].

Хотя современные ученые рассматривают эти проекты как доказательство того, что правительство Северной Вэй установило буддийскую религию в столице, можно также интерпретировать их как основание города Пинчэн как столицы и правящего центра, в дополнение к самоуправлению императора как государя.

Пятиэтажная пагода

Двор Северной Вэй рассматривал государственные пагоды как производящие впечатление символы суверенитета. Ни одна из записей о различных пагодах, построенных по императорскому приказу во время Северной Вэй, не указывает на наличие реликвий; скорее, они более сосредоточены на высоте и великолепии здания. Политическое значение пагод связано с императором Ашокой (годы правления ок. 269–232 до н. Э.). Как первый великий имперский пропагандист буддизма в Индии, Ашока был взят за образец правителями Китая, которые хотели позиционировать себя как могущественные покровители [18]. В то же время Ашока также воспринимался как

исторический пример древнего ведического понятия чакравартин, или вселенский правитель. Его считали «чакравартином с железным колесом», который правил Джамбудвипой, южным континентом в буддийском космосе, где, по мнению китайских верующих, располагались Индия и Китай. Таким образом, Ашока стал образцом, который мог рассматриваться как превосходящий по силе и достижимый для любого исторического китайского монарха. Один из самых известных проектов Ашоки по распространению буддизма заключался в том, чтобы собрать реликвии Будды из восьми ступ, на которые они были разделены, чтобы разделить их на восемьдесят четыре тысячи частей, каждая из которых должна была быть установлена в одной из восьмидесяти четырех тысяч новых ступ, разбросанных по всей его империи. Средневековые китайцы считали, что первая и самая большая из всех восьмидесяти четырех тысяч ступ была построена к югу от Паталипутры, столицы Ашоки [\[13\]](#). Политическое послание этого акта, дошедшее до правителей Северной Вэй, заключалось в том, что, хотя Ашока обладал властью распространить свое влияние повсюду в своем царстве, он усилил влияние центрального командования, исходящую от его места правления, сделав одну из ступ больше и заметнее всех остальных, той, что стояла в его столице.

Пик Божественного Стервятника

Создание Пика Стервятника (*Grdhrakūta*), вероятно, также имело отношение к суверенитету и связям с Ашокой. В «Записках о буддийских царствах» (Фогоцзи), написанных великим китайским паломником Фасяном (ок. 337–ок. 422) после его возвращения из Индии в 415 г., есть такая запись:

У царя Ашоки был младший брат, который стал архатом и жил на Гридхракуте, находясь радость в уединении и покое. Король искренне почитал его, желал и умолял его приехать и жить в его семье, где он мог удовлетворить все свои потребности. Он же, наслаждаясь тишиной горы, не захотел принять приглашение, на что царь сказал ему: «Только прими мое приглашение, и я сделаю для тебя холм внутри города». Соответственно, он предоставил продукты для пира, призвал к себе духов и объявил им: «Завтра вы все получите мое приглашение; но так как у вас нет циновок, на которых вы могли бы сидеть, пусть каждый приносит (свое место)». На следующий день пришли духи, каждый из которых принес с собой большой камень, четыре или пять квадратных шагов (для сиденья). Когда их заседание закончилось, царь приказал им образовать холм из больших камней, сложенных один на другом, а также у подножия холма из пяти больших квадратных камней сделать помещение, которое могло быть более тридцати локтей в длину, двадцать локтей в ширину и более десяти локтей в высоту [\[6\]](#).

В записях Фасяна не упоминается название этого сверхъестественного холма, созданного внутри города Ашоки, но, вероятно, его также называли Пиком Божественного Стервятника, как часть эффекта реальности, необходимого для соблазнения брата-архата Ашоки. Поскольку от Пинчэна четвертого века осталось очень мало, неизвестно, построил ли император Северной Вэй большой каменный холм. Однако если бы именно так император «создал Пик Стервятника», это укрепило бы представление о Пинчэне как о столице, поскольку первоначальное событие произошло в Паталипутре, второй столице Ашоки, и император Дао-у снова изображался бы как современный Ашока.

Другая теория создания Пика Стервятника в 398 году была выдвинута китайским историком Чжао Идэ, который утверждал, что он был «создан» путем переименования реальной горы недалеко от столицы. Он считает, что это был горный утес, который

теперь называется Юньган [\[14, с. 76\]](#). В шестнадцати километрах к юго-западу от современного Датуна находятся знаменитые гроты Юньган, где сорок пять больших скульптурных гротов были выкопаны из южной скалы в пятом веке под Северной Вэй. Одним из ключевых понятий к их теории является название места. Имя Юнган появилось сравнительно недавно. Во времена Северной Вэй ее называли как гора Учжоу, так и Линъянь, или Чудовищной горой [\[9, с. 3043\]](#). Линшань, или Чудовищная гора, — это распространенный эпитет, которым в китайских писаниях называется Гридхракута, или Пик Стервятника (Линцзюшань). Пик Стервятника был полон религиозного значения для средневековых китайских верующих. В Священных Писаниях и отчетах паломников говорится, что Шакьямуни жил в пещере на Пике Стервятника и проповедовал там много лет, больше, чем в любом другом месте [\[13\]](#).

Чжао Идэ утверждает, что имя Линъянь указывает на то, что место горы Учжоу было переименовано в Пик Стервятника. Одним из их доказательств является то, что их связывала сходная топография. Говорят, что у Гридхракуты было три пика, перед которыми протекал водный поток, тогда как утес Юньган как раз состоит из трех частей, и река Учжоу когда-то протекала вдоль его подножия [\[14, с. 76\]](#). Переименование горы Учжоу в «Пик Стервятника» с целью сакрализации было бы лишь одним из многих примеров переноса местными верующими буддийских святынь из Индии в Китай.

Тем не менее, Пик Стервятника имел и политическое значение. Это была самая важная гора за пределами Раджагрихи (Царского Дома), которая во времена исторического Будды была столицей царства Магадха. В средневековом китайском сознании человек, построивший Раджагриху, был Бимбисара, царь Магадхи, который был современником и покровителем Будды Шакьямуни. Его добродетель принесла ему перерождение на небесах в качестве «бессмертного среди людей», согласно священному писанию под названием «Сутра бессмертного среди людей» [\[13\]](#). Мало того, что Раджагриха был царским городом, которым правил этот добродетельный бессмертный, но и после того, как царство Магадха превратилось в империю Маурьев (322–185 гг. до н. э.), оно стало первой столицей, оккупированной императором Ашокой. В политическом смысле, если бы оно переместило Пик Стервятника на гору Учжоу, правительство Северной Вэй отобразило бы Пинчэн как новую Раджагриху, а государство Северной Вэй — как тип Магадха-Маурья. Кроме того, позиционирование Пинчэна как нового раджагриха превратило императора Дао-у в современное воплощение короля Бимбисары и императора Ашоки.

Зал на горе Сумеру

Хотя запись в «Вэйшу» («История Северной Вэй») не содержит описания Зала горы Сумеру, благодаря «Чанъаньской монографии» (Чанъань чжи) Сун Минцю (1019–1079 гг.) мы имеем представление, как могла бы выглядеть гора Сумеру. Запись Сун включает описание горы Сумеру, созданной в Чанъане для Яо Сина (годы правления 394–416), императора другой великой державы северного Китая в конце четвертого века, Позднего Цинь (384–417 гг.). Описание песни звучит так:

В центре [Платформы Праджня] была сотворена гора Сумеру. На его четырех сторонах были высокие пики и отвесные скалы. На нем были драгоценные птицы и диковинные животные, деревья и травы, изысканные и чудесные, и изображения бессмертных и Будд. О таком никто никогда не слышал, и она считалась редкостью и чудом [\[12\]](#).

Четыре стороны Сумеру были подкреплены другими горными вершинами, обращенными к

четырем сторонам света, на нижних склонах росли деревья, проживали люди, водились птицы и животные, а также фантастические существа, такие как птицы гаруда [\[10\]](#). Придворным ремесленникам было относительно легко создать точную копию, возможно у них была готовая модель в виде курильниц для благовоний бошан, которые производились с поздних времен Воюющих царств, и которые представляли собой гору или остров бессмертных, покрытые пиками, животными, как естественными, так и причудливыми, и фигурами бессмертных [\[5, рис.112\]](#). Однако ремесленникам было бы труднее создать верхние склоны горы Сумеру, поскольку мировая гора имеет форму песочных часов и описана как верх шире, чем основание.

Яо Син был одним из самых ярых имперских спонсоров буддизма в истории Китая, покровителем великого переводчика Кумарадживы (344–413) и самостоятельным буддийским интеллектуалом. Поскольку нет свидетельств какой-либо конкретной буддийской религиозной практики сфокусированной на модели священной мировой горы, гора Сумеру Яо должна пониматься с точки зрения ее политического символизма в рамках буддийской мысли. Согласно классической ведической мысли, включенной в буддийскую веру, гора Сумеру является осью мира в центре вселенной [\[7, с. 64\]](#). Расположенная посреди бескрайних океанов, в которых лежат четыре континента, она является неподвижной точкой отсчета для всего, что ее окружает. Следовательно, он символически ассоциируется, по словам Яна У. Маббетта, с «королем, его дворцом, его центральной святыней и его столицей» [\[7, с. 80\]](#). Такие ассоциации являются фундаментальными для буддийских представлений об «управлении из центра». Согласно классической китайской мысли, короли династий Ся, Шан и Чжоу (ок. 1800–256 гг. до н.э.) правили из области, считавшейся географическим центром Китая, то есть примерно из области Лоян-Чжэнчжоу-Аньян в современной провинции Хэнань. В словах надписи на Хэ цзун 1038 г. до н. э., например, автор говорит: «император Вэнь принял Великий Наказ, а император У осуществил завоевание Великого Города Шан, объявив об этом Небесам словами «Я должен жить в центре и оттуда управлять народом» [\[5\]](#). В конце концов, династия Северная Вэй в 494 году перенесла свою столицу в Лоян, очевидно для того чтобы следовать классическому китайскому идеалу правления из традиционного центра. В 398 г. решение проблемы заключалось в создании другого центра, основанного на буддийской географии. Строительство модели горы Сумеру в столице сделало город центром вселенной, что является чем-то большим, чем просто нахождение в центре Китая.

Не менее важно, с точки зрения политической символики, то, что находится на вершине горы Сумеру. Небеса Траястримша, или Небеса Тридцати Трех (Богов), расположенные на плоской вершине горы. В буддийской космологии это второе из шести небес царства желаний, которым правит девараджа, или царь богов, Индры. В его центре находится столица Индры, называемая Сударшана, или Город, который радует глаз, а в центре этого города находится его дворец, Вайджаянта прасад (Дворец Победы). Благодаря высочайшему положению дворца Индры в Траястримше, расположенного на вершине центральной оси вселенной и возвышающегося над всем внизу, Индра рассматривается как правитель мира. Согласно анализу По-кан Чжоу, поскольку Яо Син не мог найти основания в традиционной китайской политической мысли, чтобы считать себя всемогущим правителем, потому что он не был ни доминирующим в военном отношении, ни ханьским китайцем, он обратился к буддийским представлениям о царской власти для легитимации [\[4, с. 39\]](#). Яо Син отказался от китайского титула «император» в пользу девараджа. Существовали precedents принятия на себя роли девараджи на земле, например, Фу Цзянь (317–355), основатель предшествующей династии со столицей в

Чанъане, объявил себя девараджей в 351 г. в рамках установления династии [\[11, с. 240\]](#). Помимо притязаний на титул девараджа, правители четвертого и пятого веков также строили великолепные дворцы, которые, по описанию, могли соперничать с Дворцом Победы Индры. Например, вождь хунну, основатель династии Ся - Хэлянь Бобо (381-425) сказал о своем роскошном новом дворце в Тонване, что «даже украшенная драгоценностями пагода Татхагаты на Сумеру или божественный дворец Шакры в Траястримше недостаточны в качестве метафоры для его великолепия».

Хотя император Дао-у не решил называть себя девараджей, создав модель горы Сумеру, он расположил свой дворец и столицу как подобие дворца Индры и столицы в Траястримше на вершине горы Сумеру, откуда он правит миром. Как и в случае с другими проектами 398 г., создание Зала на горе Сумеру имеет внешнее буддийское религиозное значение, хотя на самом деле представляет собой магическое и символично политическое использование индийских космологических концепций, найденных в буддизме. При этом император переместил центр вселенной в столицу Северной Вэй и позиционировал себя как Индру, правителя мира.

"Великий Монастырь" ("Дасы")

Последним проектом, спонсируемым императором Дао-у, были главные залы буддийского монастыря. Говорят, что они были построены «строго и полностью», что означает, что количество и тип зданий должны были соответствовать тому, что было известно об индийских монастырях. Лекционный зал, зал для медитаций и помещения для монахов, возможно, были комплексом зданий, которые стали известны как Великий монастырь (Дасы), главный имперский монастырь ранних времен Северной Вэй. А мотивом создания монастыря была пропаганда буддизма. Другим городом с «Великим монастырем» был Чанъань под властью Яо Сина. Чжан Чжую указывает, что у Яо Сина была пагода, помост Праджня и гора (гора Сумеру) в его монастыре в Чанъане, в то время как император Дао-у построил пагоду, гору (Пик Стервятника) и зал (Зал Горы Сумеру) в своей столице в Пинчэне [\[15, с. 47\]](#). В типичной манере правителей, чья власть росла, император Дао-у соперничал со своим соперником на западе в архитектурной ортодоксальности и великолепии. В надежде выиграть состязание с Яо Сином, он и построил монастырский комплекс.

Таким образом, император Дао-у создал образ, узаконивающий свое правление, основанный на индийских буддийских символах власти, а не на китайских конфуцианских традициях правления. Ассоциация пагод, пика Стервятника с царем Ашокой все еще была сильной в народном воображении, чем не мог не воспользоваться Дао-у. Новые строительные буддийские комплексы на самом деле были предназначены для демонстрации политического господства в столице.

Библиография

1. Васильев Л. С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5. С. 67–81.
2. Ветлужская Л.Л. Властные структуры и буддийская сангха в традиционном Китае (IV-VIII вв. н.э.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 146-149.
3. Якубов Ю. Роль Шёлкового пути в распространении религии на территории Средней Азии и Дальнего Востока // Известия АН РТ. Серия: Востоковедение, история филологии. 1992. №3 (27). С.29-33.

4. Chou, Po-kan. The translation of the "Dazhidulun": Buddhist evolution in China in the Early fifth century. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://buddhism.lib.ntu.edu.tw/DLMBS/en/search/search_detail.jsp?seq=164418 (дата обращения 01.04.2023).
5. Fong, Wen et al. The Great Bronze Age of China. New York: The Metropolitan museum of art, 1980. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ia800308.us.archive.org/22/items/TheGreatBronzeAgeofChinaAnExhibitionfromthePeoplesRepublicofChina_text.pdf](https://ia800308.us.archive.org/22/items/TheGreatBronzeAgeofChinaAnExhibitionfromthePeoplesRepublicofChina/TheGreatBronzeAgeofChinaAnExhibitionfromthePeoplesRepublicofChina_text.pdf) (дата обращения 22.04.2023).
6. Legge, James. A record of Buddhist Kindoms: Being an Account by the Chinese Monk Fa-Hien of his Travels in India and Ceylon (A.D. 399-414) in Search of the Buddhist books of discipline. New York: Paragon books, 1965.
7. Mabbett, Ian W. "The Symbolism of Mount Meru". History of Religions 23, 1 (1983) 64-83. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/epdf/10.1086/462936> (дата обращения 21.03.2023).
8. Strong, John S. The Legend of King Aśoka: A Study and Translation of the Aśokāvadāna. Princeton: Princeton University Press, 1983. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7zvb94> (дата обращения 06.04.2023).
9. 魏收 Вэй Шоу. 魏書 Летопись династии Вэй. Ч. 114. Пекин: Китайское книгоиздательство, 1974. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://weibo.com/ttarticle/p/show?id=2309404549042066817485> (дата обращения 06.04.2023).
10. 大智度论 Великий трактат о совершенстве мудрости. Taishō shinshū daizōkyō, Т. 25, № 1509.
11. 崔鸿 Цуй Хун. 湯球 (1804–1881) 十六國春秋 История Шестнадцати королевств 304–439 гг. Jinan: Qi Lu shushe, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.360doc.com/content/21/0803/11/17132703_989327295.shtml (дата обращения 10.04.2023).
12. 中國方志叢書 : 華中地方 Собрание местных хроник Китая: Центральный Китай. Т. 153. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://max.book118.com/html/2019/0608/7134150055002032.shtml> (дата обращения 10.04.2023).
13. 釋法顯撰 Фа Сян. 高僧法顯傳 Жизнеописание Фасяна. Vol. 51, № 2085. Tokyo: Taishō issaikyō kankōkai, 1924–1932. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hrfjw.com/dazangjing/szb/6389.html> (дата обращения 06.04.2023).
14. 赵一德. 云岗石窟文化. 太原: 北岳文艺出版社, 1998.-473页.
15. 张焯, 云冈石窟编年史. 北京: 文物出版社, 2006. – 454页.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

«Восток есть Восток, а Запад есть Запад» - эти магические строчки Р. Киплинга часто приводят различные писатели и аналитики, говоря о различиях между Европой и Азией. Но вместе с тем, при всех этих различиях не одно столетие наблюдается пристальный

интерес европейцев к странам Востока, культуре, религии, менталитету. Внимательное изучение Востока позволяет найти различия между его регионами, например, между Китаем и Индией, но опять-таки наряду с различиями у них были и определенные сходные черты.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является покровительство буддийским постройкам при императоре Дао-у династии Северная Вэй. Автор ставит своими задачами проанализировать способы утверждения политической власти династии Северная Вэй, а также показать роль буддизма в этом процессе.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать роль буддизма в Китае в период династии Северная Вэй.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 15 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на английском и китайском языках, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников отметим прежде всего китайские хроники и жизнеописания. Из используемых исследований укажем на труды Л.С. Васильева и Л.Л. Ветлужской, в центре внимания которых различные аспекты культурных связей Китая и близлежащих стран. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто интересуется как древним Китаем, в целом, так и проникновением в него буддизма, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что долгое время «между Китаем и Средней Азией процветала торговля и влияние индийских художественных стилей особенно заметно в искусстве периода Северной Вэй». Автор на различных примерах показывает, что «на протяжении полутора столетий своего правления императорская семья династии Северная Вэй постоянно покровительствовала буддийским строительным проектам как средству утверждения своего суверенитета с помощью политической символики, уникальной для истории и писаний буддизма». Примечательно, что как указывается в рецензируемой статье, император Дао-у символически «переместил центр вселенной в столицу Северной Вэй и позиционировал себя как Индру, правителя мира».

Главным выводом статьи является то, что «император Дао-у создал образ, узаконивающий свое правление, основанный на индийских буддийских символах власти, а не на китайских конфуцианских традициях правления».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории древнего мира и средних веков, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале

«Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Капсаликова К.Р. — «Второе издание покровщины» (на материале писем М. Я. Сюзюмова к В. Г. Трухановскому и С. П. Павлову) // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.5.40573 EDN: ZQGIDH URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=40573

«Второе издание покровщины» (на материале писем М. Я. Сюзюмова к В. Г. Трухановскому и С. П. Павлову)

Капсаликова Карина Рамазановна

ORCID: 0000-0003-4163-5099

кандидат исторических наук

доцент, кафедра зарубежного регионоведения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

623280, Россия, Свердловская обл. область, г. Екатеринбург, ул. Проспект Ленина, 51, ауд. 358

✉ carinne.kapsalikova@gmail.com

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.5.40573

EDN:

ZQGIDH

Дата направления статьи в редакцию:

25-04-2023

Дата публикации:

16-05-2023

Аннотация: Данная статья посвящена проблематике «рецидива покровщины» – явления в истории исторической науки, которое характеризовалось господством социологизированных схем, нивелировкой роли источниковедческого анализа, отсутствием разработок в проблемных областях вспомогательных исторических дисциплин, приматом исследований современности в ущерб изучению классической истории. Против кризиса этой «болезни роста» решительно выступил известный советский историк-византинист Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982). В его личном фонде (ГАСО, Ф. Р-802) хранятся письма к ведущим специалистам в разных отраслях исторической науки, где он подробно разбирает суть «второго издания покровщины» (вторая половина 1960-х гг.). В научный оборот вводятся два письма М. Я. Сюзюмова. Одно из них, датировано автором 5 мая 1965 г., является ответом на обращение главного редактора журнала «Вопросы истории» Владимиру Григорьевичу Трухановского (1914–2000) и второе – письмо от 2 июля 1965 г. к советскому государственному деятелю, первому секретарю ЦК ВЛКСМ Сергею Павловичу Павлову

(1929–1993). По сути, они представляют собой публицистические статьи, рефлексию на итоги Всесоюзного совещания по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, созванное по решению ЦК КПСС и СНК СССР. Рецептом от разрушающего действия покровщины М. Я. Сюзюмов считает популяризацию исторических знаний.

Ключевые слова:

историография, источникование, Михаил Яковлевич Сюзюмов, Владимир Григорьевич Трухановский, Сергей Павлович Павлов, личный архив, эпистолография, научная биография, СССР, покровщина

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 22-28-01455, <https://rscf.ru/project/22-28-01455/>

Введение

Вторая половина 1960-х – начало 1970-х гг. проходили на фоне будоражащего советское общество колоссального интереса к прошлому. В этой атмосфере «искристо и остро» прозвучал призыв поэта Р. И. Рождественского: «История! <...> Живое сердце людям отвори» [1, с. 67]. Несмотря на это историческая наука в СССР переживала рецидив «детской болезни левизны» 1920-х гг. – покровщины. Ее симптомами стали господство социологизированных схем и нивелировка роли источниковедческого анализа, отсутствие разработок в проблемных областях вспомогательных исторических дисциплин, примат исследований современности в ущерб изучению классической истории [2, с. 32; 3, с. 340–353].

Следствиями покровщины стало сокращение сроков подготовки и *abominatio desolationis* в учебном плане студентов-историков. Более того, школьное преподавание этой дисциплины серьезно перестраивалось, постепенно превращаясь из фундаментального курса в пустую агитку. Так, в 1959 г. было проведено «Всероссийское совещание по вопросу об историческом образовании в восьмилетней и средней школе». В работе совещания приняли участие учителя Москвы, Ленинграда, Свердловска, Калуги и других городов, а также научные сотрудники и представители Министерства просвещения. Они рассматривали несколько учебных программ, включающих сокращенное изучение древнего мира и средневековья, увеличение часов, отведенных на историю народов СССР с периода капитализма, выделение львиной части учебных часов на изучение Конституции страны или «Основ коммунизма». По сути, такой подход означал ликвидацию исторического образования в школе.

Многие известные ученые высказали различные точки зрения на проблему: от стремления сохранить старую программу (М. В. Нечкина) до увеличения часов по современности и создания специальной линейки учебников (В. Г. Трухановский). «История, говорил С. Д. Сказкин, должна изучаться последовательно. Переход от одной общественной формации к другой, более прогрессивной, – процесс закономерный. Без понимания этого история превращается в груду фактов. Изучение древней и средневековой истории надо проводить в 8-летней школе, ибо в старших классах это будет идти в ущерб новой и новейшей истории. Возражая В. М. Хвостову, утверждавшему, что учебное время распределяется неравномерно, С. Д. Сказкин сказал: мы затрачиваем несколько лет на то, чтобы учащиеся усвоили четыре правила

арифметики, а бином Ньютона объясняем в несколько уроков. Так и в области истории: когда есть общее представление о рабовладельческой и феодальной формациях, то в старших классах объяснение более серьезного и сложного материала занимает меньше времени» [\[4, с. 163–179; 5, с. 334–423\]](#).

Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» требовал «перевод школ с семилетнего на восьмилетнее обязательное обучение начать с 1959/60 учебного года», завершить процесс следовало «к 1962/63 учебному году, имея в виду постепенное укрупнение восьмилетних школ» (Закон СССР от 24.12.1958 // Вестник высшей школы 1959. - № 1. С. 6–13). Так, первые выпускники нового десятилетия в СССР занимались уже по новой программе, ориентированной на социологические и презентистские схемы. Несмотря на то, что историю не удалось изжить из средней школы как учебную дисциплину, наступление на науку продолжилось в формате демонтажа гуманитаристики в вузах.

Триумф неопокровщины

18–21 декабря 1962 г. в Москве проходило Всесоюзное совещание по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, созванное по решению ЦК КПСС и СНК СССР (Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 03.04.1961 № 299 "О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР" // Собрание постановлений Правительства СССР. 1961. № 7, ст. 50, п. 11.). Около двух тысяч научных работников, архивистов, преподавателей со всей огромной страны приняли участие в трех секциях: истории КПСС, истории СССР, всеобщей истории. На совещании было заслушано два доклада секретаря ЦК КПСС, академика Б. Н. Пономарева – пленарный и заключительный. Кроме того, вышел отдельный сборник, в котором прения были приведены по сокращенной стенограмме [\[6, с. 5–517\]](#).

И все же, что творилось за фундаментальным фасадом респектабельного форума историков? Отбор участников совещания проходил непрозрачно. От Уральского университета на совещание были делегированы проректор по учебной работе М. А. Батин, декан исторического факультета Н. В. Ефременков, заведующий кафедрой истории СССР О. А. Васьковский, заведующий кафедрой истории КПСС Ф. П. Быстрых. Ни крупнейшего византиниста, основателя теории диалектического континуитета, доктора исторических наук, профессора М. Я. Сюзюмова; ни специалиста по истории международных отношений, фронтовика, кандидата исторических наук И. Н. Чемпалова не было на совещании, требующего однозначного одобрения идей Б. Н. Пономарева о «необходимости гораздо большего внимания к изучению наиболее важных, актуальных, современных проблем истории» [\[6, с. 495\]](#).

Уже 27 февраля 1963 г. И. Н. Чемпалов на собрании партийной организации УрГУ констатировал факт большой известности и научного веса проф. Сюзюмова, указывал на специфические условия работы – перегрузка учебными поручениями (800–1000 часов), трудности с доступом к источникам, над которыми здесь, в Свердловске, могли бы вести работу и научные работники и аспиранты, специализирующиеся по истории Византии. «Условия работы этой кафедры исключительно трудны (нет помещений), ректорат не создает условий для работы, более того, тов. Батин, который фактически управляет университетом, тормозит, мешает работе кафедры; он считается лишь с теми, от кого ему есть польза, а кто ему не нужен, тех он отшвыривает. Всем известно, что наш ректор, как английская королева: царствует, но не правит. т. Батин своей широкой спиной заслонил

нам доступ в Москву (поехал на совещание историков во главе делегации историков в Москву сам, а с кафедры всеобщей истории никто не оказался на этом совещании, даже руководитель кафедры профессор Сюзюмов). В настоящее время и руководителей университета нужно поставить под партийный контроль. Нельзя руководить бюрократически, как это делают Батин или Янклович, который ни степени, ни звания не имеет, а занимается вопросами научной продукции». Он приводит примеры: «Бортника не печатают, Сюзюмова, которого знают за рубежом как крупного ученого, не посылают в Москву и т. п. Л. А. Медведев уехал из УрГУ в Калинин именно потому, что там, куда он уехал, ему создали условия – там он ближе к литературе, к научным кадрам, там он имеет право на научные командировки и др. В настоящее время наш факультет находится на распутье: многие наши преподаватели или уйдут, как ушел Медведев, или как научные работники завянут, «не успев расцвести»» (ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 164. Л. 126–127).

В сборник попало только выступление Ф. П. Быстрых в прениях по докладу академика АН СССР П. Н. Поспелова «Основные направления научных исследований и подготовка научно-педагогических кадров по истории КПСС». В докладе свердловский историк поднимал актуальные проблемы подготовки кадров, создания многотомной «Истории КПСС». Ф. П. Быстрых, комментируя тезис П. Н. Поспелова о необходимости создания общих работ, а не только подготовки диссертаций по местной тематике, рассказал о деятельности М. Я. Сюзюмова: серии конференций Уральского совета координации и планирования научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам, а также систематического издания сборника «Античная древность и средние века». «В Свердловске существует Уральский совет по координации: и планированию научных исследований в области гуманитарных наук. По-видимому, можно было бы при этом совете создать своеобразный центр по изданию межвузовской литературы. Надо лишь обеспечить его материальными средствами. В настоящее время в вузах начинают практиковать издание тематических сборников. Это – несомненный шаг вперед. Межвузовские сборники являются более действенным средством повышения качества нашей продукции» [\[6, с. 223\]](#).

Критика итогов совещания не была обнародована, но сам процесс обсуждения – мощный накал страстей. В прениях каждый выступающий специалист стремился поделиться с собравшимися своими тревогами и надеждами. Доктор исторических наук З. В. Удальцова подчеркивала роль координации в научной сфере, предлагая ученым Академии наук брать на себя педагогическую нагрузку, ибо «нет хороших исследований без преподавания», высвобождая время вузовским историкам для необходимых исследований. Ее выступление «Я лично знаю десятки превосходных работ, написанных в крупных городах Союза, которые до сих пор не увидели света просто по техническим причинам... Периодически РИСО проводит «вивисекцию», срезая работы преимущественно представителей общественных наук. Я думаю, что работникам РИСО нужно принять к неукоснительному исполнению очень хорошие слова из доклада Б. Н. Пономарева, что актуальность не зависит от хронологической удаленности от современности, потому что жертвами этого дамоклова меча, который именуется РИСО, в первую очередь становятся историки античности, медиевисты, иногда историки нового времени. Впрочем, нередко этот меч разит и других» [\[6, с. 446–447\]](#).

Решение проблемы историк партии Ф. П. Быстрых видел в решительном маневре: «было бы целесообразно организовать выпуск межвузовских сборников для публикации материалов по истории КПСС. Для издания таких сборников Министерство высшего и среднего специального образования СССР в каждом районе страны могло бы избрать в

виде базы один из университетов или институтов и при нем создать редакционный совет. Оратор поставил также вопрос о том, чтобы центральные издательства чаще включали в свои тематические планы работы местных историков» [\[7, с. 39\]](#).

Обстоятельное выступление доктора исторических наук В. Г. Трухановского (1914–2000) [\[8, с. 485–503\]](#) завершалось следующим пассажем: «Нам, сказал он, очень вредит примирительное отношение к тем людям, которые, работая в исследовательских институтах и вузах, многими годами ничего не дают исторической науке. На их содержание идут государственные деньги, они занимают штатные должности. Если такому «пустоцвету» удается стать руководителем сектора или кафедры, то он рассматривает успех своего коллеги, который продуктивно работает и пишет книги, как упрек для себя и не успокоится, пока не скомплектует сектор из себе подобных. Конечно, не следует преувеличивать значение этих людей. Их незначительное меньшинство по сравнению с честными, талантливыми учеными. Но ведь они есть. И когда читаешь в газетах, что делают колхозники и рабочие — последователи Н. Г. Заглады в борьбе за честное отношение к труду [\[9, с. 3–38\]](#), хочется пожелать: вот бы нам поднять такой поход в исторической науке против тех, кто место в ней занимает, а пользы не приносит» [\[10, с. 25–26\]](#).

С 1960 по 1987 гг. В. Г. Трухановский как главный редактор журнала «Вопросы истории» вполне мог «поднять такой поход» на страницах авторитетного научного издания.

«Историческая наука теряет свою специфику...»

В Государственном архиве Свердловской области (Фонд Р-802) хранятся письма известного ученого, основателя теории диалектического континуитета М. Я. Сюзюмова. На протяжении почти полувека – с 1937 по 1982 гг. – он работал в вузах Урала. 17 мая 1954 г. им была защищена докторская диссертация «Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма» в Совете Института истории АН СССР. На протяжении десяти лет он оставался единственным доктором исторических наук в Уральском университете. В 1950–1960 гг. историк принял участие в серии всесоюзных дискуссий: о закономерностях перехода от рабовладельческой к феодальной формации и «дофеодальном периоде» в Византийской истории; о генезисе средневекового города; о собственности на землю в империи.

Свердловск,

среда, 5 мая 1965 г.

Глубокоуважаемый Владимир Григорьевич,

Я получил Ваше письмо от 30 апреля с предложением изложить свое мнение о том, как изменилась историческая наука в СССР под воздействием Всесоюзного Совещания историков, состоявшегося в декабре 1962 года. Я присыпаю Вам свои соображения, но не думаю, что Вы их используете: исторически сложилось так, что в подобных кампаниях о результатах Совещаний установился обычай петь аллилуйю. Но я не в состоянии придерживаться такого обычая, я очень критически отношусь к Совещанию, считаю «черными днями» дни работы Совещания для исторической науки. Вместо существовавшего взгляда на историю, как на изучение развития человечества как единый процесс, Совещание провозгласило, что основное в исторической науке – единственно актуальное – изучение современного общества. Историческая наука теряет свою специфику, растворяясь в системе разных наук, изучающих и анализирующих

современное нам общество. Я полагаю, что такие решения удалось провести на Совещании только потому, что на нем почти не присутствовали в качестве делегатов вузов историки древнего мира, медиэвисты. Состав Совещания был подтасован. Пример: от нашего Уральского Университета были посланы два историка СССР советского периода, один историк КПСС, один литератор истории литературы советского периода. Я протестовал указывая, что имею полное право быть делегатом – я единственный профессор на истфаке, завкафедрой всеобщей истории, председатель экспертной комиссии совета координации по уральской зоне по историческим наукам, участник трех всесоюзных дискуссий в центральной исторической прессе. Но мне было дано в ответ, что необходимо посыпать историков современности. Что таково будто бы было указание!!! Я не удивился, так как сообразил, что цель созыва Совещания – дискриминация истории древнего мира, средних веков, отчасти нового времени, дискриминация историзма в исследованиях, превозношение абстрактно-логического перед работой над источниками!

Я хорошо знаю, что далеко не все историки восторгаются результатами Совещания, но полагаю, что мое мнение будет диссонансом в струе восторга от роли Совещания и я прошу Вас извинить меня за откровенные, но неудобные для журнала положения.

С глубоким уважением

и с пожеланиями всего наилучшего

М. Я. Сюзюмов

(ГАСО. Ф. Р-802. Д. 172. Л. 1.)

Машинопись, отпуск

М. Я. Сюзюмов написал подробную аналитическую статью, посвященную итогам совещания для исторической науки. К сожалению, по неизвестным причинам в «Вопросах истории» она опубликована не была и увидела черноту типографской краски только полвека спустя [\[11, с. 294–303\]](#).

Более подробно позиция М. Я. Сюзюмова представлена в его письме к Сергею Павловичу Павлову (1929–1993), первому секретарю ЦК ВЛКСМ в 1959–1968 гг. [\[12, с. 165–172\]](#).

Свердловск, пятница, 2 июля 1965 года

Глубокоуважаемый Сергей Павлович,

Вам пишет Сюзюмов Михаил Яковлевич, профессор Уральского университета, византинист.

Я обращаюсь к Вам по поводу работающего в настоящее время в Москве идеологического совещания. Я очень хотел бы излить перед Вами свои горькие чувства в связи с современным состоянием исторического образования и отношения ведущей части общественности к исторической науке. Я уже пережил период унижения исторической науки в 20-е годы, когда торжествовали идеи покровщины, этого своеобразного пролеткульта в историографии, философски осознанного элементами махизма, приспособленного к потребности пролеткульта. Это было время, когда история отовсюду изгонялась! Я пережил и тот восторг, когда была ликвидирована, хотя и не до конца, школа Покровского. Не мог я тогда предполагать, что эта присущая покровщине

ненависть и презрение к исторической науке повторится вновь через четверть века! Увы! начиная с 1954 года началось планомерное наступление против исторической науки, – с фанатизмом средневековой инквизиции всеобщая история стала отовсюду изгоняться или ущемляться! Изгнана была всеобщая история из партшкол, вечерних университетов марксизма-ленинизма, из филфаков, факультетов журналистики и т. п. В 1958 г. с трудом удалось отстоять сохранение истории в средней школе, но древняя, средняя и новая истории сведены были до минимума. История в средней школе стала считаться третьестепенным предметом. Закрываются один за другим исторические факультеты в педагогических вузах и университетах. (И это в стране, где мировоззрением общества является марксизм, проникнутый полностью историзмом!)

В историческом факультете с каждой новой программой и учебным планом стали сокращать число часов, отведенных древней и средней истории!

В 1962 году проведено было «совещание» историков, на котором под соответствующим давлением и соответствующей подготовке в части состава совещания было выдвинуто такое определение «актуальности» в исторической науке, которое фактически явилось призывом к молодежи не заниматься всеобщей историей как наукой о развитии общественного бытия, в особенности древней и средней историей... Это сразу же отразилось на настроениях студентов, среди которых стали раздаваться вопросы «к чему нам особенно заниматься средней и древней историей? ведь не в древнем же обществе мы живем!» Это логически вытекало из тех положений об актуальности, как злободневности, которые трактовались на «совещании» и на страницах журнала «Коммунист» после «совещания».

Естественно, что после этого «совещания» гонение на историческую науку усилилось. Закрыты были новые «излишние» исторические факультеты. Кульминационным же моментом гонений явилось постановление о сокращении срока обучения на истфаках с пятилетнего на четырехлетний. При сохранении сроков на производственную и специальную практику историческое образование у истфаков было фактически сведено к трехлетнему! Убийственно новый план отражается на самостоятельной работе над исторической научной литературой. Спущененный министерством новый учебный план заставляет студентов в три месяца (сентябрь идет на работы в колхозах!) пройти весь курс древней истории – Востока, Греции, Рима и сразу же сдать экзамен! Если иметь в виду, что студенты еще только поступили в университет, не получили навыков чтения научных исследований по истории, не умеют еще записывать лекции, их коллектив еще не является воспитанной аудиторией – то вполне правомерны те голоса на кафедрах, которые говорят о полной антипедагогичности и антинаучности нового учебного плана для истфаков.

Необходимо создать новые планы для истфаков, но не для ухудшения, а для улучшения исторического образования. Я считал бы, что необходимо на первом же году обучения поставить два новых курса: «Что такое историческая наука, ее задачи» и «Техника исторического исследования» на 32 часа. Чтобы в результате прослушания этого курса не появлялись среди студенчества мракобесные мысли о том, что не следует заниматься историей прошлого, а только тем, что может отражать наш жизненный опыт! (я готовлю такой курс, но сомневаюсь, что при настоящем учебном плане удастся его прочитать). Необходимо также ввести курс на 32 часа «Современное международное положение» на первом же году обучения (со сведениями по экономической и политической географии мира, с обзором общих направлений политики и современной ситуации). Это поможет студентам читать газеты, объяснять содержание газет ребятам при пионерской практике, которую студенты истфака ведут до прослушания курса новейшей истории.

Гонение на историческую науку сказалось после «совещания 1962 года» и на неисторических факультетах. В учебном плане факультета журналистики снята даже новейшая история, которая была заменена обзором современного международного положения. Странно, что в нашем Союзе находятся такие ответственные лица, которые полагают, что для понимания современности наш журналист вовсе не обязан знать историю! Странно и необъяснимо.

Еще более нелепым кажется создание типового плана для философских факультетов, в котором всеобщая история полностью отсутствует. Спрашивается, как эти новоиспеченные «философы» будут читать исторический материализм? Студенты забросают такого лектора вопросами, на которые должен отвечать такой «философ», исторические знания которого ограничиваются объемом знаний ученика 5, 6, 7 классов средней школы. Таких «философов» нужно как можно скорее лишить прав преподавания исторического материализма. Если философы отказываются изучать всеобщую историю, то чтение исторического материализма нужно поручить историкам и рациональнее всего медиевистам: ведь медиевисты имеют дело с явлениями четырех формаций – первобытнообщинного, античного, феодального обществ и моментами капитализма. А современность медиевисты знают не хуже философов, философские же предметы глубоко проходятся на истфаках.

Тяжелое впечатление на историков производит и создание новой «науки» – социологии; для чего она? В буржуазных странах, где как правило отвергается за историей изучение закономерностей, существование такой науки, социологии, которая занимается абстрактными обобщениями, вполне понятно. Но у нас марксистская история представляет собою науку о развитии общественного бытия со всеми закономерностями, факторами, тенденциями, случайностями...

Существование особой науки «социологии» является необъяснимым. Что же? Нашим историкам подражать зарубежным и бросить изучение закономерностей, поручив это дело «гениальным мыслителям» – социологам? Останемся ли мы, историки, в таком случае марксистами? Да и сами социологи в отрыве от самостоятельного изучения источников, отражающих объективную реальность развития общественного бытия в прошлом, вряд ли останутся марксистами. Есть одна единственная наука о развитии человеческого общества в прошлом – это *история*. Вопросы же современности, сегодняшнего дня изучают сотни других наук – технических, гуманитарных, биологических и т. д. Для истории достаточно того, что она освещает на итогах прошлого современность и пути к будущему.

Вопрос о «конкретносоциологических обследованиях» тоже смущает историческую общественность. Безусловно, эти обследования – не метод исторического исследования. Эти обследования ничего общего не имеют и с философией. Но кому, как не журналистам, каждодневным воспитателям душ, не заниматься такими обследованиями? Наши журналисты все еще остаются на уровне рабкоров и стенкоров 30-х годов. Именно эти «конкретносоциологические обследования» с самыми широкими выводами о закономерностях развития нашей современности и должны стать основами работы нашей марксистской журналистики. Разумеется, ничем не оправданный перевод факультета журналистики на 4-летний план обучения не дает возможностей для такой работы. Воспитатели душ – самая сложная профессия. Журналист должен быть широко образованным исторически, экономически, литературно и философски. Но для этого нужно добиться даже не 5-летнего, а даже 6-летнего образования.

Я обращаюсь к Вам как к руководителю идеологического совещания. Не знаю, имеются

ли на нем представители античной и средней историй? На «совещании» 1962 года старательно стремились не допускать их в делегации на совещание, особенно из провинциальных вузов, ограничив делегации историками партии и современности.

Мечтаем, что идеологическое совещание поставит вопрос об обратном переводе истфаков на пятилетний план. Крайне желательно было бы, чтобы на совещании были затронуты важнейшие вопросы нашей общественности: что такое актуальность в исторической науке, особенно в части актуальности в исследовательской работе по античной истории и медиевистике и новой истории. Очень нужно было бы поставить вопрос о пересмотре учебных планов истфаков, журналистов, философов, филологов, поставить историческое образование на должную высоту. Нужно было бы и обсудить, можно ли доверять чтение курса лекций по историческому материализму тем философам, которые не проходили полный систематический курс всеобщей истории. Научная общественность, нужно думать, многое ожидает от идеологического совещания.

Прошу извинить меня, Сергей Павлович, за то, что отнимаю от Вас время – но я считаю своим гражданским долгом везде, где можно, пытаться действовать в интересах исторической науки и исторического образования.

С глубоким уважением,

профессор, доктор исторических наук
(ГАСО, Ф. Р-802, Оп. 1. Д. 169. Л. 1-6)

Машинопись, отпуск

Решения 1959, 1962 и 1964 гг. противоречили логике развития страны, нуждающейся в высококлассных специалистах. Справедливо замечание известного специалиста по истории Урала, доктора исторических наук, профессора А. В. Черноухова о соответствующем этапе развития истфака УрГУ: «Разум и критические отзывы победили – с 1967 г. восстановили пятилетнее обучение, прислали новый учебный план. Поэтому в 1970 г. выпуска специалистов не было, а в 1967 г. он был «двойным» – для 5-го и 4-го курсов. «Четырехлетки» также выпускались в 1968–1969 гг.» [\[13, с. 54\]](#).

Результаты увеличения срока подготовки и значительного расширения учебного плана не заставили себя долго ждать. Уже к началу 1970-х гг. исторический факультет УрГУ стал одним из ведущих научных центров страны. Восстановление исторического образования 1967 г. дало шанс вырасти и расцвести новому поколению исследователей: историографам Н. Н. Алеврас и В. Д. Камынину, востоковеду В. А. Кузьмину, новисту О. Г. Закржевской *et al.*

Заключение

Интерес к исторической науке в советском обществе всегда был велик [\[14, с. 4-15\]](#). Между тем, второе издание «покровщины», начавшиеся с сокращения школьных программ 1959 г. и поддержанное итогами Всесоюзного совещания историков 1962 г., продолжилось переходом на четырехлетний план обучения будущих историков в университетах. Против ликвидации истории древности, средневековья и нового времени в пользу сомнительных псевдонаучных социологизированных схем выступил один из крупнейших историков XX в. М. Я. Сюзюмов.

В письмах к главному редактору журнала «Вопросы истории» В. Г. Трухановскому и первому секретарю ЦК ВЛКСМ С. П. Павлову он обосновывал необходимость

исторического образования, научную несостоительность социологизированных построений. Борьба за историческую науку проходила на глазах нового поколения исследователей. Студенты первого выпуска после возвращения пятилетнего плана стали известными учеными.

Библиография

1. Рождественский Р. И. Испытание. М.: Советский писатель, 1956. 130 с.
2. Мохов А.С., Капсалыкова К.Р. «Поход против гиперкритики уже начался – нужно его продолжать»: переписка М.Я. Сюзюмова с советскими историками Г.М. Лившицем и П.З. Козиком Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022., Вып. 22. С. 340–353.
3. Капсалыкова К. Р. «Германистам нужно дать битву»: переписка В. Т. Сиротенко и М. Я. Сюзюмова (1960–1970-е гг.) // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 4 (29). С. 32–32.
4. Гаврилов Ф. А., Тимофеев К. А. Всероссийское совещание по вопросу об историческом образовании в восьмилетней и средней школе // Вопросы истории. 1959. № 6. С. 163–179.
5. Бущик Л. П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 540 с.
6. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, 18–21 декабря 1962 г. М.: Наука, 1964. 517 с.
7. Всесоюзное совещание историков // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 33–42.
8. Думова Н. Г. Владимир Григорьевич Трухановский (1914–2000) // Портреты историков. Новая и новейшая история. М.: Наука, Т. 4. С. 485–503.
9. Заглада Н. Г. Дорожите честью хлебороба! Кишинев: Партиздан, 1962. 39 с.
10. Пленарное заседание 18 и 19 декабря // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 25–26.
11. Капсалыкова К. Р. «Дни работы совещания считаю «черными днями» для исторической науки»: М. Я. Сюзюмов о всесоюзном совещании историков 1962 года // Партийные архивы. Проблемы и перспективы развития : Материалы V межрегиональной научно-практической конференции. Нижний Тагил, 14–16 мая 2019 года. Екатеринбург : ООО Универсальная Типография Альфа-Принт, 2019. С. 294–303.
12. Криворученко В. К. О Сергее Павлове // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 165–172.
13. Черноухов А. В. Исторический факультет Уральского государственного университета: 1956–1970. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2013. 143 с.
14. Кикнадзе В. Г. «Сила в правде». Защита истории как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России // Военно-исторический журнал. 2022. № 9. С. 4–15.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

События последних лет привели к усилению внимания как со стороны государства, так и всего общества к российской истории, ведь пройденный нашей страной путь насыщен героизмом и славой. Учебная дисциплина «История» формирует гражданственность и

патриотизм, фактически являясь важным фундаментом в воспитательной работе. Не менее важным является и полноценное развитие исторической науки, которая позволяет бороться с многочисленными попытками фальсификаций родного прошлого, в том числе со стороны зарубежных специалистов. В этой связи принципиальным является вопрос подготовки кадров, то есть будущих профессиональных историков и преподавателей истории, а также концептуальный подход к изучению отечественной истории. В этой связи представляется важным обратиться к историческому опыту реформирования исторического образования в нашей стране.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой борьба вокруг исторического образования в период поздней оттепели в СССР. Автор ставит своими задачами показать усиление интереса к прошлому в период оттепели, рассмотреть дискуссии на Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, проанализировать позицию М.Я. Сюзюмова о необходимости исторического образования.

Работа основана на принципах историзма, анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать взгляды М. Я. Сюзюмова на историческое образование в период поздней оттепели. Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 13 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Центра документации общественных организаций Свердловской области и Государственного архива Свердловской области. Из привлекаемых автором исследований отметим труды А.В. Черноухова и К.Р. Капсальковой, в центре внимания которых различные аспекты развития исторического образования в рассматриваемый период. В качестве замечания укажем на то, что целесообразно было бы включить ссылки на архивные источники в библиографический список. Что касается собственно библиографии, то она обладает важностью не только с научной, но и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как вопросами исторического образования, в целом, так и реформами исторического образования в СССР, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что для исторической науки в СССР в 1960-е гг. отличалась «господством социологизированных схем и нивелировкой роли источниковедческого анализа, отсутствием разработок в проблемных областях вспомогательных исторических дисциплин, приматом исследований современности в ущерб изучению классической истории». Автор обращает внимание на непрозрачность созыва участников Всесоюзного совещание по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам 1962 г., на котором по сути

продвигались «сомнительные социологизированные схемы». Особый интерес представляют письма уральского историка М.Я. Сюзюмова к главному редактору журнала «Вопросы истории» В.Г. Трухановскому и первому секретарю ЦК ВЛКС С.П. Павлову, в которых он принципиально отстаивает важность классического исторического образования, в том числе истории древнего мира и истории средних веков.

Главным выводом статьи является то, что один из крупнейших историков XX в. М. Я. Сюзюмов отстаивал приоритет классического исторического образования, что помимо прочего способствовало восстановлению пятилетнего плана обучения будущих историков.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, целесообразно было бы включить ссылки на архивные источники в библиографический список, следовало бы улучшить стилистику отдельных предложений («Интерес к исторической науке в советском обществе всегда был велик»).

Однако, в целом, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Нарышкина С.Ю. — История и развитие института примирительных процедур в России // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.5.40746 EDN: SWTMTG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40746

История и развитие института примирительных процедур в России

Нарышкина Светлана Юрьевна

ORCID: 0000-0003-4985-4747

аспирант, кафедра «Юриспруденция», Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС)

117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а

✉ vik156@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.5.40746

EDN:

SWTMTG

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2023

Дата публикации:

29-05-2023

Аннотация: Статья рассматривает историю и развитие института примирительных процедур в России и некоторых зарубежных странах. Начиная с первых законов о примирительных процедурах, принятых еще в царской России, авторы описывают, как прошло формирование института, какие изменения произошли в законодательстве в разные исторические эпохи. Статья также анализирует современное состояние института примирительных процедур в России и дает прогнозы его дальнейшего развития. В частности, статья обсуждает влияние на институт примирительных процедур последних законодательных изменений, а также роль альтернативного разрешения споров в современной правовой практике. Статья указывает на необходимость повышения уровня осведомленности и образованности среди населения и представителей бизнес-сообщества, а также создание соответствующей инфраструктуры для проведения медиации и арбитражных процедур. Использование института примирительных процедур имеет большой потенциал для эффективного разрешения споров, укрепления международных отношений и повышения качества жизни населения. Использование института примирительных процедур имеет большой потенциал для эффективного

разрешения споров, укрепления международных отношений и повышения качества жизни населения. Примириительные процедуры являются одним из наиболее эффективных и популярных инструментов решения конфликтов в современном обществе. Их роль заключается в том, чтобы помочь сторонам конфликта найти общее понимание, достичь взаимопонимания и договориться о взаимовыгодном разрешении проблемы. Примириительные процедуры являются более мирным и гуманным способом решения конфликтов, чем судебные разбирательства, и могут быть использованы в различных областях, начиная от семейных и трудовых конфликтов до бизнеса и политики.

Ключевые слова:

Примириительная процедура, мировое соглашение, гражданское судопроизводство, третейские суды, мировой судья, берестяная грамота, конфликт, партнеры, международные отношения, законодательство

Примириительные процедуры являются одним из наиболее эффективных и популярных инструментов решения конфликтов в современном обществе. Их роль заключается в том, чтобы помочь сторонам конфликта найти общее понимание, достичь взаимопонимания и договориться о взаимовыгодном разрешении проблемы. Примириительные процедуры являются более мирным и гуманным способом решения конфликтов, чем судебные разбирательства, и могут быть использованы в различных областях, начиная от семейных и трудовых конфликтов до бизнеса и политики.

В настоящее время примириительные процедуры получили широкое распространение во всем мире, в том числе и в России. Их использование способствует улучшению качества жизни людей, позволяет избежать длительных и дорогостоящих судебных процессов, а также укрепляет доверие в обществе и развивает культуру мирного разрешения конфликтов.

Сегодня примириительные процедуры представляют собой разнообразные методы решения конфликтов, которые нашли применение во многих областях жизни, от бизнеса до международных отношений. Их ценность заключается в том, что они позволяют сторонам конфликта найти выгодное решение в рамках диалога, что приносит пользу всем участникам процесса. Примириительные процедуры позволяют уменьшить конфликты, которые могут возникнуть в разных сферах жизни, и повышают уровень мирного сосуществования в обществе.

В Западных странах, в том числе в США и Европе, примириительные процедуры широко используются для разрешения широкого спектра конфликтов – от семейных и трудовых до бизнесовых и коммерческих. Во многих западных странах примириительные процедуры набирают все большую популярность благодаря своей эффективности и гуманности, а также возможности избежать долгих и дорогостоящих судебных процессов.

Концепция примириительных процедур в Западных странах имеет давние корни. В США, например, такой подход к разрешению конфликтов широко применяется на протяжении многих лет. На сегодняшний день примириительные процедуры являются обязательным этапом для решения многих гражданских дел, включая разводы, споры о владении недвижимостью, наследственные споры и многие другие.

В Европе примириительные процедуры также имеют давнюю историю. Кроме того, многие законы и нормативные акты европейских стран поддерживают использование

примириительных процедур в качестве альтернативы судебному разбирательству. В некоторых европейских странах, например, в Германии и Бельгии, примириительные процедуры активно используются в бизнес-сфере, помогая компаниям разрешать конфликты с партнерами и клиентами, а также внутренние споры.

В целом опыт Западных стран показывает, что применение примириительных процедур повышает качество жизни людей, минимизирует конфликты и помогает сохранить мир и стабильность в обществе. Опыт Западных стран также подтверждает, что использование примириительных процедур может быть полезным для различных областей жизни – от семейных отношений до международных отношений, и может быть эффективным инструментом решения конфликтов в современном обществе.

Применение примириительных процедур также может привести к сокращению затрат на судебные разбирательства и ускорению процесса получения решения по конфликту. Более того, примириительные процедуры могут помочь сохранить взаимоотношения между сторонами конфликта, что может быть особенно важно в случаях, когда участники будущих деловых или личных отношений. Наконец, использование примириительных процедур может способствовать развитию культуры мирного урегулирования конфликтов в обществе, что может привести к общему повышению благополучия и процветания [\[10\]](#).

Институт мирового соглашения был впервые упомянут в российском законодательстве в Новгородской берестяной грамоте, которая датируется периодом между 1281 и 1313 годами. Этот документ, вероятно, отразил мировую сделку, заключенную между отправителем письма и его получателем, а также требование обязательного ее соблюдения адресатом. В содержании статьи присутствуют понятия «урядиться» и «смолвити», которые, согласно Псковской судной грамоте конца XV века, означают соглашение сторон посредством заключения мирового договора с участием свидетелей.

Особенно активно в Новгородской республике использовались процедуры примирения, включая специальную процедуру под названием «мировой ряд». Она требовала, чтобы спорящие стороны обратились к примирителям, известным как «рядцы», чтобы урегулировать спор и заключить соглашение. Интересно, что эта процедура во многом напоминает современную медиацию.

Тема мирного урегулирования споров рассматривается в отдельных статьях, приведенных в Псковской Судной грамоте 1397 года, а также в Судебнике Ивана III. Данный документ предоставлял возможность правонарушителю и пострадавшему заключить соглашение без участия представителя судебной власти, что называлось «самосудом», что предполагало освобождение преступника от ответственности. Соборное уложение 1649 года также содержит подобные материалы.

Третейские суды стали важным элементом правовой системы России и получили значительное развитие. Вначале такие суды функционировали в соответствии с общепринятыми нормами, а позднее были официально признаны государством в соответствии с XV главой «О третейском суде» Соборного Уложения 1649 года.

Правительство Российской империи было заинтересовано в создании механизма, который позволял бы решать конфликты между гражданами без обращения в судебные органы. В 1775 году Екатерина II предложила важный шаг в развитии институтов мирного урегулирования споров, создав совестные суды для защиты гражданских прав, основанных на принципе «естественной справедливости». Эти суды были предназначены для решения отдельных категорий дел, таких как малолетние обвиняемые, невменяемые и другие.

Такие суды служили для рассмотрения неопасных общству преступлений, деяний со смягчающими обстоятельствами, а также семейных конфликтов. Однако, несмотря на это, решения мировых судей не имели законной силы в имущественных спорах, а судьи не имели полномочий на принудительное исполнение решения, что полностью зависело от согласия сторон. Следовательно, иск, неудовлетворенный в мировом суде, все равно был передан в общую юрисдикцию [8].

Изучив действующие законы и документы того времени, можно сделать вывод, что начальный период развития примирительных процедур в России (1281-1864) представил собой фундамент для будущего законодательного регулирования процедур, таких как мировое соглашение, третейские суды и медиация.

Кроме того, участие в примирительных процедурах было не только одним из способов разрешения конфликтов, но и демонстрацией культурного и социального статуса. Помимо этого, примирительные процедуры возможно были использованы как средство общественного контроля за правосудием и защиты интересов бедняков и меньшинств. Однако, с развитием законодательства и правовой культуры в России, примирительные процедуры утратили свою первоначальную значимость и начали играть главным образом роль комплементарной процедуры в официальном судопроизводстве. В настоящее время, с ростом числа судебных дел и нагрузки на суды, примирительные процедуры вновь приобретают актуальность как быстрый, дешевый и эффективный способ разрешения конфликтов [9].

В XIX-XX веках в России все больше внимания уделялось способам внесудебного разрешения конфликтов, в частности - мировому соглашению. Этому способствовала реформа судебной системы в 1864 году, проведенная императором Александром II. В рамках этой реформы были утверждены не только Устав гражданского судопроизводства, но и Устав уголовного судопроизводства, судебные установления и правила наказания, определяемые мировыми судьями.

Особый интерес представляет глава «О примирительном разбирательстве», содержащаяся в «Уставе гражданского судопроизводства». Её статьи 1357-1366 касаются примирения сторон и заключения мировой сделки и входят в книгу 3 «Изъятия из общего порядка гражданского судопроизводства».

Согласно Уставу гражданского судопроизводства, участники спора имели право добровольно прекратить процесс. Обычно это происходило, когда истец объявлял суду о своем отказе от предъявленных требований, а ответчик выражал согласие на прекращение дела. В соответствии с Уставом гражданского судопроизводства, мировые судьи имели возможность заключать мировые соглашения как в специально выделенных для этого местах, так и в общих судебных залах. Создание института мировых судей было направлено на смену традиционных судов, которые предпринимали различные шаги для примирения сторон в рамках процесса.

Перед началом рассмотрения дела на предварительном этапе, мировой судья имел полномочия убеждать стороны примириться и предлагать эффективные способы достижения этой цели.

В соответствии со статьей 1359 Устава гражданского судопроизводства были установлены три формы заключения мировых сделок: 1) путем оформления записи, которая затем подлежала нотариальному удостоверению или утверждению мировым

судьей; 2) через подачу мирового ходатайства, подписанного всеми заинтересованными сторонами; 3) составления мирового протокола в ходе судебного заседания [\[8\]](#).

Однако, были установлены категории дел, в которых примирение не допускалось. Например, это касалось дел, вытекающих из административных и публичных правоотношений. Также ограничивались возможности примирения в случаях, связанных с причинением вреда жизни и здоровью.

С начала 1917 года российское законодательство отказалось от большинства традиций правового регулирования, существовавших до революции, и начало формирование новой системы советского права.

Первый акт, который затрагивал регламентацию вопросов мирового соглашения, был принят ВЦИК 10 июля 1923 года и стал действующим с 1 сентября 1923 года в виде Гражданского процессуального кодекса РСФСР. В этом кодексе институт мирового соглашения упоминался только как возможность для сторон решить дело миром, и большинство вопросов, связанных с заключением и исполнением мирового соглашения, были оставлены на усмотрение суда в каждом конкретном случае.

Примирительные процедуры используются в арбитражных процессах, и они продолжают развиваться благодаря Постановлению СТО РСФСР от 14 марта 1923 года «Правила производства дел в Высшей Арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороны (СТО) и местных арбитражных комиссиях». Это постановление устанавливает, что отказ, признание и мировая сделка будут иметь силу, если они не противоречат закону и не наносят ущерба государственным интересам и будут признаны арбитражной комиссией.

Дальнейшие меры примирения в рамках арбитражного процесса были проведены в соответствии с «Правилами рассмотрения экономических конфликтов государственными арбитражами», принятыми 5 июня 1980 года. Эти новые правила утверждали новый метод решения хозяйственных конфликтов, основанный на участии представителей сторон в составе органа, рассматривающего дело.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (далее - ГПК РСФСР), который вступил в силу 1 октября 1964 года, более детально урегулировал процедуры примирения. В статье 34 ГПК 1964 года были установлены определенные критерии, которые суд использовал для утверждения мирового соглашения. Мировое соглашение не должно было противоречить закону или ущемлять права и законные интересы других лиц. Статья 165 ГПК РСФСР регулировала процедуру оформления мирового соглашения. Впервые в Правилах гражданского процесса производство по делу могло быть прекращено на основании мирового соглашения, заключенного сторонами и утвержденного судом (пункт 5 статьи 219 ГПК РСФСР) [\[8\]](#).

Законодательство предоставляло возможность заключения мирового соглашения на различных этапах гражданского процесса. Однако в тот период суды не были обязаны поощрять стороны к заключению мирового соглашения. Им требовалось только информировать стороны о праве на заключение соглашения и обеспечивать контроль за его законностью.

ГПК 1964 года был действующим до принятия ныне действующего Гражданского процессуального кодекса РФ, который вступил в силу 1 февраля 2003 года.

С 1991 года, после распада Советского Союза, система примирительных процедур в России начала развиваться в новых условиях. Законодательство по этому вопросу

усложнилось и выросло количество юридических консультантов, адвокатов и арбитражных управляющих, которые стали активно привлекаться к разрешению споров. Сегодня в России существует разнообразие институтов и организаций, которые занимаются примирительными процедурами.

В настоящее время действующая статья 39 ГПК РФ подчеркивает, что «дело может быть завершено сторонами путем заключения мирового соглашения» [\[1\]](#).

24 июля 2002 года был подписан АПК РФ, который значительно улучшил и детально регулировал арбитражное судопроизводство. В рамках нашего исследования мы обратили внимание на главу 15 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение», которая подробно описывает институт мирового соглашения [\[2\]](#).

Принятие Федерального закона № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» 24 июля 2002 года имело важное значение для развития примирительных процедур. Закон раскрыл понятие третейских судов, установил порядок их создания и деятельности, регулировал заключение третейского соглашения и другие вопросы, связанные с третейскими судами.

С развитием примирительных процедур в России появилось множество организаций, занимающихся проведением медиации и других форм примирительных процедур. В настоящее время существует множество медиационных центров, а также адвокатские и юридические конторы, которые предоставляют услуги по проведению примирительных процедур. Кроме того, медиационные сервисы могут предоставляться организациями, занимающимися разрешением споров и конфликтов в различных сферах, например, в области трудовых отношений, семейного права, интеллектуальной собственности и т.д [\[13\]](#).

Также существуют международные и национальные организации, занимающиеся развитием и распространением практики примирительных процедур. Одной из таких организаций является Международный институт консенсусного решения споров (ICARs), который проводит тренинги, семинары и конференции для развития навыков и знаний в области медиации и других форм примирительных процедур. Национальные ассоциации медиаторов и примирителей также оказывают поддержку своим членам и осуществляют координацию работы по развитию и совершенствованию практики примирительных процедур. В целом, развитие примирительных процедур становится все более значимым в современном мире, поскольку это позволяет достигать более быстрого и эффективного разрешения конфликтов, а также сохранять отношения между сторонами [\[11\]](#).

В России существует также специальный профсоюзный центр, который предоставляет услуги по медиации в рамках трудовых споров. На сегодняшний день примирительные процедуры также используются для разрешения конфликтов между гражданами и государственными органами, а также в сфере коммерции и бизнеса.

Однако развитие примирительных процедур в России не является однородным. Несмотря на значительные успехи, в этой области есть и проблемы. Например, в России до сих пор существуют противоречия в законодательстве, которые затрудняют проведение примирительных процедур в некоторых областях жизни. Также нередки случаи непрофессионального поведения медиаторов, которые могут навредить примирительному процессу. Поэтому большое внимание уделяется повышению уровня профессиональной подготовки медиаторов и созданию правовой базы, которая бы регулировала проведение примирительных процедур в России [\[7\]](#).

Кроме того, важной проблемой развития примирительных процедур является низкая культура разрешения конфликтов в обществе и ограниченное осведомление населения о возможностях использования примирительных процедур для разрешения различных споров. Для решения этой проблемы необходимо проводить широкую работу по информированию населения о примирительных процедурах, их преимуществах и возможностях использования в конкретных ситуациях. Также важно привлекать к участию в примирительных процедурах более широкие слои населения, чтобы это стало более популярным и распространенным методом разрешения конфликтов. Наконец, необходимо уделить внимание эффективности механизмов контроля за качеством проведения примирительных процедур, чтобы гарантировать их высокую профессиональную квалификацию и исправность [\[9\]](#).

Таким образом, практика использования института примирительных процедур существенно отличается в разных странах мира. Однако, независимо от того, где эти процедуры используются, они часто предлагают быстрое и дешевое решение споров, что существенно экономит время и ресурсы для всех сторон. В то же время, каждая юрисдикция имеет свои особенности использования примирительных процедур, и перед использованием их необходимо обратиться к соответствующим законам и нормам, чтобы убедиться, что они подходят для конкретного случая.

Необходимо отметить, что использование примирительных процедур имеет дополнительные преимущества, такие как сохранение взаимоотношений между сторонами и более удовлетворительный результат при разрешении споров. Медиация и другие формы примирительных процедур также могут быть полезны в случаях, когда судебный процесс может нанести серьезный ущерб репутации или бизнесу. Благодаря этим преимуществам, использование примирительных процедур становится все более популярным в различных юридических областях, таких как семейное, коммерческое и гражданское право.

Важно также отметить, что эффективность примирительных процедур зависит от квалификации медиаторов и соблюдения основных принципов проведения этих процедур. Эти принципы включают в себя нейтралитет и импартиальность медиатора, конфиденциальность процесса, добровольность участия и свободу выбора сторонами наилучшего способа разрешения конфликта. Также важно определить права и обязанности каждой из сторон в процессе примирительных процедур для того, чтобы достичь наилучшего результата [\[12\]](#).

В целом, использование примирительных процедур является эффективным и надежным инструментом разрешения конфликтов, который может быть использован в различных областях жизни. Ключевыми факторами успеха являются правильный выбор способа разрешения конфликта и квалификация медиаторов.

Применение института примирительных процедур в России и за рубежом является широко распространенной практикой в различных областях, от бизнеса до личных конфликтов. Примирительные процедуры представляют собой эффективный способ разрешения споров и способствуют экономии времени и ресурсов для всех сторон.

Однако, реализация примирительных процедур может иметь особые черты в разных странах мира. Поэтому необходимо обращаться к соответствующим законам и нормам юрисдикции, чтобы убедиться, что они подходят для решения конкретного случая.

В связи с этим, развитие использования примирительных процедур в России и за

рубежом должно быть направлено на улучшение законодательства, создание соответствующей инфраструктуры для проведения медиации и арбитражных процедур, а также повышение уровня осведомленности и образованности среди населения и представителей бизнес – сообщества.

Библиография

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. №
5. Ст. 410. 5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
6. Баранова, М.К. Введение института медиации в уголовное судопроизводство / М.К. Баранова, А.А. Подопригора // Аллея науки. –2019. Т. 1. – № 3 (30). – С. 444–447.
7. Беспалов Ю. Ф., Беспалов А. Ю., Гордеюк Д. В., Касаткина А. Ю. ; под редакцией Ю. Ф. Беспалова. Примиりтельные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации : учебное пособие / — Москва : Проспект, 2018. — 128 с. — ISBN 978-5-392-24165-1. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/150680> (дата обращения: 17.05.2023). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
8. Бушмелева, М.А. Правовое регулирование медиации в РФ: проблемы и перспективы / М.А. Бушмелева, В.Ю. Стрепетова // Академическая публицистика. – 2020. – № 4. – С. 365–370.
9. Князев Д.В. История развития института мирового соглашения в российском гражданском праве // Современные проблемы гражданского права и процесса. Сборник статей.-Новосибирск: Изд-во ин-та философии и права СО РАН, 2004. Вып. 2.
10. Потапов Д.В., Потапова Л.В. КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ // МНИЖ. 2022. №3-2 (117). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razvitiya-primiritelnyh-protsedur-v-rossiyskom-zakonodatelstve> (дата обращения: 17.05.2023).
11. Горшкова Ксения Николаевна, Желонкин Сергей Сергеевич Примирительные процедуры в России: новеллы процессуальной реформы в России: новеллы процессуальной реформы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. №3 (83). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-v-rossii-novelly-protsessualnoy-reformy](https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-v-rossii-novelly-protsessualnoy-reformy-v-rossii-novelly-protsessualnoy-reformy) (дата обращения: 17.05.2023).
12. Гомула Иоанна ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕШЕНИЙ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОРГАНА В СИСТЕМЕ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ ВТО // Международное правосудие. 2016. №3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-posledstviya-resheniy-apellyatsionnogo-organa-v-sisteme-razresheniya-sporov-vto> (дата обращения: 17.05.2023).

13. Шереметьева Наталья Владимировна ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ // Право и практика. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-istoriko-pravovye-i-teoreticheskie-aspekty-v-sovremennom-prave> (дата обращения: 17.05.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, история и развитие института примирительных процедур. Автору необходимо указать в названии на то, что речь в статье преимущественно идет о российском институте примирительных процедур - именно он находится в фокусе внимания исследователя.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, исторический, историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована им следующим образом: "Примирительные процедуры являются одним из наиболее эффективных и популярных инструментов решения конфликтов в современном обществе. Их роль заключается в том, чтобы помочь сторонам конфликта найти общее понимание, достичь взаимопонимания и договориться о взаимовыгодном разрешении проблемы. Примирительные процедуры являются более мирным и гуманным способом решения конфликтов, чем судебные разбирательства, и могут быть использованы в различных областях, начиная от семейных и трудовых конфликтов до бизнеса и политики". Дополнительно автору рекомендуется перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

В чем проявляется научная новизна исследования, в работе прямо не говорится. Фактически она отсутствует. Работа носит описательный, обзорный характер, написана на основании всего трех теоретических источников и не вносит ничего нового в развитие отечественных процессуальных наук.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования, в основной части работы он обзорно на основании анализа соответствующих нормативных правовых актов рассматривает эволюцию института примирительных процедур в России. В заключительной части статьи содержатся общие выводы по результатам исследования.

Содержание работы, как уже отмечалось, не вполне соответствует ее наименованию. Также оно не лишено некоторых других недостатков.

Так, автор зачастую не указывает источники используемой информации (особенно это характерно для первой половины основной части исследования).

Во вводной и заключительной частях работы встречаются смысловые повторы.

Ученый не определяет ключевые понятия, которые используются в статье ("примирительные процедуры, медиация, третейский суд").

В работе отсутствует четкое выделение этапов эволюции примирительных процедур и их видов.

Автор пишет со ссылкой на соответствующий источник: "Однако развитие

примириительных процедур в России не является однородным. Несмотря на значительные успехи, в этой области есть и проблемы. Например, в России до сих пор существуют противоречия в законодательстве, которые затрудняют проведение примириительных процедур в некоторых областях жизни. Также нередки случаи непрофессионального поведения медиаторов, которые могут навредить примириительному процессу. Поэтому большое внимание уделяется повышению уровня профессиональной подготовки медиаторов и созданию правовой базы, которая бы регулировала проведение примириительных процедур в России [7]". Какие конкретно противоречия имеются в российском законодательстве, регламентирующем примириительные процедуры, ученый не говорит. Также он не приводит примеров непрофессионального поведения медиаторов.

Несмотря на обзорный анализ институтов примириительных процедур в западных странах, автор не говорит о том, что могло бы быть позаимствовано из законодательства этих стран и соответствующей зарубежной практики.

Библиография исследования представлена 8 источниками (нормативными правовыми актами и научными статьями). С формальной точки зрения этого достаточно; с фактической - теоретическая база работы представлена всего тремя научными работами, что недостаточно для глубокого раскрытия темы исследования, формулирования новых научных идей и рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства, регламентирующего осуществление примириительных процедур.

Апелляция к оппонентам отсутствует, что недопустимо для научной статьи. В научную дискуссию автор не вступает. Положения статьи не обоснованы в достаточной степени.

Выводы по результатам исследования имеются ("Таким образом, практика использования института примириительных процедур существенно различается в разных странах мира. Однако, независимо от того, где эти процедуры используются, они часто предлагают быстрое и дешевое решение споров, что существенно экономит время и ресурсы для всех сторон. В то же время, каждая юрисдикция имеет свои особенности использования примириительных процедур, и перед использованием их необходимо обратиться к соответствующим законам и нормам, чтобы убедиться, что они подходят для конкретного случая" и др."), но они носят общеизвестный характер. Также в выводах автора встречаются повторы (речь идет о значении института примириительных процедур). Ученый отмечает: "В связи с этим, развитие использования примириительных процедур в России и за рубежом должно быть направлено на улучшение законодательства, создание соответствующей инфраструктуры для проведения медиации и арбитражных процедур, а также повышение уровня осведомленности и образованности среди населения и представителей бизнес – сообщества". В какой части необходимо улучшить российское законодательство, какая конкретно инфраструктура необходима для проведения примириительных процедур и проч. - об этом автор не говорит, т.е. выводы являются неконкретизированными и не обладают свойством научной новизны.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права, уголовного процессуального права при условии ее существенной доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования, раскрытии его методологии, расширении теоретической базы работы, введении элементов научной новизны и дискуссионности, формулировании четких и конкретных выводов по результатам исследования, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «История и развитие института примирительных процедур».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам генезиса института примирительных процедур в России и за рубежом. Автором рассматриваются различные акты и практика их применения в нашей стране. В качестве предмета исследования выступили нормы законодательства ряда стран, правовые акты, действовавшие ранее, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о генезисе института примирительных процедур в России и за рубежом. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из практики применения законодательства различных стран.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм российского законодательства, действовавшего в различные периоды развития права). Например, следующий вывод автора: «Институт мирового соглашения был впервые упомянут в российском законодательстве в Новгородской берестяной грамоте, которая датируется периодом между 1281 и 1313 годами. Этот документ, вероятно, отразил мировую сделку, заключенную между отправителем письма и его получателем, а также требование обязательного ее соблюдения адресатом. В содержании статьи присутствуют понятия «урядиться» и «смолвити», которые, согласно Псковской судной грамоте конца XV века, означают соглашение сторон посредством заключения мирового договора с участием свидетелей».

Следует положительно оценить возможности сравнительно-правового метода исследования, связанного с изучением и обобщением опыта зарубежных стран. Так, отмечается, что «В Западных странах, в том числе в США и Европе, примирительные процедуры широко используются для разрешения широкого спектра конфликтов – от семейных и трудовых до бизнесовых и коммерческих. Во многих западных странах примирительные процедуры набирают все большую популярность благодаря своей эффективности и гуманности, а также возможности избежать долгих и дорогостоящих судебных процессов».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема развития института примирительных процедур сложна и неоднозначна. С учетом перспектив данного института для субъектов споров, особенно частноправовых, необходимы четкие механизмы, которые могли бы быть использованы участниками правоотношений в целях примирения и недопущения судебного рассмотрения споров. Автор прав, что осветил этот аспект актуальности. С практической стороны следует признать, что важными могут быть идеи по совершенствованию российского законодательства, в чем может помочь, помимо прочего, опыт развития рассматриваемого института в его развитии и генезисе.

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Представляется, что научная новизна предложенной статьи имеется. Однако она должна быть уточнена через четкое разделение мнение автора и мнения других исследователей. На данный момент с учетом малого количества использованных научных источников (всего три) сложно сказать, в чем конкретные отличия мнений автора и иных исследователей. При этом определенные моменты, которые могут быть рассмотрены в качестве научной новизны имеются.

Во-первых, научная новизна выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«практика использования института примирительных процедур существенно различается в разных странах мира. Однако, независимо от того, где эти процедуры используются, они часто предлагают быстрое и дешевое решение споров, что существенно экономит время и ресурсы для всех сторон. В то же время, каждая юрисдикция имеет свои особенности использования примирительных процедур, и перед использованием их необходимо обратиться к соответствующим законам и нормам, чтобы убедиться, что они подходят для конкретного случая. Применение института примирительных процедур в России и за рубежом является широко распространенной практикой в различных областях, от бизнеса до личных конфликтов. Примирительные процедуры представляют собой эффективный способ разрешения споров и способствуют экономии времени и ресурсов для всех сторон».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«развитие использования примирительных процедур в России и за рубежом должно быть направлено на улучшение законодательства, создание соответствующей инфраструктуры для проведения медиации и арбитражных процедур, а также повышение уровня осведомленности и образованности среди населения и представителей бизнес – сообщества».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности. Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Genesis: исторические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с генезисом института примирительных процедур.

Название статьи может быть уточнено, как представляется. Название не указывает на

ограничение правом России, хотя фактически содержание статьи посвящено истории и развитию института примирительных процедур в России. Лишь некоторые комментарии, связанные с сопоставлением института примирительных процедур в России и других странах, не меняет общую направленность исследования на выявление особенностей генезиса рассматриваемых процедур именно в России. Об этом свидетельствуют и выводы, которые сделаны по итогам исследования. Тем самым, автору предлагается подумать об уточнении темы статьи путем указания на историю развития института примирительных процедур в России.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы, но низко ее количество и проработку. Автор использовано только три источника (авторы: М.К. Баранова, А.А. Подопригора, М.А. Бушмелева, В.Ю. Стрепетова, Д.В. Князев). Однако в нашей стране тематика института примирительных процедур является достаточно популярной в науке. При этом не приведено ссылок на наиболее известных авторов, написавших монографии и диссертации по примирительным процедурам. Автору настоятельно рекомендуется расширить теоретическую базу исследования.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, не способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор не провел серьезного анализа текущего состояния исследуемой проблемы. Следует расширить теоретическую базу исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории, но только после расширения теоретической базы исследования и уточнения после этого научной новизны. Также следует подумать об уточнении темы статьи.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье "История и развитие института примирительных процедур в России" в качестве предмета исследования выступают правовые нормы, составляющие институт примирения в российском праве.

Методология исследования. Методологический аппарат статьи составили современные методы научного познания: исторический, формально-логический, юридико-технический, формально-догматический, сравнительного правоведения и др. Также

автором статьи применялись такие научные способы и приемы, как дедукция, моделирование, систематизация и обобщение. Применение современных методов научного познания позволило автору сделать аргументированные выводы по теме исследования, обозначить существующие проблемы и внести предложения по их разрешению.

Актуальность исследования. Актуальность темы статьи (ее значимость и важность) не вызывает сомнение. Как правильно отмечает автор, "примириительные процедуры являются одним из наиболее эффективных и популярных инструментов решения конфликтов в современном обществе. Их роль заключается в том, чтобы помочь сторонам конфликта найти общее понимание, достичь взаимопонимания и договориться о взаимовыгодном разрешении проблемы. Примириительные процедуры являются более мирным и гуманным способом решения конфликтов, чем судебные разбирательства, и могут быть использованы в различных областях, начиная от семейных и трудовых конфликтов до бизнеса и политики". По этим причинам любые научные разработки, имеющие результаты практической значимости, заслуживают внимания специалистов (ученых и практиков).

Научная новизна. Тема статьи не является абсолютно новой для российской юридической науки. Однако выбранный автором аспект, а именно изучение проблем института примирения в контексте его становления в отечественном праве, содержит элементы научной новизны. Абсолютно верно отмечено, что изучая историю вопроса, можно избежать ошибок в настоящем и будущем.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, автором при ее написании применялась специальная научная терминология. Статья логически структурирована, хотя формально на части не разделена. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Тема раскрыта. Статья по содержанию соответствует заявленной теме. На взгляд рецензента, статья бы "выиграла" если бы теоретические положения были проиллюстрированы примерами из правоприменительной практики, а также если бы автор привел статистические данные, например, по применению медиации в России (с целью показать эффективность и результативность этой примирительной процедуры).

Библиография. Автором статьи изучено достаточное количество библиографических источников, хотя нет ссылок на публикации последних лет. Например, Голованов Н.М. "Примириительные процедуры в гражданском процессе России и зарубежных стран", Михайлова Е.В. "Судебная примирительная процедура в системе защиты гражданских прав" и др.

Апелляция к оппонентам. Автор для подтверждения собственной позиции обращается к авторитетным мнениям других ученых. Обращения к оппонентам весьма корректное, все заимствования оформлены ссылками на источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья "История и развитие института примирительных процедур в России" может быть рекомендована к опубликованию в научном журнале "Genesis: исторические исследования", так как отвечает требованиям, предъявляемыми к научным публикациям. Тема статьи является актуальной, практически значимой и обладает элементами научной новизны. Статья может представлять интерес для ученых, специалистов-практиков, а также преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ширко Т.И. — Межпарламентские объединения субъектов Российской Федерации в 1990-е гг.: формирование институциональных оснований «горизонтального федерализма» // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.5.40587 EDN: OFPLUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40587

Межпарламентские объединения субъектов Российской Федерации в 1990-е гг.: формирование институциональных оснований «горизонтального федерализма»

Ширко Татьяна Ивановна

кандидат исторических наук

доцент Томского государственного университета

634050, Россия, Томская область, г. Томск, пр. Ленина, 36

✉ strelk-s@mail.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.5.40587

EDN:

OFPLUE

Дата направления статьи в редакцию:

26-04-2023

Аннотация: Статья посвящена анализу формирования организационных основ межпарламентских объединений, учрежденных парламентами субъектов Федерации в 1990-х гг. Объектом исследования является межпарламентское сотрудничество, складывающиеся между законодательными органами власти субъектов Российской Федерации, а предметом – формируемые ими межпарламентские объединения. Целью исследования является выявление особенностей организации межрегиональных объединений законодательных органов власти субъектов Российской Федерации, являющихся основой для складывания горизонтальных федеративных отношений в 1990-е гг. В качестве методологической основы работы использованы историко-генетический, проблемно-аналитический и историко-сравнительный методы, а также метод структурно-функционального анализа. Обращается внимание, что на первом этапе формирования межпарламентских объединений в 1994 г. наиболее востребованной формой организационного сотрудничества стала ассоциация, а на втором этапе, с 1997 г. – совет. Ассоциации создавались как консультативно-совещательные органы, реализующие функцию координации законодательной деятельности в пределах

собственного ведения и полномочий в целях создания единого законодательного пространства субъектов Федерации одного макрорегиона. Образование советов осуществлялось с целью разработки законодательных инициатив в пределах совместного ведения центра и регионов касающихся проведения экономической реформы. Был сделан вывод, что организационная структура ассоциаций, в целом соотносится с общепринятым стандартом деятельности соответствующей формы межпарламентского объединения, определяя и упорядочивая содержание и динамику процессов её законосовещательной деятельности и обеспечивая реализацию поставленных целей. Тогда как субъекты Федерации – участники советов, определяя статус объединений как организаций, тем самым, формально позиционировали их значимость и весомость, но фактически ориентировались на выстраивание индивидуальных отношений с федеральным центром «по вертикали». Таким образом, только модель ассоциации в 1990-х гг. обеспечивала формирование институциональных оснований «горизонтального федерализма» в России.

Ключевые слова:

межпарламентское сотрудничество, ассоциации, парламентские ассоциации, законодательные органы власти, субъект Федерации, федерализм, горизонтальный федерализм, организационная структура, институциональная среда, интеграционные объединения

Введение

Одним из системообразующих признаков федеративного государства является наличие устойчивых организационных форм взаимодействия между субъектами Федерации, механизмы формирования и направления деятельности которых, как правило, не являются приоритетом государственного строительства. Поэтому, складывание институциональных форм сотрудничества между органами государственной власти субъектов Федерации является следствием естественных процессов их самоорганизации. Положительная роль таких объединений известна: их деятельность придает динамику развитию федеративной системы, способствует быстрой адаптации субъектов Федерации к изменяющимся внутренним и внешним условиям и снижает вероятность центробежных тенденций [\[1, с. 5; 2, с. 39\]](#). Мировой практике известны различные институциональные формы межпарламентского сотрудничества субъектов Федерации, такие как ассамблеи, ассоциации, конференции, форумы, союзы, совещания, советы и т.д. которые формируются на договорной основе, имеют статус консультативно-совещательных органов, решения которых носят рекомендательный характер для их участников [\[3, с. 6\]](#). Организационная форма и объем реализуемых функций подобных образований зависит от исторических условий и особенностей развития Федерации, метода учреждения и целевых проблем, требующих совместного решения [\[4, с. 18\]](#). Прослеживается закономерность, чем организационно и содержательнее независимее от исполнительной власти или федерального центра субъекты межпарламентского сотрудничества, тем разнообразнее внутренняя структура объединений, престижнее статус членства, шире охват обсуждаемых проблем и выше степень ответственности за принимаемые решения.

В 1990-е гг. в Российской Федерации, в контексте процессов политической и экономической децентрализации, возник ряд объединений межпарламентского сотрудничества, инициаторами и участниками которых были законодательные органы

власти регионов. В этот период процесс налаживания межпарламентского сотрудничества между субъектами Федерации носил закономерный и поступательный характер, специфику которого определяла готовность парламентов действовать независимо от исполнительной власти и федерального центра, их социально-экономическая и политическая зрелость. Поэтому является важным обобщение сложившейся в этот период организационной практики межпарламентского сотрудничества субъектов Российской Федерации, отражающей, с учетом специфики парламентской деятельности, состояние горизонтальных интеграционных процессов между субъектами Федерации, а также уровень зрелости и эффективность действующей федеративной модели.

Условия формирования межпарламентских объединений

Сложившиеся в 1990-е гг. условия политico-институциональной среды оказывали существенное влияние на характер, интенсивность и параметры формирования межпарламентских объединений и организации сотрудничества между субъектами Федерации в целом.

В 1993 г. на новой конституционной основе в качестве ключевых принципов российской государственности были закреплены принципы федерализма и разделения властей. Края, области, республики и автономные образования получили статус субъекта Федерации, а их законодательные органы были наделены законодательными функциями. Определение общих организационных оснований для парламентов субъектов Федерации создало условия для их взаимодействия в законодательном процессе, а наделение органов власти субъектов Федерации собственной компетенцией, через определение их предметов ведения и полномочий, создало возможности для их содержательного взаимодействия.

Этот период характеризуется наличием разнонаправленных стратегий центра и регионов в регулировании единого законодательного процесса. Федеральные органы власти сосредоточились на разработке законодательства в пределах исключительного ведения Российской Федерации, а регионы делали акцент на предметах собственного ведения. Поэтому нормотворчество в пределах совместного ведения и полномочий центра и регионов отставало от развития двух других направлений и субъекты Федерации самостоятельно принимали законы в сфере совместной компетенции [\[5, с. 175\]](#). Правомочность «опережающего нормотворчества» подтвердил Конституционный Суд Российской Федерации, который признал соответствующим Конституции такую практику в условиях отсутствия соответствующего федерального закона по вопросам совместного ведения (*Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности ст. 23 и 24 Временного положения об обеспечении деятельности депутатов Калининградской областной Думы, утвержденного Постановлением Калининградской областной Думы от 8 июля 1994 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 50. – Ст. 4969.*).

Существенная роль в регулировании процессов формирования федеративных отношений отводится реализуемой государством федеративной и региональной политики. В целом, для 1990-х гг. был характерен отказ федерального центра от жёсткого регулирования федеративных отношений и ориентация на договорные отношения с регионами. Поэтому 1990-е гг. в литературе описываются как период децентрализации и нарастания асимметрии в отношениях между центром и регионами, основными характеристиками которого становится утрата центром влияния на региональные политические процессы, а также активное участие региональных элит в общероссийских политических и

экономических процессах [\[6, с. 169; 7, с. 38\]](#).

Таким образом, в 1990-х гг. факторы политico-правовой среды, специфика развития федеративных отношений, а также особенности развития нормотворчества создали благоприятные условия для организации сотрудничества региональных парламентов, имеющих общие цели и интересы в урегулировании вопросов, связанных с обеспечением и организацией законодательной деятельности, решении проблем разделения полномочий между центром и регионами.

Организационные формы межпарламентского сотрудничества

Поиски формы организации межпарламентского сотрудничества между субъектами Федерации начались после того, как была признана несоответствующей для этих целей модель созданного 10 июня 1994 г. Координационного совета по взаимодействию палат Федерального Собрания Российской Федерации и органов законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации (*Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации: энциклопедический справочник. URL : <http://www.council.gov.ru/services/reference/9775/>*).

Региональных депутатов не устраивал лекционный формат собраний, акцентирование проблемных вопросов только на предметах совместного ведения, а также ограниченные возможности организации дискуссий между всеми заинтересованными участниками (*Инициатива Законодательного Собрания Вологодской области по образованию Северо-Западной Парламентской Ассоциации (СЗПА). URL: <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/e30/e30159fb5a14ae25d9bd3bb46b9ce3eb.pdf>*).

Однако, именно на заседаниях совета депутаты получили возможность выявить общие позиции, актуализировать запросы консультационной помощи в организации и содержании законодательной деятельности на основе единых подходов и стандартов регионального законодательства, обсудить законодательные инициативы по предметам совместного и собственного ведения субъектов Федерации, а также осознать необходимость формирования общей позиции субъектов Федерации по актуальным экономическим и политическим вопросам.

Стремление решить в краткосрочной перспективе выявленные проблемы стало причиной разработки летом 1994 г. региональными депутатами собственных проектов организации межпарламентской деятельности, исключающих посредничество федерального центра. Первые два варианта предусматривали организацию совместной деятельности только глав региональных парламентов, в одном случае, через парламентские советы при межрегиональных ассоциациях экономического взаимодействия (*Российская Федерация. – 1994. – № 6. – С. 17*), в другом случае – путём создания Всероссийской парламентской ассоциации, объединяющей 89 субъектов Федерации (*Российская Федерация. – 1994. – № 7. – С. 24*). Однако, оба проекта не встретили поддержки у заинтересованных в сотрудничестве парламентов, так как ограничивали возможность широкого коллективного обсуждения специфических проблем регионального правотворчества, что отмечалось самими депутатами, к примеру, при образовании Северо-Западной парламентской ассоциации (*Инициатива Законодательного Собрания Вологодской области по образованию Северо-Западной Парламентской Ассоциации (СЗПА)*) URL : <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/e30/e30159fb5a14ae25d9bd3bb46b9ce3eb.pdf>).

Поэтому в ходе поиска оптимальной формы координационной деятельности депутаты обратили внимание на опыт формирования межпарламентских объединений в других государствах, а также региональных ассоциаций экономического взаимодействия в

самой России [8, с. 61]. Таким образом, третий проект обобщил все содержательные приоритеты региональных законодателей, и выбор был сделан в пользу создания ассоциаций, предоставлявших возможность действовать организационно и финансово независимо от палат Федерального собрания или органов исполнительной власти и предусматривавший участие в заседаниях делегаций (*Российская Федерация. – 1994. – № 7. – с. 25*). Базовыми интегрирующими условиями для парламентов субъектов Федерации стали уже имеющийся опыт совместной деятельности с другими субъектами Федерации в различных сферах и учёт территориально-географической и экономической специфики нахождения субъекта Федерации в соответствующем макрорегионе. В итоге, извлечение преимуществ от межпарламентского сотрудничества оказалось актуальным для самых активных участников переговоров – субъектов Федерации Северо-Запада России, а также Дальнего Востока и Забайкалья, традиционно выделяющихся высоким уровнем региональной самоидентификации [7, с. 48; 9, с. 93].

17 ноября 1994 в г. Вологде представителями парламентских делегаций от 10 субъектов Федерации – Архангельской, Вологодской, Калининградской, Ленинградской, Новгородской, Псковской, Ярославской областей, Республики Карелия и Коми, Ненецкого автономного округа был подписан договор о создании Северо-Западной парламентской ассоциации (СЗПА) *Договор об образовании Северо-Западной Парламентской Ассоциации. URL : <https://www.vologdazso.ru/interaction/paszr/pravopaszr.php?ID=141888>*], принят её устав и временный регламент, который предполагалось доработать с учётом конкретного опыта деятельности (1 Конференция (учредительная). 17 ноября 1994 года, Законодательное Собрание Вологодской области. Протокол заседания . URL : <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/30f/30fec648a163ce9a7bf738a7d6c081b0.pdf>). Ассоциация законодательных (представительных) органов государственной власти Дальнего Востока и Забайкалья (парламентская ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье») была создана представителями Республики Саха (Якутия), Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Магаданской, Читинской, Сахалинской областей, а также Еврейской автономной области, Агинского Бурятского и Чукотского автономных округов на втором совещании объединения, которое состоялось в г. Благовещенске 11-12 апреля 1995 г. Его участники подписали учредительный договор, утвердили Устав, Регламент, а также два положения – об образце стандартного нормативного акта и о Секретариате Ассоциации (Парламентская Ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье». История Ассоциации. URL: <https://www.pa-dv.ru/about/history/>).

Окончательный состав ассоциации СЗПА был определен только в 1995 г., когда убедившись в эффективности деятельности объединений, принять участие в деятельности ассоциации изъявили желание законодательные органы г. Санкт-Петербурга и Мурманской области и прекратила членство Ярославская областная Дума (3 Конференция. 7-8 декабря 1995 года, Псковская областная Дума. Протокол заседания. URL : <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/da2/da264a8911f7f13186d38dd0adef197c.pdf>). К дальневосточной ассоциации в 1996 г. присоединилось Законодательное Собрание Камчатского края (Парламентская Ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье». История Ассоциации. URL: <https://www.pa-dv.ru/about/history/>).

Обе ассоциации создавались с целью реализации консультативных, координационных и совещательных функций между законодательными органами субъектов Федерации, приоритетными из которых являлись: координация деятельности по решению единых правотворческих задач в сфере предметов собственного ведения субъектов Федерации;

выработка согласованных подходов к проведению реформ, организация совместного продвижения и поддержки законодательных инициатив в Федеральном собрании Российской Федерации; проведение согласованной бюджетной, экономической и социальной политики, обмен информацией и опыта законодательной деятельности; разработка «модельных актов».

Несмотря на то, что в других регионах страны законодательным органам не удалось договориться о создании межпарламентских объединений, сама идея сотрудничества и кооперации региональных парламентариев в области законопроектной деятельности продолжала оставаться актуальной. Об этом свидетельствует обширная практика заключения двусторонних договоров между парламентами, которая позволяла координировать формирование единообразных подходов к законодательной деятельности [10, с. 52].

Общие интересы в межпарламентской деятельности были актуализированы в 1997 году при подготовке законодательного обеспечения проведения социально-экономических реформ. С целью подготовки реформы, в июле 1997 г. были проведены заседания ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Федерации, на которых с вице-премьерами и министрами Правительства России обсуждались вопросы совместного ведения Федерации и её субъектов – разработка программ социально-экономического развития субъектов Федерации до 2000 г. и экономическая интеграция субъектов Федерации в пределах одного макрорегиона. Заинтересованность в координации законодательного обеспечения проведения реформы на основе единых стандартов высказали субъекты Федерации Уральского региона и Северного Кавказа, образовав советы. Совет по координации деятельности законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации Уральского региона (Уральский Парламентский центр (УПЦ)) был создан 22 июля 1997 г. в г. Екатеринбурге, его членами стали девять законодательных органов субъектов Федерации – Республики Удмуртии и Башкортостана, а также Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области и Коми-Пермяцкий автономный округ (*Соглашение об учреждении Уральского парламентского центра от 22 июля 1997 г. URL : https://2110.ru/upload/site1/document_file/№5fy03ppax.pdf). 25 июля 1997 г. в г. Нальчике был образован Межпарламентский совет трех республик северного Кавказа – Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии (См. Кондратенко В. Это шаг к стабильности и миру не только на Северном Кавказе, но и в России // Советская Адыгея. – 1997. – 29 июля. – №148.).*

В соответствии со своими договорами уставами, Советы определяли себя организациями: УПЦ был объявлен региональной общественной организацией, а Межпарламентский Совет определён как «самостоятельная, самоуправляемая, добровольная организация», но функционал советов был узок и ограничивался консультативными функциями (*Договор об образовании Межпарламентского совета Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики от 25 июля 1997 г. // Сборник законов Карачаево-Черкесской Республики (1995-1999), I Часть*). Эти функции включали в себя: согласование рекомендаций и решений по проведению социально-экономических реформ, реализация консолидированной законодательной инициативы в Федеральном Собрании и налаживание эффективного сотрудничества в подготовке и принятии федеральных законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и её субъектов.

Такое противоречие между формой и декларируемыми функциями, объясняется, прежде

всего, тем, что в этот период, приоритетной для субъектов Федерации становится ориентация на вертикальные договорные отношения с федеральным центром – некоторые субъекты Федерации уже заключили двухсторонние договоры о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий с федеральным центром, а некоторые вели активную подготовку к заключению [11, с. 110]. Это нашло свое отражение и в деятельности советов, которую, в целом, нельзя назвать продуктивной. Довольно активно начал свою работу Межпарламентский совет трех республик, проведя за два года три сессии. В 1999 году после выборов президента Карачаево-Черкесской республики и на этом фоне обострения межнациональных отношений, совет приостановил свою деятельность и больше никогда не возобновлял свою работу [12, с. 14]. Деятельность Уральского парламентского центра тоже имела нерегулярный характер и фактически единственное полноценное его заседание прошло только в 1999 г., когда был принят его Устав (*Независимая газета.* – 1999. – 21 янв.).

В итоге, на начальном этапе складывания межпарламентского сотрудничества в 1994 г., наиболее предпочтительным выбором в качестве её организационной формы оказалась ассоциация, функционально предоставлявшая возможность участия в её заседаниях делегаций, широкого обсуждения законотворческих проблем определённых Конституцией в пределах собственного ведения и полномочий субъектов Федерации. Участниками ассоциативного сотрудничества стали парламенты субъектов Федерации, расположенные в одном макрорегионе и имевшие опыт сотрудничества в рамках экономических районов и ассоциаций экономического взаимодействия. В 1997 г. в условиях нарастания ассиметричных отношений между центром и регионами, в которых субъекты Федерации ориентировались на выстраивание индивидуальных взаимоотношений с федеральным центром на договорной основе, основной формой организации межпарламентской деятельности стал совет, участниками которых были главы законодательных органов субъектов Федерации. Основной функцией совета стали консультативные функции, связанные с проведением экономических реформ и упорядочение законодательства в одном макрорегионе на единой концептуальной основе.

Внутренняя организационная структура межпарламентских объединений, юридический статус, структура, членство и источники финансирования

Все межпарламентские объединения 1990-х – две ассоциации и два совета для упорядочения совместной деятельности формировали органы управления, создавали правовые, организационные и коммуникационные механизмы взаимодействия между всеми участниками сотрудничества и создаваемыми ими органами для достижения поставленных целей [13, с. 128].

Высшим органом Северо-Западной ассоциации являлась конференция, состоявшая из пленарных и секционных заседаний, а ассоциации Дальнего Востока и Забайкалья – региональное совещание. Периодичность их собраний определялась не реже двух раз в год, и осуществлялась в соответствии с заранее формируемыми планами. Предусматривался и созыв внеочередных заседаний, в обеих ассоциациях для этого было необходима инициатива не менее трех участников ассоциации. Правомочность заседаний определялась по-разному – в ассоциации Дальнего Востока и Забайкалья было достаточно присутствия более половины делегаций, в ассоциации Дальнего Востока и Забайкалья – не менее 2/3 членов. Решения, как правило, принимались на основе консенсуса, каждой делегации от субъекта Федерации при голосовании предоставлялся 1 голос.

Организацию деятельности высших органов управления ассоциаций осуществляли советы. В Северо-Западной ассоциации он состоял из руководителей парламентских делегаций, в Дальневосточной ассоциации в совет входили пять полномочных представителей законодательных органов участников, которые избирались на региональном совещании, с ротационным сроком на один год. Советы собирались не реже одного раза в квартал и были правомочны при наличии не менее половины членов.

Ассоциации и советы возглавляли их председатели, избивавшиеся большинством голосов открытым голосованием на собраниях ассоциаций. Правомочность председателя совета Северо-Западной ассоциации определялась до очередной конференции, но через год работы ассоциации в Устав были внесены изменения, пролонгировавшие срок работы председателя на один год (2 Конференция СЗПА. 22-24.06 1995 г., Санкт-Петербург, Регламент СЗПА.URL : <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/691/6919f3e2fe5678950a015ec2a3645e85.pdf>). В ассоциации Дальнего Востока и Забайкалья годовой срок работы председателя был определён изначально. В функции председателей входило, в том числе, и ведение заседаний собраний, подписание принятых ассоциациями документов – решений, рекомендаций, резолюций, обращений принятых ассоциациями, имевших рекомендательный характер.

Для рассмотрения вопросов по существу в структуре Северо-Западной ассоциации было предусмотрено создание постоянных и временных комитетов, осуществлявших предварительное рассмотрение и подготовку вопросов, вносимых на рассмотрение конференции. Каждому комитету назначался координатор – один из законодательных органов членов ассоциации. В комитетах работали депутаты, делегированные членами ассоциации. Так, в 1994–1995 гг. в СЗПА действовало 4 комитета, в 1997 г. уже 7 и количество их постоянно увеличивалось в зависимости от актуальности обсуждаемой темы. Чем развитее становилась структура комитетов, тем больше снижалась организующая роль Совета. В итоге на X конференции СЗПА, состоявшейся 5 декабря 1997 г., в Устав ассоциации были внесены изменения и дополнения, изменившие объемы полномочий Совета в пользу комитетов. Теперь Совет ассоциации занимался формированием повестки, а подготовка заседаний была передана в компетенцию соответствующего комитета – в зависимости от предлагавшейся темы (10 Конференция СЗПА. 5 декабря 1997 года, Архангельск, Архангельское областное Собрание депутатов. Протокол заседания. URL : <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/671/671bb308eca7a5d5789b72e975eb986e.pdf>). Также из Устава были изъяты положения о том, что Совет обязан собираться не реже двух раз в квартал, теперь он мог собираться по мере необходимости, что фактически прекратило его работу. Также при комитетах могли создаваться подкомитеты, когда вопрос носил специализированный характер и консультативные советы. Все комитеты действовали на основе утвержденных положений и каждый год представляли отчеты о своей деятельности. В Дальневосточной ассоциации как рабочие органы возникали координационные советы.

По мере приобретения опыта совместной деятельности деятельность и кооперации в 1999 г. в структуре Северо-Западной ассоциации начал свою работу Координационный совет руководителей аппаратов законодательных (представительных) органов государственной власти Российской Федерации – членов Северо-Западной парламентской ассоциации, который выполнял функции взаимодействия с аппаратами палат Совета Федерации, координации работы аппаратов законодательных собраний, обобщал опыт деятельности. Также в декабре 1999 г. было проведено совещание руководителей правовых служб субъектов Федерации, входящих в СЗПА (17

Конференция СЗПА. 15 октября 1999 года, Санкт-Петербург, Законодательное Собрание Ленинградской области. Протокол заседания. URL : <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/513/51399c7e1be993c5c79c72ef51d90fd2.pdf>).

Парламентские ассоциации Северо-Запада и Дальнего Востока и Забайкалья, изначально, по аналогии с ассоциациями экономического взаимодействия, планировалась формировать как некоммерческие организации, что подразумевало осуществление деятельности на основе членских взносов. Тем не менее, настойчивость в этом вопросе проявила только ассоциации Дальнего Востока и Забайкалья, зарегистрировавшись как юридическое лицо в г. Хабаровске. Являясь некоммерческой организацией, парламентская ассоциация Дальнего Востока и Забайкалья формировала также ревизионную комиссию, осуществлявшую внутренний финансовый контроль деятельности и секретариат, занимавшийся организационной деятельностью [14, С. 127].

В свою очередь, Северо-Западная ассоциация, с самого начала объявила о финансировании своей деятельности на общественных началах, приняв решение проводить конференции в субъектах Федерации Северо-Западного региона по очереди и в этом случае и возлагать финансовые затраты на принимающую сторону. Констатировав неудачу в вопросе образования юридического лица, в конце 1997 г., ассоциация внесла изменения и дополнения в Устав и изъяла из него соответствующие статьи (10 Конференция. 5 декабря 1997 г., Архангельское областное Собрание депутатов. Протокол заседания. URL : <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/671/671bb308eca7a5d5789b72e975eb986e.pdf>).

Членство в объединениях определялось нахождением законодательного органа субъекта Федерации по географическому принципу – в соответствующем макрорегионе, который подписал договор и направил свою делегацию, которые при голосовании получали один голос. Тем не менее, ассоциации не демонстрировали приверженности закрытости своих объединений и даже наоборот, призывали к вступлению в объединения другие субъекты Федерации. Устав СЗПА предусматривал статус участника с ассоциированным членством.

Учитывая активную коммуникацию между всеми участниками межпарламентского сотрудничества и обмен информационными материалами, некоторые из межпарламентских объединений развернули широкую информационно-аналитическую деятельность. С 1995 г. ассоциацией Северо-Запада регулярно стали издаваться сборники материалов конференций. К 1999 году в СЗПА была начата подготовка создания «Сводного перечня законов субъектов Федерации – членов Северо-Западной парламентской ассоциации», представляющего собой электронный банк данных с текстами законов и законопроектов. Всем субъектам Федерации-членам ассоциации было рекомендовано направлять в Комитет по правовым вопросам принятые законодательные акты для размещения в базе данных. Обе ассоциации четко позиционировали свою правосубъектность (15 Конференция СЗПА. 18 марта 1999 года, Великий Новгород, Новгородская областная Дума. Протокол заседания. URL : <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/5cc/5ccc20e047f2f4f5fd5910895fc39d5.pdf>). У Дальневосточной ассоциации как у некоммерческой организации имелись печать, штампы и именные бланки. В 1998 г. у СЗПА тоже появляется своя утвержденная символика, штамп и именные бланки (12 Конференция СЗПА. 22 мая 1998 года, Вологда, Законодательное Собрание Вологодской области. Протокол заседания. URL : <https://www.vologdazso.ru/upload/iblock/46e/46ea80ab7a0888a45a4ebb938e0df7a0.pdf>). Депозитарием договора и всех принимаемых ассоциаций Северо-Запада документов было определено Законодательное собрание Вологодской области, а в

ассоциации Дальнего Востока и Забайкалья весь архив хранился по юридическому адресу объединения в г. Хабаровске.

Всего за период с 1994 по 1999 гг. ассоциация Северо-Запада провела 17 собраний, самыми активными стали 1997–1999 гг., когда проводилось по 3-4 заседания в год. Дальневосточная ассоциация провела за этот же период 9 заседаний.

Иную конфигурацию внутренней организационной структуры демонстрируют советы. Высшим органом управления УПЦ объявлялось общее собрание, которое возглавлял его председатель (*Соглашение об учреждении Уральского парламентского центра от 22 июля 1997 г. URL: //http://www.http://duma.midural.ru/files/dc_250387.pdf*), в Межпарламентском совете Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии эти функции выполняла сессия (*Устав Межпарламентского совета республики Адыгея, Кабардино-Балкарской республики Карабаево-Черкесской республики // Собрание законодательства Республики Адыгея. – 1997. – № 5*). Участниками УПЦ являлись главы законодательных органов субъектов Федерации, межпарламентского совета – полномочные представители, которыми являлись делегации от каждого члена Совета в составе 9 депутатов. Согласно уставу, общее собрание Уральского совета собиралось один раз в квартал, частота заседаний сессий межпарламентского совета трех республик была не оговорена и зависела от решений Президиума, который осуществлял организацию деятельности совета. Членам президиума являлись председатель парламента каждой из трех сторон, их заместители и один представитель из состава парламентской делегации.

В Уставе УПЦ было закреплено, что стороны обладают равными правами и одним голосом и совет может создавать свои рабочие органы. В межпарламентском совете трех кавказских республик решения принимались большинством голосов от каждой делегации. Председательствовал на заседаниях Межпарламентского совета председатель парламента принимающей стороны, а решения готовились в аппарате законодательного органа принимающей стороны.

Межпарламентский совет трех кавказских республик изначально, по аналогии с ассоциациями экономического взаимодействия, планировалось формировать как юридическое лицо, но впоследствии он отказался от этой идеи. Оба совета, как и ассоциации, являлись открытыми образованиями, и формально провозглашали возможность присоединения к их деятельности других субъектов Федерации. 20 ноября 1998 г. на III сессии Межпарламентского Совета Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии было принято решение о выпуске своей газеты [*Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 29.03.1999 № 92 // Собрание законодательства Республики Адыгея. – 1999. – № 3*].

Таким образом, организационная основа ассоциаций представляло собой разветвленную внутреннюю структуру. Непосредственно рабочими органами ассоциаций являлись комитеты, комиссии или советы, ведущие оперативную работу и координирующие взаимодействие между парламентами. Гибкий и удобный механизм коммуникации и информационного обеспечения межпарламентской деятельности был сформирован Северо-Западной парламентской ассоциацией, где в отношения сотрудничества и координации были включены правовые службы и руководители аппаратов региональных парламентов. В свою очередь в советах вся основная деятельность по подготовке решений совета возлагалась на аппараты парламентов республик принимающей стороны.

Заключение

Можно заключить, что формирование организационных форм межпарламентского сотрудничества осуществлялось в 1990- г. в два этапа. В 1994-1995 гг. были созданы две ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье» и Северо-Западная парламентская ассоциация, что было связано с осознанной потребностью региональных парламентов в координации и кооперации совместной деятельности. Ассоциации создавались как консультативно-совещательные органы с координационной функцией законотворческой деятельности, преимущественно в пределах собственного ведения в целях создания правового единства экономически и политически связанных субъектов Федерации одного макрорегиона. Ассоциации формировали развитые внутренние организационные структуры межпарламентских органов – советы, комитеты, комиссии, обеспечивающие их деятельность, выступая и упорядочивая многофакторный законотворческий процесс. При этом прослеживается динамика развития информационно-аналитического сопровождения деятельности объединения, углубления кооперации между руководителями аппаратов и правовых служб парламентов, и в целом, утверждение их правосубъектности. На втором этапе, в 1997 г., создание двух советов – Межпарламентского совета республики Адыгея, Кабардино-Балкарской республики и Карачаево-Черкесской республики и Совета по координации деятельности законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации Уральского региона (Уральский Парламентский центр (УПЦ)), преследовало более узкие задачи – создание межпарламентских объединений сотрудничества с целью разработки законодательных инициатив в пределах совместного ведения центра и регионов, касающихся проведения экономической реформы. Их деятельность осуществлялась эпизодически, основные функции по управлению делами советов выполняли аппараты законодательных органов принимающей стороны. Их участники – субъекты Федерации, одновременно позиционируя объединения как организации, тем не менее, ориентировались не на плодотворную работу, а на приоритет отношений с федеральным центром «по вертикали».

В целом, анализ и обобщение опыта деятельности объединений межпарламентского сотрудничества в 1990-х гг. в России, показывает, что именно ассоциативная форма межпарламентского сотрудничества способствовала формированию устойчивого интегративного взаимодействия между законодательными органами субъектов Федерации, оказывая влияние на развитие комплексного процесса формирования институциональных основ горизонтальных федеративных отношений.

Библиография

1. Ахрем Н. В. К вопросу о «горизонтальном» уровне федеративных отношений // Ученые записки юридического факультета. – 2011. – Вып. 23 (33). – С. 5-10.
2. Смирнов Я. Ю. Российский федерализм: проблемы периодизации и современные тенденции развития // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т.4. № 4. – С. 36-41.
3. Виноградова А. А. Межпарламентские институты: критерии, классификации, сравнительный анализ // Сравнительная политика. – 2011 – № 4. – С. 3-12. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-4(6)-3-12.
4. Гонтарь Н. В. Межрегиональная интеграция в России: институты и государственно-административное регулирование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. – 2018. – Т. 20. № 3. – С. 14-24. – DOI: 10.15688/jvolsu3.2018.3.2

5. Андриченко Л. В. Современная модель и механизм разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения // Journal of foreign legislation and comparative law. – 2014. – № 2. – С. 172-187.
6. Жолобова О. А. Основные механизмы формирования стратегии региональной политики в современной России // Тренды и управление. – 2014. – № 2. – С. 168-174. –DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.12405.
7. Ноженко М. В., Белокурова Е. В. Северо-Запад России: регион или регионы? СПб.: Норма, 2010. – 164 с.
8. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Ассоциативные формы сотрудничества субъектов Федерации (конституционно-правовой аспект) // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 1. – С. 60-64. – DOI: 10.2441/2073-3305-2022-1-60-64.
9. Золотухин И. Н. Процесс российской региональной самоидентификации и проблема региональной идентичности российского Дальнего Востока в рамках участия России в азиатско-тихоокеанской экономической интеграции // Ойкумена. – 2006. – Вып. I. – С. 90-98.
10. Ибрагимов А. Г. Ассоциативные формы сотрудничества субъектов Российской Федерации: монография / науч. ред. Г. Р. Хабибулина. – Москва: Проспект, 2021. – 176 с. – DOI: 10.31085/9785392310593-2021-176.
11. Кудрин К. Ю. Трансформация института межрегионального сотрудничества субъектов Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2012. – № 3. – С. 106-112.
12. Апажева, Е. Х. Межнациональные отношения в процессах общественной трансформации в этнически родственных Республиках Северного Кавказа: Кабардино-Балкарья, Карачаево-Черкесия, Республика Адыгея. 1985-2000 гг. : автореферат дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2003. – 197 с.
13. Муратова Л. И. Внутренние правовые основы деятельности парламентских ассоциаций субъектов Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 2. – С. 127-130.
14. Хабибуллина Г. Р., Нурутдинова Р. И. Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их роль в развитии модельного правотворчества // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2012. – Вып. 2. – С. 127-130.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является межпарламентское сотрудничество регионов Российской Федерации в 1990-е годы, инициаторами и участниками которого были законодательные органы власти этих регионов.

В этот непростой исторический период активных социально-экономических и политических преобразований, кризисных явлений в экономике, поиска путей оптимального развития российского федерализма некоторые субъекты Российской Федерации пытались выстроить эффективно работающую систему взаимодействия как с

федеральным центром, так и с соседними регионами. Ретроспективный взгляд на эти процессы, представленный в данной статье, позволяет понять степень обоснованности и результативности таких замыслов.

Методология исследования включает комплекс методов: историко-генетическом, историко-системном, историко-сравнительном, ретроспективном. Это позволило в историческом контексте проанализировать процесс формирования и развития межпарламентских объединений субъектов Российской Федерации в 1990–е годы, выявить существенные различия между некоторыми из этих объединений.

Актуальность данного исследования безусловна, поскольку поиск эффективного горизонтального взаимодействия между регионами России осуществляется постоянно, в связи с чем исторический опыт в этом процессе с анализом успехов и неудач весьма познавателен и полезен для выработки перспективных решений.

Научная новизна состоит во введении в научный оборот не достаточно исследованных, с исторической точки зрения документов, в их критическом профессиональном анализе, в полученных на этой основе документально подтвержденных выводов.

В частности, заслуживает внимания выявленная в статье закономерность: чем организационно и содержательнее независимее от исполнительной власти или федерального центра субъекты межпарламентского сотрудничества, тем разнообразнее внутренняя структура объединений, престижнее статус членства, шире охват обсуждаемых проблем и выше степень ответственности за принимаемые решения.

Статья имеет логичную структуру, позволяющую последовательно осветить ее содержание. После краткого введения рассматриваются условия формирования межпарламентских объединений. Далее анализируются организационные формы межпарламентского сотрудничества, внутренняя организационная структура межпарламентских объединений, юридический статус, структура, членство и источники финансирования.

Это позволило обоснованно прийти к заключению, что формирование организационных форм межпарламентского сотрудничества осуществлялось в 1990- г. в два этапа.

На первом этапе - в 1994-1995 гг. были созданы две ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье» и Северо-Западная парламентская ассоциация, что было связано с осознанной потребностью региональных парламентов в координации и кооперации совместной деятельности. Ассоциации создавались как консультативно-совещательные органы с координационной функцией законотворческой деятельности, преимущественно в пределах собственного ведения в целях создания правового единства экономически и политически связанных субъектов Федерации одного макрорегиона. Ассоциации формировали развитые внутренние организационные структуры межпарламентских органов – советы, комитеты, комиссии, обеспечивающие их деятельность, выступая и упорядочивая многофакторный законотворческий процесс.

На втором этапе - в 1997 г., произошло создание двух советов – Межпарламентского совета республики Адыгея, Кабардино-Балкарской республики и Карачаево-Черкесской республики и Совета по координации деятельности законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации Уральского региона (Уральский Парламентский центр (УПЦ)), преследовало более узкие задачи – создание межпарламентских объединений сотрудничества с целью разработки законодательных инициатив в пределах совместного ведения центра и регионов, касающихся проведения экономической реформы. Их деятельность осуществлялась эпизодически, основные функции по управлению делами советов выполняли аппараты законодательных органов принимающей стороны. Их участники – субъекты Федерации, одновременно позиционируя объединения как организации, тем не менее, ориентировались не на плодотворную работу, а на приоритет отношений с федеральным центром «по

вертикали».

Авторы обоснованно пришли к выводу, что именно ассоциативная форма межпарламентского сотрудничества способствовала формированию устойчивого интегративного взаимодействия между законодательными органами субъектов Федерации, оказывая влияние на развитие комплексного процесса формирования институциональных основ горизонтальных федеративных отношений.

В своем исследовании автор(ы) статьи приводят ссылки на значительное количество источников, корректно полемизируют с предшествующими исследователями, одновременно высказывая собственную точку зрения по проблеме, аргументируя ее примерами.

Библиография включает 14 источников, среди которых научные статьи известных авторов, монография и докторская диссертация.

Статья, безусловно вызовет интерес читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Попова А.В., Серебрякова А.И. — Образ хранителя очага в русской и китайской мифологической традиции // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.5.40850 EDN: RSBAVA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40850

Образ хранителя очага в русской и китайской мифологической традиции

Попова Анастасия Викторовна

старший преподаватель кафедры китайского языка, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, пер. Малый Казенный, 5-Б, оф. 507

✉ anysta@yandex.ru

Серебрякова Анастасия Игоревна

бакалавр, кафедра китайского языка, ГАОУ ВО МГПУ

127238, Россия, г. Москва, шоссе Дмитровское, 34, корпус 2, оф. 204

✉ serebryakovaai721@mgpu.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.5.40850

EDN:

RSBAVA

Дата направления статьи в редакцию:

27-05-2023

Аннотация: Одними из наиболее часто встречающихся персонажей в мифологии различных культур являются домашние духи, божества-хранители очага, издревле жившие бок о бок с человеком. В данной работе на материале российских и китайских источников авторами проводится сопоставительный анализ образов покровителей домашнего хозяйства, выявляются сходства и различия данных героев в таких аспектах, как имена, данные им носителями культуры, версии происхождения, внешность, семейное положение, функции, которые исполняли данные божества, обряды поклонения. Предметом исследования выступают образы Домового и Бога очага Цзао-вана в русской и китайской культурах. Целью работы является нахождение сходств и отличий в мифологических представлениях о Домовом и Цзао-ване, осмысление взаимодействия человека с домашним духом в России и Китае, что является актуальным

в свете сближения двух стран и способствует лучшему пониманию как китайской, так и русской культуры. Новизна заключается в отсутствии такого рода сравнительного исследования в российской науке. В результате работы было выявлено, что образы хранителя очага в русской и китайской традиции имеют как сходства, так и различия. Схожие черты домашних духов обусловлены общемировыми культурными процессами, различия же их определяются мировоззренческими и другими особенностями регионов.

Ключевые слова:

Китайская мифология, русская мифология, Домовой, Цзао-ван, Цзао-шэнь, Бог очага, Дух-хозяин, покровитель дома, домашний дух, китайская народная культура

Отличительной особенностью как китайского, так и русского фольклора является их многогранность, широкий диапазон верований и представлений. Несмотря на различие культурных героев этих народов ввиду географических факторов, моральных норм и эстетических представлений, в мифах китайского и русского народа присутствуют схожие идеи о мироустройстве и высших силах. Одним из общих персонажей мифологии славян и китайцев является хранитель очага, который в русской традиции именуется домовым, а в китайской – Цзао-ваном. В данной работе на материале российских и китайских источников проводится сопоставительный анализ образов покровителей домашнего хозяйства, выявляются сходства и различия данных героев. Предметом исследования выступают образы домового и Бога очага Цзао-вана в русской и китайской культурах. Целью работы является нахождение общих черт в русском и китайском осмыслении дома и их патронов, что является актуальным в свете сближения России и Китая и способствует лучшему пониманию как китайской, так и русской культуры.

Были поставлены следующие задачи:

- 1) Представить образ русского и китайского хранителей очага – домового и Цзао-вана соответственно;
- 2) Описать современное состояние этих двух культов;
- 3) Провести сопоставительный анализ образов домашних духов на основе следующих критериев: связь с представлениями об очаге; легенды о появлении; внешний облик; способы наименования; функции; формы почитания; праздники, связанные с покровителями очага; связь с домашним животным – лошадью.

Домовой (или домовик, Дедушка) – в славянском фольклоре дух-хозяин дома, оберегающий его жителей и скот. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова приводится следующее определение домового: «В славянской мифологии: сказочное существо, обитающее в доме, злой или добрый дух дома» [\[10, с. 170\]](#).

Согласно народным верованиям, домовым становился предок семьи. В одних случаях это был дух «правильного покойника», т. е. того, чья душа была чистой, и кто был правильно захоронен. В других случаях это был нечистый дух, проклятая душа, черт [\[15, с. 116\]](#). Под влиянием христианства появилась следующая легенда о появлении домовика. Бог, сотворив мир, сбросил с неба на землю всех чертей. Те, кто попал в дом, стали домовыми, кто попал в воду, – водяными, кто попал в лес, – лешими и т. д. В отличие от другой нечистой силы, домовые оказались добрыми духами, так что семьям

удалось с ними ужиться [\[8, с. 28-29\]](#).

Наряду с мужским образом Домового существуют женские парные соответствия этому персонажу: в одних случаях это жена и дочь Домового, в других – самостоятельные персонажи – мифологические хозяйки дома [\[6, с. 120\]](#).

Кроме жены – домовихи, в русской мифологии у русского домашнего духа есть также дети, количество которых равнялось количеству детей в семье, живущей в доме, охраняемом домовым.

О внешнем виде домовика однозначно судить невозможно. Духу приписывали облик человека, старика с густой бородой. Часто Дедушка был очень похож на умершего или живого хозяина дома. Тем не менее, во внешности домового «проступали» черты нечистой силы: шерстяной покров, когти, отсутствие одного уха. Одет был домовой в старый зипун, синий кафтан или красную подпоясанную рубашку [\[6, с. 121\]](#). Считалось, что домовик способен оборачиваться животным, например, котом, змеей, лаской, лягушкой и другими существами. Истинный же облик Дедушки был скрыт.

Рис. 1 И. Я. Билибин. Домовой

Чаще всего домовик обитал у печи, в хлеву, мог выбирать и другие места, занимать которые человеку было нельзя, иначе его ждали болезни [\[15, с. 106-107, 109-110\]](#).

Славяне верили, что главное занятие домового – это помощь в хозяйстве и быту. Если с духом правильно обращались, то он относился к хозяевам по-доброму: сушил зерно, поддерживал огонь в печи, защищал дом от других духов. По поверьям домовик имел особое отношение к животным, в частности, к лошадям: поил и кормил их, заплетал гриву в косы [\[15, с. 118\]](#). Однако если домового обижали, не проявляли к нему должного уважения, а в семье стоял разлад, то Дедушка мог рассердиться и начать пакостить хозяевам. Так, говорили, что дух начинал шуметь, бить посуду, пугать жильцов, сбрасывать с них ночью одеяло. Когда домовому не нравилась лошадь, то он гонял ее по хлеву, мешал ей питаться, животное становилось тощим и больным. В таких случаях коня старались продать и купить новую лошадь, которая будет по душе Дедушке [\[6, с.](#)

[1221](#).

Другим делом домашнего духа, как считал русский народ, было предсказание будущего, предостережение от беды. Когда домовик предчувствовал несчастье, он выл, стучал, хлопал дверьми, мог давить человека во сне. Если несчастья не предвиделось, домовой гладил человека лохматой рукой, если же кого-то из членов семьи ждала беда, то гладящая рука ощущалась как голая, безволосая [\[6, с. 122-123\]](#).

Рис. 2 Открытка с изображением Домового (1900-1917 гг.)

Иногда Дедушка мог разозлиться на что-то и начать хулиганить, в таком случае домочадцы старались его задобрить: преподносили ему в дар хлеб, мясо, молоко. Если этим не получалось вернуть добродушное расположение духа у домового, то проводили различные обряды по его «усмирению», например, в хлев заводили неприятных домовику медведя или козла, во дворе махали липовой палкой, втыкали нож над дверью [\[6, с. 124\]](#).

Для поддержания хороших отношений с духом семьи по праздникам угождала его пищей, преподносила лоскуты ткани и другие подарки [\[6, с. 123\]](#). При переезде в другой дом домового всегда звали с собой, иначе Дедушка мог обидеться и начатьносить беды как в новом, так и в старом доме. В случае, если в новом жилище оставался чужой домовой, его старались «выпроводить», прежде чем придет дух-хранитель семьи, иначе между ними начинались ссоры. Более того, русские старались не допускать появления второго домового в доме, для чего в хлеву вешали обереги [\[6, с. 123-124\]](#).

Некоторые источники упоминают день почитания домового, который приходился на 10 февраля (28 января по старому стилю) и совпадал с православным праздником Памяти преподобного Ефрема Сириня [\[3, с. 40\]](#),[\[4, с. 119\]](#). В это день русские задабривали Дедушку, преподнося ему в дар угождения и произнося заговоры.

В настоящее время культа домового редко можно встретить среди русского населения, вера в домашнего духа поддерживается только в отдаленных малонаселенных деревнях. Причину этого можно увидеть во влиянии христианства, причислявшего домового к нечистой силе, поклоняться которой было запрещено. Этот принцип сохраняется и в наши дни: так, в 2019 г. Архиепископ Серафим (в миру Владимир Сетракович Мелконян)

выступил против возвращения «народа к темным векам язычества» в связи с установкой фигурок домовых на историческом Медовом мосте и здании Музея Янтаря в Калининграде [17]. Однако стоит отметить, что такая реакция присуща ограниченному, как правило наиболее глубоко верующему кругу населения.

В целом же, нельзя сказать, что домовик полностью утратил свои позиции в русском культурном пространстве. В частности, в фольклоре сохранилось немало суеверий, изначально связанных с образом Дедушки, вера в которые до сих пор поддерживается: так, перед путешествием или поездкой семья обязана «присесть на дорожку», тем самым спросив у домового разрешение временно покинуть дом. В этот момент домовик дает советы семье, как сберечь себя в путешествии и вернуться невредимыми [5, с. 91]. Другой пример – выражение «Чур меня!», которое произносят при испуге. У древних славян чур был воплощением предков, часто ассоциировался и сливался с образом домового. Восклицая: «Чур меня!», люди просили о помощи и поддержке у божества.

Кроме того, Дедушка занимает видное место в сказках и детских мультфильмах, яркий пример тому – серия мультипликационных фильмов «Домовенок Кузя» (1984 г.), снятых по мотивам сказок Татьяны Александровой.

Рис. 3 Кадр из мультипликационного фильма «Домовенок Кузя»

Нельзя не отметить и еще одну современную тенденцию – в последнее время стали очень популярными домашние «обереги» в виде домовых: магниты, куклы, подвески, обычно сопровождающиеся пожеланиями счастья, богатства, любви и т. д.

Таким образом, домовик – яркий персонаж русской культуры. Его образ сложен и противоречив: в представлении русского народа он одновременно был и воплощением предка, которому поклонялись, и злым духом, который мог навредить человеку, препятствовать спокойному ведению хозяйства.

Далее рассмотрим образ хранителя дома, сформировавшийся за несколько тысячелетий в китайской культуре. Нельзя не согласиться с тем, что на протяжении развития китайской истории народ этой великой страны создавал, накапливал и передавал свои культурные достижения, жизненные устои, духовные ценности новым поколениям [11, с. 81]. Аналогом домового в китайской народной религии является Цзао-ван. Властитель Очага Цзао-ван (灶王, Zàowáng), или Бог очага Цзао-шэнь (灶神, Zàoshén), Повелитель очага Цзао-цзюнь (灶君, Zàojūn), Господин властитель очага Цзао-ванъе (灶王爷, Zào

wángyé), Властитель судьбы восточной кухни Дунчу сымин (东厨司命, Dōngchú sīmìng), и даже Бодхисатва Сымин (司命菩薩, Sīmíng púsà) – это все только часть имен бога домашнего очага, хранителя семейного богатства и благополучия [21, с. 13]. Рассматривая культ Цао-шэня с лингвистической точки зрения, необходимо отметить, что изначально в китайском языке слово «очаг» записывалось иероглифом, представляющим собой пещеру с сидящей в ней лягушкой [13, с. 679]. Это древнее значение сохранилось сквозь века в традиционном написании иероглифа «очаг» – 灶, но с изменением в виде добавления ключа «земля» (土, tǔ). Упрощенное же написание этого иероглифа (灶, Zào) представляет собой идеограмму из ключей «огонь» (火, huǒ) и «земля» (土, tǔ), что отображает сущность китайского очага – огня, разведенного на земле. Это отсылает к современному осмыслению Цао-вана как бога огня, а также к одному из традиционных вариантов его наименования – 南方火帝君 (Nánfāng huǒ dìjūn), т. е. Южный владыка огня [13, с. 679].

Известный китайский исследователь фольклора Лю Шоухуа отмечает, что существовали легенды, в которых божеством очага была старуха, а жертвоприношения очагу можно было рассматривать как «вознаграждение за жизнь и приготовление пищи». Ученый пишет: «Вполне резонно восхвалять заслуги древних женщин, но эти легенды не получили распространения» [26, с. 40].

Упоминания о Цао-ване можно встретить в древних классических источниках. Например, в главе 13 «Общие рассуждения» философского трактата «Хуайнань-цзы» (淮南子, Huáinán zǐ) периода династии Западная Хань (206 до н. э.–9 н. э.), созданного не позднее 139 г. до н. э., есть такие слова: «Император Янь-ди создал огонь, и когда он умер, он стал печью» [23]. Философ Кун Инда (孔穎達, 574–648), живший в период правления династий Суй и Тан, писал в своем комментарии к главе «Ритуальные сосуды» «Книги ритуалов» (礼记, Lǐjì): «Владыка Чжуань Сюй, сына у него звали Ли и он был Чжу Жуном и приносили ему жертвы как духу Очага» [24].

Существует множество версий происхождения Цао-вана. Согласно одной, им стал некий мужчина по фамилии Чжан, который жил за счет своей жены. Под Новый год супруга Чжана отправила его к своим родителям, чтобы тот взял у них рис. Отец и мать девушки очень жалели свою дочь и поэтому положили на дно мешка с рисом серебро. Ленивому Чжану не хотелось тащить домой такой тяжелый мешок, так что он отдал его незнакомцу. Узнав об этом, жена очень рассердилась на мужа и убила его. Но, поскольку это произошло в новогоднюю ночь, труп она временно закопала под очагом. Спустя время женщина начала сожалеть о своем поступке и повесила над очагом поминальную табличку с именем мужа, на которую стала молиться. Ее примеру последовали другие семьи, и так появился образ существа, связанного с очагом, который распространился по всему Китаю [13, с. 679–680].

По второй легенде, Цао-ван был небесным поваром у Нефритового императора. Однажды Небесный император решил устроить праздник и приказал Цао-шэню приготовить искусные блюда для пира, а на десерт подать хризантемовые пирожные – любимое угощение правителя. Цао-ван подал к столу очень вкусные яства, и когда дошла очередь до десерта, то Цао-шэнь решил сам его попробовать. Повар так увлекся, что не заметил, как съел все пирожные. Ему пришлось признаться гостям в содеянном, и Нефритовый император решил наказать Цао-цзюня, изгнав его с Небес к людям. Цао-ван должен был обитать теперь на человеческой кухне, следить за семьями и их поведением. Однако император очень любил хризантемовые пирожные, поэтому он

повелел Цзао-вану раз в год, 23 числа последнего месяца по лунному календарю, возвращаться на Небо, докладывать о делах людей, а за одно и радовать правителя десертом. Так в Китае появился бог очага [\[14, с. 19-21\]](#).

Существует еще одна история о появлении Цзао-вана. Давным-давно жил очень жадный император, который ел везде, куда бы ни пошел. Однажды он забрел в деревню и встретил там красивую девушку, у которой была корзинка с финиковым пирогом. Хотя император много чего ел в своей жизни, такого лакомства он не пробовал. Он приказал девушке отдать ему пирог, и девушка повиновалась. Императору очень понравился финиковый пирог, и он решил забрать себе искусницу, чтобы та каждый день готовила ему сладости. Он попытался схватить девушку за руку, а та обхитрила его и закинула императора на печку. Император, как ни пытался, не смог слезть с печки: он был слишком толстым. Произошло все это в 23 день 12 лунного месяца. И так и остался император на печи, став ее покровителем. Сам он не может больше есть никакие кушанья и только вынужден наблюдать, как едят другие [\[27\]](#).

Наконец, есть и такая версия о возникновении Бога очага: духи не могли уследить за поступками людей и обратились к Нефритовому императору с просьбой о помощи. Тогда государь назначил святого Чжан Чжаня с горы Куньлунь Цзао-ваном. По велению небесного владыки Чжан превратился в пять домашних божеств, которые, в свою очередь, превратились в десять тысяч Цзао-ванов и начали наблюдать за всеми семьями Китая [\[13, с. 679-680\]](#).

Китайский исследователь Гуань Сяоин, опираясь на фольклор, приводит такую легенду: говорят, что все боги Очага – блуждающие призраки, которые погибли в битве между чжоуским У-ваном и шанским правителем Чжоу-ваном, но не были канонизированы в списке богов Цзян Цзыя [\[1\]](#). Цзян Цзыя беспокоился, что они будут возмущаться и делать плохие вещи, поэтому он назвал этих солдат, погибших в бою, кухонными богами. Так он не только мог не допустить их бесцельного шатания и провоцирования неприятностей, но и заставил их управлять каждым домом в мире [\[22, с. 289\]](#).

Такое количество легенд служит доказательством того, что Цзао-вана любят и почитают в народе.

В китайской культуре Цзао-ван выполнял множество функций. Самая главная из них была связана с огнем. Цзао-цзюнь готовил пищу на огне, поднимал дым и помогал ему дойти до небес во время проведения ритуалов [\[18, с. 135\]](#).

Вторая задача Царя очага – следить за делами семьи и сообщать о них Нефритовому императору. Еще Гэ Хун в своем трактате «Баопу-цзы» («Мудрец, объемлющий первозданность») писал: «В ночь последнего дня каждого месяца Цзао-шэнь также поднимается на небо, чтобы рассказать о дурных деяниях людей» [\[1, с. 103\]](#). Однако более важным, согласно верованиям, считался 23-й день последнего месяца года по лунному календарю, когда Цзао-ван садился на своего коня и отправлялся на небеса уже с ежегодным докладом. Небесные чиновники считали хорошие и плохие дела членов семьи, за благие поступки людям ниспосыпалось вознаграждение, за нечестивые – наказание. Через неделю, в 1-й день Нового года, Цзао-шэнь возвращался в дом, принося с собой счастье или кару. В связи с этим в Китае практиковались обычай провожания и «задабривания» бога очага. Для него выставлялись подношения: чай, вода, овощи и прежде всего сладости – чтобы «склеить» рот божества и не позволить ему рассказать Нефритовому императору о провинностях домочадцев [\[18, с. 125\]](#). В знак

почитания бога изготавливались специальные иконки с изображением Цзао-вана – чжима (纸马, zhǐmǎ), которые вывешивались на кухне и в конце года сжигались, что сопровождалось молитвами и просьбами принести семье благополучие и богатство. В российском собрании ГМИР хранится няньхуа с изображением момента проводов Цзао-вана и его супруги на небо, на ней бумажная иконка-чжима с изображением Бога очага сжигается перед алтарем вместе сложенными в таз бумажными деньгами [2, с. 131].

Рис. 4 Няньхуа с изображением момента проводов божества домашнего очага Цзао-вана и его супруги на небо из собрания ГМИР (Д-3338- VII)

Поклонение Цао-вану позже вошло в даосизм, появились посвященные ему даосские писания, такие как «Канон Высочайшего достопочтенного из Пещеры реализованного об умиротворении Цзао-цзюня» (太上洞真安灶君, Tàishàng dìngzhēn ān Zàojūn), «Канон Высочайшего достопочтенного управителя небесного пространства о благодарности Цзао-вану» (太上灵空补谢灶王经, Tàishàng língkōng bǔxiè Zàowáng jīng)». В эпохи Тан (618-907) и Сун (960-1279) они были включены в «Даосский канон» (道经). Кроме того, «Сутра о Цзао-цзюне» (灶君宝卷, Zàojūn bǎojuǎn), в которой приводится двенадцать заповедей Цзао-цзюня [16, с. 294], приобрела большую популярность среди последователей. Народное почитание Цзао-вана имеет долгую историю, ему поклонялись тысячи семей, после укрепления в даосизме, он стал еще более популярным.

Как хранитель семьи, Цзао-ван также выполнял апотропейические функции – лубок с его изображением был призван отгонять злых духов, но и в целом защитные функции – при приготовлении пищи люди разводили огонь в печи. Это могло представлять определенную опасность, поэтому китайцы считали Цзао-вана богом предотвращения пожаров [22, с. 289].

Для земледельцев Цзао-цзюнь был и духом земли, поскольку его день рождения приходился на месяц чоу (丑, chǒu) – 12-й месяц по лунному календарю, который в системе фэншуй совпадал с элементом «земля» [18, с. 135]. Это дополнялось и тем, что с возвращением на землю царь очага приносил с собой весну, т. е. возрождение природы.

Культ Цзао-вана нашел свое место в народных картинах няньхуа, которые висят во всех домах Китая и являются распространенным новогодним подарком. Именно няньхуа дают представления о внешности Цзао-вана. На новогодних картинах бог предстает в виде

старца, одетого в чиновничий костюм. Лицо его выражает спокойствие и мудрость. На няньхуа хранитель очага нередко изображается со своей супругой Цзао-ван найнай (灶王奶奶, Zàowáng nǎinai), свитой помощников и неизменными атрибутами, такими как скипетр гуй (圭, guī), курильницы, драгоценности, книга с записями о хороших и плохих делах, символы богатства: пионы, денежное дерево яоцяньшю (摇钱树, yáoqiánshù), слитки золота и серебра и т.д.

Данные картины носили интимный, т. е. семейный характер, о чем свидетельствовало присутствие на них петуха – символа домашнего хозяйства, собаки – сторожа дома, таких сцен, как разведение женщинами огня, изготовление лапши и лепка традиционного новогоднего блюда – пельменей [18, с. 133].

Помимо супруги, атрибутов благосостояния и достатка, на картинах няньхуа народные художники часто изображали перед Цзао-цзюнем ритуальный столик, с курильницами для благовоний, жертвенные продуктами и другие подношениями. Такие изображения, вероятно, заменяли ежедневные жертвоприношения в повседневной жизни и в то же время выражали поклонение людей кухонному богу. Дополнительно важность и глубокое почитание Цзао-вана выражалось в симметричном размещении вокруг центральной фигуры божества изображений множества маленьких фигурок, смотрящих на него [25, с. 139].

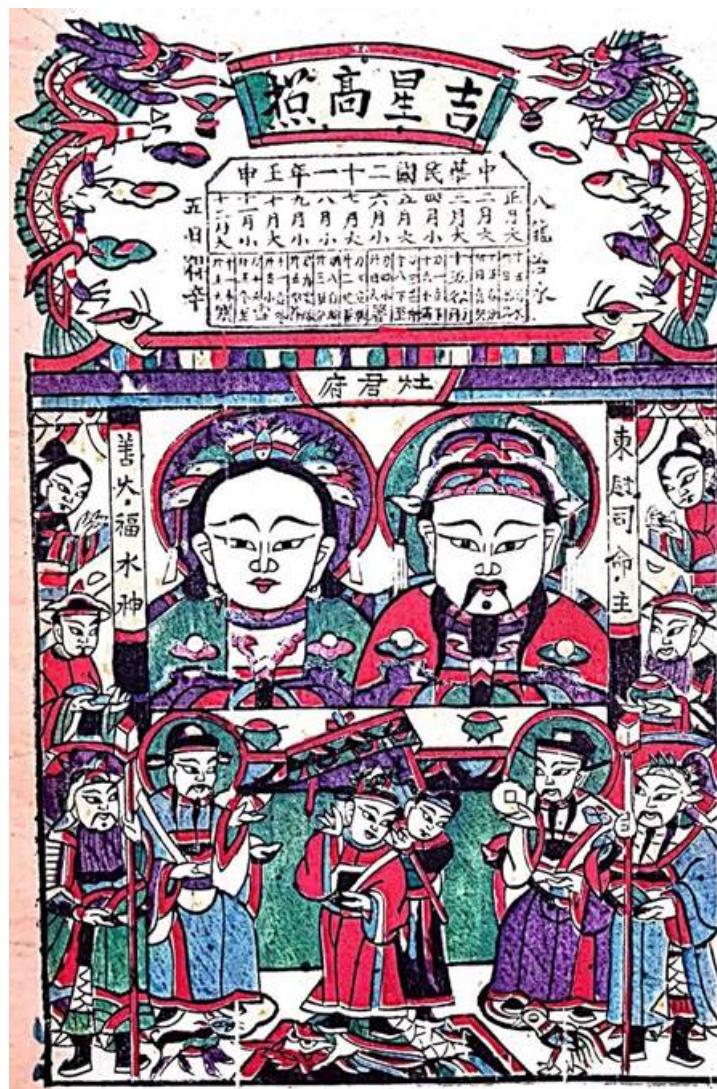

Рис. 5 Икона-чжима с изображением Цзао-вана и его свиты

И в настоящее время кульп Цзао-цзюня распространен в Китае. Он почитается в качестве бога-покровителя поваров и официантов [13, с. 679]. Жертвы Цзао-вану по большей части приносят в деревнях Китая, тогда как в больших городах это более затруднительно, прежде всего ввиду отсутствия очага в доме. Тем не менее, некоторые жители мегаполисов продолжают верить в бога кухни и вешают его изображение над газовой плитой.

Кроме того, китайцы отмечают важный праздник, связанный с Цзао-ваном – Малый Новый год, или Сяо Нянь (小年, xiǎonián), который приходится на 23 число 12 лунного месяца. В течение Малого Нового года в Китае готовятся к Празднику Весны. Первым делом семьи наводят порядок в доме: «выметают» старое, чистят двери, окна, мебель, поскольку считается, что в последний лунный месяц года духи и привидения раздумывают, стоит ли им уходить на Небеса или остаться на Земле. Чтобы убедить духов уйти в свой мир, люди наводят порядок в своих жилищах. Период празднования Нового года в Китае сопровождается закрытием магазинов, поэтому второе дело в Сяо Нянь – закупка про запас продуктов, а также красных конвертов, икон с изображением Цзао-вана и его лошади, курительных палочек, календарей, детских игрушек и одежды, фейерверков. И наконец, семьи готовят праздничные блюда (т. к. приготовление пищи в течение Нового года традиционно не поощрялось), такие как мясо, кровяную колбасу, рисовые лепешки и т. п. [19].

Таким образом, китайцы уже не так преданно почитают хранителя очага, но отголоски его культа до сих пор слышны в распространенных традициях и обычаях.

Перейдем к сравнению двух культов. Очевидно, что домовой и Цзао-ван – разные по своей сути божества, однако они обладают очень схожими качествами. Прежде всего стоит отметить связь обоих духов с таким земноводным, как лягушка. Как упоминалось выше, в древней форме иероглифа «очаг» присутствовала лягушка. О причине использования данного животного для записи слова рассуждал А. М. Решетов в работе «Цзао-ван – китайский бог очага». Ученый отмечал, что лягушка в представлении и жизни китайцев играла важную роль, в частности, при постройке жилья. Руководствуясь правилами фэншуй, китайцы обращали особое внимание на влажность места для дома, для их жилища была характерна сырость – среда, пригодная для обитания лягушек. Аналогичное требование было и у славянских народов: при выборе места для строительства дома проводилось гадание с использованием бараньей шерсти. Если шерсть за ночь сырела – то место признавалось подходящим [12, с. 233–234]. Отсюда одно из обличий у домовика – лягушка – не случайность и не очередное дополнение к другим его формам внешности, но следствие влияния среды на мировоззренческие представления. Здесь делаем вывод, что лягушка в русском и китайском культурных процессах играет далеко не последнюю роль: у этих двух совершенно разных народов она на подсознательном уровне ассоциировалась с домом и очагом.

Сравнивая легенды о происхождении покровителей очага, мы видим, что историй о возникновении Цзао-ване гораздо больше, чем историй о домовом. Неизвестно, каким образом у славян предок семьи превращался в домовика, этот факт, по-видимому, принимался как данность. Существующие версии о его появлении так или иначе связаны с христианской религией: либо Бог прогнал злых духов на землю, и они стали домовыми, либо домовым становился «правильный» с точки зрения христианства покойник, либо же наоборот, «неправильный» умерший. Вероятно, до принятия славянами христианства, существовали и иные истории, но они не дошли до наших дней, поскольку славяне-язычники не имели письма, а христианство подавляло древние русские верования и

стремилось заменить их своей мифологией. В китайской же культуре Цзао-ван – один из центральных героев сказок, очень популярное божество, о чем свидетельствует разнообразие историй о нем.

Если говорить о половой принадлежности домашнего духа, то сравнивая русскую и китайскую культуру, можно увидеть, что в основном это мужчина, хотя в качестве домашнего покровителя мог выступать и персонаж женского пола. Заслуживает внимания, еще один схожий факт – и Домовой, и Цзао-ван представляются людьми семейными, у них есть супруги, но мифология уделяет им мало внимания.

Интересно наблюдать за сходствами и различиями наименований домового и Цзао-цзюня. Название домового прежде всего связано со словом «дом». Также известны и другие его имена: голбешник^[2], запечник; хозяин, избеной большак, Дедушка, дедушко-браток, братанушко, кормилец; лихой, жировой черт, другая половина и т. д. [\[6, c. 121\]](#). В целом наименования домовика можно разделить на следующие группы: 1) связанные с местом жительства домового; 2) отражающие понимание домового как старшего родственника; 3) отождествляющие домового с нечистой силой. Что касается названий Цзао-вана, то они подчеркивают либо его божественную сущность (*шэнь* в переводе с китайского языка означает «бог»), либо его статус хозяина кухни (*ван* – князь, *цзюнь* – государь, *дицзюнь* – владыка). Китайцы также часто нарекают покровителя очага Цзао-ваном *е* (灶王爷, *Zàowáng yé*). Здесь видим, что и у русского, и у китайского народа есть общее представление о хранителе очага как о старшем, мудром предке.

Если говорить о внешности русского и китайского домашних божеств, то нельзя не отметить их общую черту – возраст. И домовой, и Цзао-ван отождествлялись с пожилыми людьми. У многих народов мира старость является признаком мудрости, именно поэтому русский и китайский хранители очага были стариками: они накопили большой жизненный опыт и передавали его семьям. Тем не менее, во внешнем облике духов есть много различий. Прежде всего, Дедушке приписывались звериные черты, что указывало на его демоническое происхождение, в то время как лик Цзао-цзюня совпадал с обликом человека. Не одинаков был и костюм покровителей дома. Помимо того, что наряды домовика и Цзао-вана не совпадали ввиду культурных особенностей – у русского и китайского народа были разные костюмы, китайское божество отличается от славянского еще и тем, что Цзао-ван носил именно чиновничий, а не домашний костюм или простонародную одежду, что отсылает к его роли докладчика о делах семьи перед Нефритовым императором.

Далее сравним функции Дедушки и Цзао-шэня, их роли в ведении хозяйства. Оба бога одновременно и помощники, и исполнители наказаний. И домовой, и Цзао-ван при должном уважении и почитании поддерживают порядок в доме, в частности, занимаются работой на кухне; они охраняют домочадцев от неприятностей и злых сил. Однако сфера работы у Дедушки шире, чем у Цзао-вана: помимо вышеперечисленных дел, он также ухаживает за скотом и предсказывает будущее.

За непочтительное отношение к себе оба домашних духа наказывают семьи, но здесь их методы расходятся. Домовик самостоятельно высказывает свое недовольство, начиная бить посуду, мешать работе, пугать домочадцев. Цзао-цзюнь же не сам назначает наказание, а является в данном случае посредником: Цзао-ван рассказывает о плохом поведении людей высшей инстанции – Нефритовому императору, который уже сам определяет взыскание с семьи. Здесь становится ясно, что, если домовой подобен члену

семьи, старшему, мудрому предку (каким он, согласно мифам, и является по своему происхождению), то Цзао-ван скорее чиновник, следящий за своими подчиненными.

Схожие черты можно увидеть и в ритуалах почитания обоих божеств – люди старались задобрить своих хранителей очагов. И Цзао-шэню, и Дедушке преподносились угощения, но стоит обратить внимание, что если Цзао-цзюня китайцы пытались «по-доброму» убедить говорить о них только хорошее, то в случае неповиновения домовика русские запугивали его с помощью животных или ритуальных жестов. Это показывает, что домовой в представлении славян был скорее нечистой силой, которую при определенных ситуациях нужно было «укротить», тогда как китайцы к своему божеству относились с гораздо большим почтением.

При изучении двух культов можно заметить, что и в Китае, и в России существуют праздники поклонения домашним божествам. Однако, если в Китае Малый Новый год был и является повсеместным праздником, то нечастое упоминание именин домового свидетельствует о том, что данный праздник был лишь относительно распространен среди русского населения. Предполагаем, что причина тому – совпадение праздника домовика с православным праздником почитания Ефрема Сирина, который смог вытеснить языческую церемонию.

Наконец, отметим образ, который сопровождает и Дедушку, и Цзао-вана – лошадь. В представлении русского народа конь имел солярную природу: с рассветом он поднимался на небо и бежал по нему, освещая мир, ночью же он спускался вниз, уходя в подземный мир мертвых. Это наделяет коня двойственной природой: с одной стороны, конь – солнце, освобождающее мир от тьмы и прогоняющее темные силы. По этой причине славяне изготавливали многочисленные обереги в виде коня, украшали свои дома конской символикой и т. д. С другой стороны, конь путешествует в загробном мире, а значит является проводником в таинственный мир мертвых. Исходя из этой идеи, русские приносили коня в жертву в обрядах, связанных с поклонением своим предкам. Также отсюда вытекает еще одна способность коня – ведать судьбу человека, ведь он, общаясь с потусторонним миром, получал доступ к знаниям, не известным людям. Поэтому существовали разнообразные гадания с привлечением лошадей, например гадание на суженого [9, с. 54–55]. Неудивительно, что именно к коню домовик испытывал особую симпатию: это животное, как и Дедушка, являлось связующим между семьей и ее предками, защищало домочадцев от нечисти, обладало даром прорицания.

Что касается китайской традиции, то представления о лошади схожи с идеями русского народа. В мифологии китайцев существовал особый образ лошади – лошадь-дракон лунма (龙马, lóngmǎ), которая тащила по небу солнце. Также конь в Китае ассоциировался с ян (阳, yáng) – светлым, легким, мужским началом. Отсюда следует и тот факт, что лошадь являлась благим знанием, поэтому в честь лошадей в древнем Китае совершали жертвоприношения. Но лошадь в сознании китайцев была не только божественным созданием, которому приносили жертвы, порой она сама становилась жертвой при совершении разнообразных обрядов. Так, археологические раскопки свидетельствуют, что коней приносили в жертвы в ритуалах поклонения предкам, также лошадь часто хоронили вместе с умершим, чтобы она служила ему и после смерти. В таком случае лошадь являлась посредником между Небом и Землей [20, с. 129–131]. Роль посредника делала лошадь лучшим видом транспорта для Цзао-вана, когда он совершал свое путешествие к Нефритовому императору. И тот факт, что китайские семьи преподносили дары не только Богу очага, но и его коню: выставляли перед ним блюдца с водой и сеном, клали красный шнурок – узду [8, с. 116], подчеркивает божественное

начало лошади в китайском мировоззрении. Лошадь всегда сопровождала Цзао-цзюня, поскольку она так же олицетворяла благополучие, играла важную роль в культе предков.

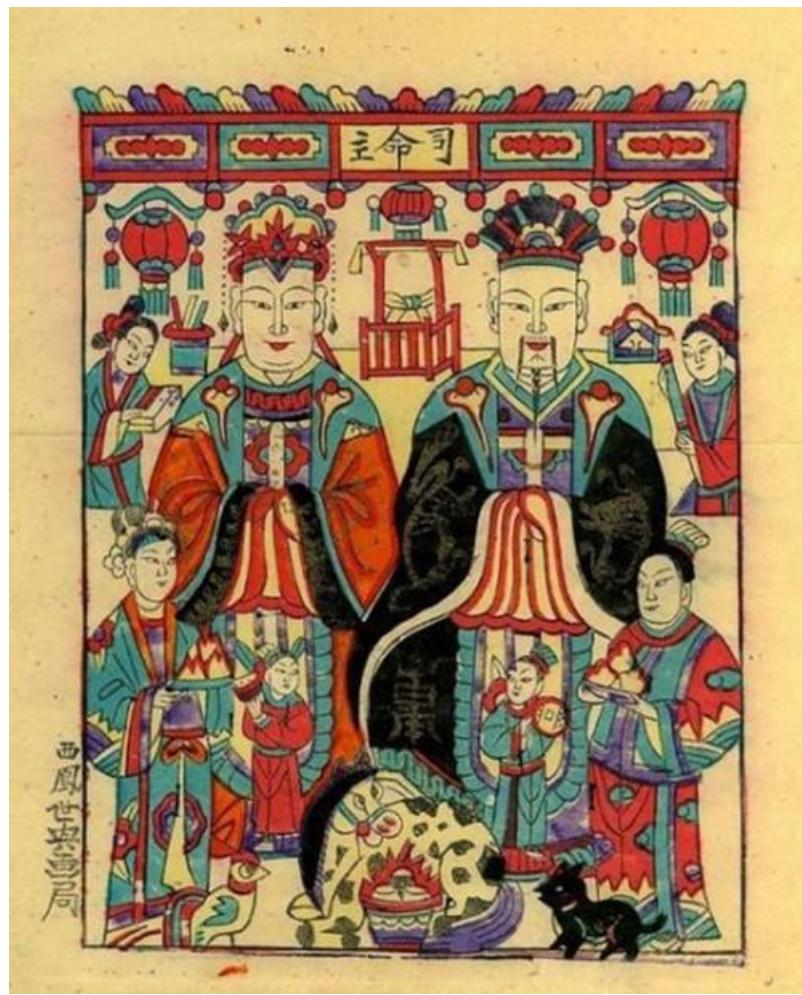

Рис. 6 Икона-чжима с изображением Цзао-вана, его супруги, свиты и верной лошадки

Таким образом, в результате исследования мы выявили, что образы хранителя очага в русской и китайской традиции имеют как сходства, так и различия. Схожие черты домашних духов обусловлены общемировыми культурными процессами, различия же их определяются мировоззренческими и другими особенностями регионов. Несмотря на современные тенденции к отторжению старых верований, память и о домовом, и о Цзао-ване сохраняется в сознании русского и китайского народа, и еще долгое время будет играть важную роль в их культурном пространстве.

[\[11\]](#) Цзян Цзыя́ (姜子牙, Jiāng Zǐyá, ок. XII–XI вв. до н. э., годы жизни неизвестны) — военный советник Чжоуского Вэнь-вана, генерал его сына, У-вана, и основоположник царства Ци (удельного княжества Чжоу).

[\[12\]](#) Голбец — род примоста, загородки, чулана или казенки в крестьянской избе, между печью и полатями.

Библиография

1. Гэ Хун. Баопу-цзы. / Пер. с китайского, comment., предисл. Е. А. Торчинова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 384 с.
2. Завидовская Е. А., Рудь П. В. Происхождение, религиозные функции китайской бумажной иконы «чжима» и ее коллекции в МАЭ РАН // Этнография. 2022. №3 (17).

- C. 121-148.
3. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справочник. М.: Флинта, 2011. 293 с.
 4. Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: М. В. Клюкин, 1901. XII, 723 с.
 5. Коршунков В. А. Дорожная традиция в России: поверья, обычаи, обряды. М.: Форум, 2015. 239 с.
 6. Левкиевская Е. Е. Домовой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2: Д (Давать) — К (Крошки). М.: Межд. отношения, 1999. С. 120-124.
 7. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М.: Астрель: АСТ, 2000. 526 с.
 8. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / [Послесл. Н. В. Ушакова]. – СПб. : Изд-во ТОО «Полисет», 1994. 446 с.
 9. Морозова Т. П. Конь-солнце в славянской языческой мифологии // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 53-64.
 10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азъ, 1995. 907 с.
 11. Попова А. В., Лопаткина Т.С. Китайские традиционные игры: понятие, происхождение и культурное значение // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 50. С. 79-86.
 12. Решетов А. М. Цзао-ван – китайский бог очага // Миры, культуры, обряды народов зарубежной Азии; [отв. ред. Н. Л. Жуковская]. М.: Наука, 1986. С. 230–249.
 13. Рифтин Б. Л. Цзао-ван. // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. – [Т. 2] Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2007. С. 679-680.
 14. С китайской сказкой круглый год / Лит. пересказ И. В. Захаровой; Пер. с кит. В. Ю. Захарова. М.: Лингва-Ф, 2019. 233 с.
 15. Славянский и балканский фольклор: Нар. демонология / [Редкол. : С. М. Толстая (отв. ред.) и др.]. М.: Индрик, 2000. 398 с.
 16. Стулова Э. С. Анnotated описание сочинений жанра баоцзюань в собрании ЛО ИВ АН СССР // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1976-1977. М.: Издательство «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1984. С. 271-312.
 17. Харитонова А. В Калининграде епископ РПЦ пожаловался властям на фигурки домовых. – Текст : электронный // Life : официальный сайт. 26 марта 2019. URL: <https://life.ru/p/1203588> (дата обращения: 02.04.2023).
 18. Хижняк О. С. и др. К вопросу об источниках изучения культа китайского бога очага Цзао-вана (По материалам коллекции В. М. Алексеева из собрания ГМИР) // Труды Государственного музея истории религии. 2017. № 17. С. 115-144.
 19. Little New Year. // China Internet Information Center. 2009. URL: http://www.china.org.cn/living_in_china/spring-festival-2009/2009-01/07/content_17070623.htm (дата обращения: 04.04.2023).
 20. Wan Xiang. The Horse in Pre-Imperial China : Dissertation in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in East Asian Languages and Civilizations. – University of Pennsylvania, 2013. 265 p.
 21. 段彤彤. 吴语区《灶王宝卷》研究 / 段彤彤. 中国古典文献学学科专业硕士学位论文. 山西大学, 2020. 70 页.

22. 管笑盈. 祭灶王习俗的当代社会价值探究 // 科教导刊 (电子版). 2019 年. 第 06 期/ 2 月 (下). 289 页 (供1页).
23. 淮南子·卷十三汜论训 / (西汉) 刘安撰// 国学网 URL:
<http://www.guoxue.com/book/huainanzi/0013.htm> (дата обращения: 21.05.2023)
24. 礼记正义·卷二十三·礼器第十/ (汉)·郑玄注, (唐)·孔颖达疏 // 国学导航. URL:
<http://www.guoxue123.com/jinbu/ssj/lj/023.htm> (дата обращения: 21.05.2023)
25. 刘少牛. 试论灶王图像的内涵 □ 以潍县年画中的灶王图像位列 // 装饰. 2008年. 04期 (总第180期). 139-141页.
26. 刘守华. 论土地爷和灶王的民间传说 // 湖北师范学院学报 (哲社版). 1991年. 第2期. 36-44页.
27. 小年的故事 / 南司. 北京 : 中信出版社, 2019. 21 页.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Р. Киплинг как-то заметил: «Запад есть Запад. Восток есть Восток. И с мест они не сойдут». Эти строчки к месту и не к месту регулярно приводят политологи, социологи, философы, культурологи, публицисты, одним словом многочисленные аналитики и наблюдатели. Но при всем различии культур и цивилизаций между Востоком и Западом есть и сдобные черты: это прослеживается и в фольклоре, и в понимании различных традиционных ценностей, таких как семья и родной дом. В этой связи вызывает интерес изучение различных аспектов культуры Запада и Востока.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является образ хранителя очага в русской и китайской мифологической традиции. Автор ставит своими задачами представить образ русского и китайского хранителей очага – домового и Цзао-вана соответственно, проанализировать современное состояние этих двух культов, осуществить сопоставительный анализ образов домашних духов на основе нескольких критерий.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В работе автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать общие черты в русском и китайском осмыслении дома и их патронов. Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность. Всего список литературы включает в себя 27 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на китайском языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором трудов отметим работы Е.Е. Левкиевской, Т.П. Морозовой, В. Поповой, Т.С. Лопаткиной и других авторов, в центре внимания которых русская и китайская мифология. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач,

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как российско-китайскими отношениями, в целом, так и традициями и

мифами двух стран, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «одним из общих персонажей мифологии славян и китайцев является хранитель очага, который в русской традиции именуется домовым, а в китайской – Цзао-ваном. Примечательно, что автор отмечает «связь обоих духов с таким земноводным, как лягушка». Помимо прочего, «домовой, и Цзао-ван отождествлялись с пожилыми людьми», то есть еще одной сходной чертой был возраст. Можно только согласится с автором, который считает, что общие «черты домашних духов обусловлены общемировыми культурными процессами, различия же их определяются мировоззренческими и другими особенностями регионов».

Главным выводом статьи является то, что «память и о домовом, и о Цзао-ване сохраняется в сознании русского и китайского народа, и еще долгое время будет играть важную роль в их культурном пространстве».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, снабжена 6 рисунками, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории культуры, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: Historical research

Правильная ссылка на статью:

Awah J. — The Cameroonian - Russian Relation: Main Directions and Priorities (1960-2022). // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.5.40777 EDN: ORPZEI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40777

The Cameroonian - Russian Relation: Main Directions and Priorities (1960-2022). / Камерунско-российские отношения: Основные направления и приоритеты (1960-2022)

Ауа Джеремай Акуро

ORCID: 0000-0002-8085-0894

аспирант, кафедра Теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 15, кв. 14

✉ acuro96@gmail.com

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены!"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.5.40777

EDN:

ORPZEI

Дата направления статьи в редакцию:

18-05-2023

Аннотация: В данной статье рассматриваются основные направления и приоритеты камеруно-российских отношений с 1960 по 2022 год. В последние годы Россия стремится расширить свое присутствие в Африке, и Камерун стал одним из ключевых партнеров в этом регионе. В статье анализируется исторический фон отношений, включая ключевые события и вехи, которые формировали это партнерство с течением времени. Также рассматриваются политические, экономические и культурные аспекты отношений, выделяются основные области сотрудничества и проблемы, с которыми сталкиваются обе страны. В заключении статьи обсуждаются будущие перспективы российско-камерунских отношений. Исторические основы отношений сыграли ключевую роль в успехе этого партнерства, и обе страны продемонстрировали стремление к укреплению сотрудничества. Однако отношения сталкиваются с рядом проблем, включая отсутствие прямого авиасообщения и ограниченное знание русского языка и культуры в Камеруне. Камерун, являясь нетто-импортером, должен изучить российский рынок, чтобы увеличить свой экспорт для обеспечения торгового баланса. В перспективе камерунско-российские отношения, вероятно, продолжат развиваться, и обе страны будут

стремиться к расширению сотрудничества и углублению партнерства в ближайшие годы, поскольку они обе имеют одинаковые идеологические и моральные ценности.

Ключевые слова:

Камеруно-российские отношения, Внешняя политика, Двусторонняя торговля, культурные обмены, Советский Союз, Постсоветский период, военное сотрудничество, Дипломатия, соглашения, развитие образования

Theoretical Framework.

This paper is based on the theoretical framework of international relations, which seeks to understand the interactions between states and their impact on the global system. The study of international relations involves analyzing the political, economic, and cultural dimensions of state relationships and the factors that shape them. In this paper, we apply this theoretical framework to the Cameroonian-Russian relation, examining the main directions and priorities of this partnership and the challenges faced by both countries.

Introduction.

The Cameroonian-Russian relationship dates back to the early 1960s when Cameroon gained independence from France. Since then, the two countries have maintained a close partnership, with cooperation in various fields such as politics, economics, military and culture. This partnership has gone through different phases, including the Soviet era, the post-Soviet period, and the current period of Russia's increased engagement with Africa.

The policy of Cameroon in Russia can be seen as a continuation of a historical legitimacy based on USSR involvement in the decolonization of various African countries, and the promotion of principles such as peace, democracy, and neutrality as the basis of partnership with Cameroon. Despite being geographically and culturally different, Russia and Cameroon share some common aspects in their foreign policy priorities, such as opposing hegemony and advocating global and regional security. Both countries believe that international conflicts should be resolved through dialogue based on trust, mutual benefit, equality, and cooperation, with the guiding principles being the primacy of international law, equality, and the independence of states^[1]. Cameroon's policy towards Europe is based on two main poles: the liberal western pole centered around France, and the Soviet-Russian one centered around Russia as the heir of the USSR. Cameroon, which gained independence during the military-ideological confrontation that divided Europe into two opposing blocs, pursued a policy of non-alignment and sought to establish diplomatic bridges between the two communist and liberal worlds.^[2]

The historical background of the Cameroonian-Russian relation

The Cameroonian-Russian relationship started in 1960 when Cameroon gained independence from France. The Soviet Union recognized Cameroon's independence and established diplomatic relations with the country on February 20, 1964. During the Soviet era, the two countries maintained a close partnership, with cooperation in various fields such as education, health, and infrastructure.

After the collapse of the Soviet Union, the Cameroonian-Russian relation went through a period of uncertainty. However, in recent years, Russia has increased its engagement with

Africa, including Cameroon. Bilateral cooperation has been revitalized, with the recognition of the Russian Federation as the successor country to the former USSR on 14 January 1992^[3]. Moscow and Yaoundé have defined bilateral cooperation as a priority, with a Memorandum of Understanding signed in January 2011 between the Ministry of Foreign Affairs of Cameroon and the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation to organize political consultations. Both countries are now cooperating in various fields, and their relationship is developing.

Political and diplomatic dimension of the Cameroonian-Russian relation

The Cameroonian-Russian relation has a strong political dimension, with both countries collaborating on various issues of mutual interest. The establishment of diplomatic relations between Cameroon and Russia occurred following Cameroon's attainment of international sovereignty. The year 1964 holds significant importance in this regard. From this date until 2022, the two countries will intensify exchanges of Ambassadors, as evidenced by those currently in positions, namely: HE Anatoly Gennadievitch Bashkin, eleventh Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation in Yaoundé, appointed in 2017 and, HE Mahamat Paba Sale, Eleventh Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Cameroon in Moscow since 2008^[4].

Relations between Russia and Cameroon have witnessed several diplomatic visits in Moscow and in Cameroon. The major ones include the visit in Yaoundé of His Excellency Mr. Alexandre Makarenko, Ambassador and Director of the Africa Department at the Russian Ministry of Foreign Affairs, in April 2007 as part of the 6th session of political consultations between the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and the Ministry of Foreign Affairs of Cameroon. Similarly, in August 2007, Victor Vassilev, Deputy Director of the Department of International Organizations of the Russian Ministry of Foreign Affairs, visited Yaoundé for Partial Consultations between the two countries. These visits were productive.^[5] In February 2013, talks took place in Moscow involving S. Lavrov, the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, and P.M. Mbonjo, the Minister of External Relations of Cameroon.^[6]

In June 2014, a meeting was held in Yaounde which involved the Special Representative of the President of the Russian Federation for the Middle East, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation, M.L. Bogdanov, who was also received by the Prime Minister of the Republic of Cameroon P. Yang. On October 16, 2017, further discussions were held in Moscow between M. Bogdanov and J. D.Ngute, the Minister Delegate to the Minister of External Relations of the Republic of Cameroon, responsible for relations with the Commonwealth.^[7]

In general, the political and diplomatic interactions between Russia and Cameroon have been successful since the inception of their relationship. This is evidenced by the presence of diplomatic missions in both Yaoundé and Moscow, as well as the continuation of diplomatic relations at the Ambassadorial level.

Economic and commercial dimension

The economic dimension of the Cameroonian-Russian relation has been characterized by cooperation in various fields, including energy, mining, and agriculture. In recent years, Russia has shown interest in investing in Cameroon's energy sector, particularly in the construction of a nuclear power plant.

The attraction of post-bipolar isolationism in Russia, which was acknowledged by Cameroon a year later in 1992, had significant negative effects on their relationship. This hindered their ability to maintain good economic and commercial relations. There were two primary reasons for the deterioration of the Russian-African relationship: the significant reduction of investments and the termination of Russian aid programs in Africa.^[8]

The return of Russia to Africa has been marked by many economic cooperation with Sub-Saharan African states. Numerous Russian mining companies are leading the way in Africa. For instance, Alrosa Company, which is among the biggest international diamond producers, operates in multiple mines in Angola. In April 2019, the Russian company signed a memorandum of understanding with the Angolan government to expand its operations and conduct new joint explorations with British companies in Botswana and Zimbabwe to discover additional diamond deposits.^[9] The Russian company Lukoil is one of the most beneficiaries of Moscow's expansion into Africa. This oil and gas group also operates in Cameroon. In 2019, a delegation of Russian oil operator Lukoil's executives was received by the Cameroonian Minister of Water and Energy Gaston Eloundou Essomba to discuss about the reconstruction of the national refining company Sonara.^[10]

In trade relations with Russia, Cameroon is a net importer according to a report published by the Cameroon's National Institute of Statistics (INS).^[11] Cameroon's primary imports from Russia are wheat, which constitutes 65% of the country's total imports. According to INS, Russia is the leading supplier of wheat to Cameroon. Fertilizers make up 17% of Cameroon's imports from Russia, with Russia being the leading supplier of fertilizers with a 43% market share, compared to China's 11%. Hydrocarbons account for 8% of imports, while iron, cast iron, and steel products make up 4%. Russia's highly active trade with Cameroon has established it as the 8th largest supplier to Cameroon in 2020, with 3% of the market share. Other major suppliers include China (17.5%), France (8.5%), Belgium (5.6%), India (5%), and the United States (4.4%).^[12]

Technical and military dimension

The military cooperation between Russia and Cameroon is multifaceted. It includes the training of Cameroonian military personnel in Russian military academies, the supply of Russian military equipment and weapons to Cameroon, and joint military exercises.

An agreement pertaining to military cooperation between Russia and Cameroon was signed in 2015 under their bilateral framework. Under the agreement, both parties agreed to exchange opinions and information regarding defense policies and international security. They also committed to developing their relationship through joint training, medicine, topography, and military hydrography. Additionally, they agreed to share experiences and collaborate in peace support operations under the United Nations' supervision.^[13]

Russia is one of Cameroon's primary suppliers of military equipment and weapons. In 2019, Cameroon signed a contract with Russian Rosoboronexport for the supply of twelve Mi-17 helicopters, which are used for troop transport and medical evacuation. Russia has also supplied Cameroon with T-72 and T-90 tanks and BMP-1 and BMP-2 infantry fighting vehicles. This can be justified by the need of Cameroon to overcome attacks from the terrorist group, Boko Haram.^[14]

Training of Cameroonian military personnel is a significant component of military cooperation between Russia and Cameroon. The Russian government provides scholarships

to Cameroonian military officers to study in Russian military academies. Cameroonian officers have been trained in various fields, including engineering, aviation, and military medicine.[\[15\]](#)

Joint military exercises between Russia and Cameroon have been held regularly. In 2016, joint military exercises were held in Cameroon, which involved Russian and Cameroonian special forces. The exercises focused on counterterrorism operations and the rescue of hostages.[\[16\]](#)

Scientific and cultural dimension

The Cameroonian-Russian relation has a strong cultural dimension, with both countries collaborating on various cultural projects. In the 1960s and 1970s, the Soviet Union provided aid to Cameroon in the form of infrastructure projects, including the construction of the Ngaoundéré-Yaoundé railway. The Soviet Union also provided technical assistance to Cameroon in the areas of agriculture, health, and education. On March 22, 1963, an agreement was reached between the two nations to facilitate and enhance their cultural and scientific interactions. This sector continues to play a crucial and meaningful role in the relationship between the two countries.

In 1992, the Russian Center of Science and Culture was established in Yaoundé, the capital of Cameroon. The center promotes Russian language and culture in Cameroon through a variety of programs, including language courses, cultural events, and exhibitions.[\[17\]](#) In addition to the Russian Center of Science and Culture, there are also a number of Cameroonian-Russian cultural exchange programs. For example, the Cameroonian Association of Russian Language and Culture (CARLC) was established in 2007 to promote cultural exchange between Cameroon and Russia. The association organizes cultural events, language courses, and other activities to promote Russian language and culture in Cameroon.[\[18\]](#)

Russia and Cameroon have also collaborated on a number of scientific projects over the years. In the 1960s and 1970s, the Soviet Union provided technical assistance to Cameroon in the areas of agriculture, health, and education. More recently, Russia has provided technical assistance to Cameroon in the areas of energy and mining.[\[19\]](#)

In 2018, Russia and Cameroon signed a cooperation agreement in the field of science and technology. The agreement aims to promote scientific and technological cooperation between the two countries through joint research projects, exchange programs, and other initiatives.[\[20\]](#) In addition to the cooperation agreement, there are also a number of bilateral scientific exchange programs between Russia and Cameroon. For example, the Russian Academy of Sciences has established partnerships with a number of Cameroonian universities and research institutions to promote scientific exchange and collaboration.

Russia has been successful in establishing a credible reputation in the realm of higher education, which is a crucial aspect of its soft power in Cameroon. Since 1990, the Russian government, through Rossotrudnichestvo, has provided an average of 20 scholarships annually to Cameroonian students. The primary objective of these scholarships is to produce a substantial number of individuals who are proficient in Russian language and possess expertise in various fields, which they can then disseminate upon their return to Cameroon. The reception of Cameroonian students in Russia is facilitated by a coordinated effort between the governments of Cameroon and Russia. The table below gives an illustrative directory:

Year	1990/ 1991	1996/ 1997	1997/ 1998	1998/ 1999	1999/ 2000	2000/ 2001	2001/ 2002	2002/ 2003	2003/ 2004
Number of Scholarships	32	15	25	25	30	25	25	25	25
2004/ 2005	2005/ 2006	2006/ 2007	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014
35	20	20	20	20	20	/	/	08	11
2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/2018	2018/ 2019	2019/2020	2020/ 2021	2021/ 2022	2022/ 2023	2023/ 2024
20	20	25	40	45	47			40	100

Source: Ministry of Higher Education of Cameroon

Russia maintained its scholarship program with Cameroon, but was reluctant to finance it during 1992, 1993, 1994 and 1995 due to economic problems. On behalf of the 2023/2024 Academic year, 100 scholarships are allocated for Cameroon under the budget of the Russian Federation, indicating the intensity of their cooperation

Challenges faced by the Cameroonian-Russian relation

Despite the strong partnership between Cameroon and Russia, the relationship has faced several challenges. One of the main challenges is the lack of a direct air link between the two countries, which hinders trade and tourism. Another challenge is the limited knowledge of the Russian language and culture in Cameroon, which limits the scope of cultural exchanges between the two countries.

Conclusion:

The Cameroonian-Russian relation has been characterized by a strong partnership in various fields such as politics, economics, and culture. The historical background of the relationship has played a crucial role in the success of this partnership, and both countries have demonstrated a commitment to strengthening their cooperation. However, the relationship has faced several challenges, including the lack of a direct air link and the limited knowledge of the Russian language and culture in Cameroon. The future prospects of the Cameroonian-Russian relation are promising, particularly with Russia's increased engagement with Africa. However, both countries need to address the challenges facing their partnership to ensure its long-term sustainability. The upcoming Russia-Africa summit and economic forum schedule for July 2023 in Saint Petersburg are generating significant interest, and it is crucial that they serve a more significant purpose than a mere ceremonial event. Rather than a formality, this summit should act as a catalyst to expand the Russian-Cameroonian relations.

Библиография

1. МФАРФ (2013а), «Концепция внешней политики Российской Федерации». Утверждена Президентом Российской Федерации В. Путиным 12 февраля 2013 г., «Министерство иностранных дел Российской Федерации, г. Москва».
2. Чуала, Ю.-А., Внешняя политика Камеруна. Доктрина, акторы, процессы и региональная динамика, Париж, Картала, 2014.

3. Посольство Российской Федерации в Республике Камерун. ссылка:
<https://cameroun.mid.ru/ru/kamerun/>
4. МИНРЕКС: <http://www.diplocam.cm/>
5. Жан Коттен Кума, Двусторонние отношения между Камеруном и Российской Федерацией, 2016 г.
6. О переговорах Министра иностранных дел России Сергея Лаврова с Министром иностранных дел Камеруна Пьером Мукоко Мбонжо. URL:
https://archive.mid.ru/ru/web/guest/maps/cm/-/asset_publisher/2xrrL7GWsmQ5/content/id/120518 (дата обращения: 21.05.2020).
7. Пресс-релиз о консультациях заместителя Министра иностранных дел Михаила Богданова с министром-делегатом Министерства иностранных дел Камеруна по делам Содружества Жозефом Дион-Нгуте. URL:
https://archive.mid.ru/ru/web/guest/maps/cm/-/asset_publisher/2xrrL7GWsmQ5/content/id/2904479 (дата обращения: 21.05.2020).
8. Диссертация Ндонго Нлате JM-PhD/ Внешняя политика Республики Камерун в 1960-2021 гг.: приоритеты и особенности.
9. Эльбасуси Ахмед; Растущая роль России в странах Африки к югу от Сахары: интересы, возможности и ограничения/ и Applied Social Sciences Volume 4 Issue 3. ссылка: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JHASS-11-2020-0210/full/html>
10. Бизнес в Камеруне: Российский Лукойл в Камеруне ведет переговоры о реконструкции Сонары. Ссылка: <https://www.businessincameroon.com/economy/0702-9948-russian-lukoil-in-cameroon-to-negotiate-the-reconstruction-of-sonara>.
11. Национальный институт статистики: <https://ins-cameroun.cm/en/types-de-document/rapports/>.
12. Национальный совет грузоотправителей Камеруна: ссылка:
<https://www.cncc.cm/en/article/cameroon-buys-a-lot-from-russia-and-ukraine-but-sells-them-almost-nothing-273>.
13. Жан Коттен Кума, Книга: Le bilaterisme Russo-Camerounais. ССЫЛКА:
https://www.editions-harmattan.fr/livre-le_bilateralisme_russo_camerounais_vers_un_veritable_partenariat_strategique_jean_cottin_gelin_kouma-9782140277573-73772.html.
14. Гелин К. Дж. К. Камерун борется с Боко Харам. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Том. 17, № 4. С. 727-737.
15. «Камерунские военные офицеры прошли обучение в России». ЗащитаВеб. 28 сентября 2018 г.
16. «Россия и Камерун проводят совместные антитеррористические учения». ТАСС. 16 ноября 2016 г.
17. «Россия и Камерун подписали Соглашение о сотрудничестве в области науки и технологий». ТАСС, 2018. <https://tass.com/science/1030381>.
18. «Камерун-Россия: CARLC для продвижения русского языка и культуры». Cameroon Tribune, 2007. <https://www.cameroon-tribune.cm/article.html/3263/en.html>.
19. «Россия и Камерун укрепляют связи в области энергетики и горнодобывающей промышленности». Синьхуа, 2019. http://www.xinhuanet.com/english/2019-10/09/c_138459979.htm.
20. «Россия и Камерун подписали соглашение о сотрудничестве в области науки и

технологий». ТАСС, 2018. <https://tass.com/science/103038>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Событиях последних лет различные аналитики – философы, политологи, социологи – называют ключевым моментом в переходе от монополярного мира во главе с США к миру многополярному, в котором ведущие позиции будет играть целый ряд акторов, среди которых Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Вместе с тем данный переход не может быть простым, для него характерно временное обострение международной обстановки, что нашло отражение в целой череде кризисов: это и расплывание зон локальных конфликтов, и усиление деятельности различных экстремистских и радикальных групп, и разрастание противоречий между «Севером» и «Югом». Важная роль в формировании многополярного мира принадлежит России, что отмечают и зарубежные наблюдатели. В этой связи вызывает важность изучение различных аспектов отношений между Россией и отдельными странами Азии, Африки, Латинской Америки.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются камеруно-российские отношения. Автор ставит своими задачами показать исторический фон отношений двух стран, проанализировать политическое, культурное и экономическое взаимодействие между ними, а также определить имеющие проблему в сотрудничестве Москвы и Яунде.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать основные направления и приоритеты российско-камерунского просмотра.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем прежде всего на интернет-источники, представляющие материал для последующих обобщений. Из используемых автором исследований отметим труды ряда зарубежных авторов, раскрывающих различные аспекты внешнеполитической деятельности Камеруна. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как международными отношениями, в целом, так и взаимодействием России и стран «Юга», в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «политику Камеруна к России можно рассматривать как продолжение исторической легитимности, основанной на участии СССР в деколонизации различных африканских стран, и продвижении таких принципов, как мир,

демократия и нейтралитет». Автор раскрывает различные грани сотрудничества между двумя акторами, в том числе и в советский период. Примечательно, что как отмечается в рецензируемой статье, одним из аспектов «мягкой силы» России является сотрудничество в сфере образования: «на 2023/2024 учебный год Камеруну выделено 100 стипендий в рамках бюджета Российской Федерации». Говоря о проблемах взаимоотношений двух стран, автор обращает внимание на отсутствие прямого авиасообщения, а также на ограниченное знание русского языка и культуры в Камеруне.

Главным выводом статьи является то, что предстоящий летом 2023 г. второй саммит Россия – Африка должен стать катализатором отношений между Москвой и Яунде.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, написана на английском языке, снабжена таблицей, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования стратегий российско-камерунских отношений.

К статье есть отдельные замечания: так, можно было бы показать взгляды экспертного сообщества на сотрудничество двух стран, что вызовет читательский интерес.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации «Genesis: историческое исследование».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Галямина А.Г. — Рецензия на книгу Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. — М.: РОССПЭН, 2022. — 280 с // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.5.40802 EDN: PLLFOI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40802

Рецензия на книгу Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. — М.: РОССПЭН, 2022. — 280 с

Галямина Анна Георгиевна

аспирант, кафедра мировой экономики, международных отношений и права,, Новосибирский государственный экономики и управления "НИИХ"

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56

✉ galiamina.anna@yandex.ru

[Статья из рубрики "В потоке книг: библиография, рецензии"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.5.40802

EDN:

PLLFOI

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2023

Аннотация: В статье анализируется работа английского историка А. Форреста, посвященная исследованию индивидуального опыта военных во время Революционных и Наполеоновских войн. Форрест отходит от традиционного рассмотрения истории войны как истории сражений и сосредотачивает свое внимание на различных аспектах повседневной жизни и быта солдат, таких как поступление на военную службу, взаимодействие с иностранцами во время заграничных походов, плен, демобилизация и жизнь ветеранов после окончания войны. Автор обращает особое внимание уделяет расхождениям между пропагандой и реалиями солдатского быта и подвергает сомнение формирование нового типа солдата-революционера, постулируемое революционной пропагандой. В качестве недостатков книги можно выделить некоторое игнорирование автором данных, противоречащих его утверждению о полной аполитичности вчерашних крестьян, составивших основу армии революционной Франции, и их чуждости революционным ценностям. Также необходимо отметить, что автор не всегда четко разграничивает армию якобинского периода и армию наполеоновского времени, приписывая первой более поздние черты, в результате чего могут теряться важные детали относительно эволюции характера войны и мировоззрения ее участников.

Помимо этого отдельно автор рассматривает конструирование исторической памяти о Революционных и Наполеоновских войнах и формирование на её основе французской республиканской идентичности.

Ключевые слова:

Революционные войны, Наполеоновские войны, история повседневности, история ментальности, Великая Французская революция, историческая память, история войн, Новая русская школа, Наполеон Бонапарт, якобинцы

Современное гуманитарное знание обращает пристальное внимание на индивидуальный опыт человека, который, как правило, ранее оставался в стороне от интересов исследователей, из-за чего традиционное исторописание, сосредоточенное на знаковых фигурах и ключевых событиях, мало могло сказать о повседневной жизни и образе мыслей рядового человека своего времени. Это справедливо и по отношению к истории войны с первой антифранцузской коалицией и последующих наполеоновских войн, которые длились четверть века, затронули жизнь целого поколения и послужили в дальнейшем основой для создания национальных легенд. Хотя сражения являются одним из основных предметов интереса для традиционной историографии наполеоновского времени, они составляют лишь малую часть военного опыта их непосредственных участников, что делает совершенно логичным интерес к жизни военных именно «за кромкой поля боя». Попыткой воссоздать ее стала книга британского исследователя, почетного профессора Йоркского университета, Алана Форреста, суммирующая итоги многолетнего изучения автором жизненного опыта участников войн и его осмысливания исторической памятью.

Книга А. Форреста вышла в свет в серии «Мир Французской революции», издаваемой издательством РОССПЭН, в которой ныне публикуются работы, посвященные разным аспектам истории и историографии Великой Французской революции и наполеоновской эпохи. В основном это работы представителей так называемой Новой русской школы [11], к которой идейно близок Форрест [2]. С 2018 по 2021 годы он даже руководил в Государственном академическом университете гуманитарных наук Лабораторией западноевропейских и средиземноморских исторических исследований, работая в непосредственном контакте с представителями НРШ - поэтому работы Форреста знакомы русскоязычному читателю. Это один из самых активно публикующихся во «Французском ежегоднике» иностранных авторов (<https://annuaire-fr.igh.ru/authors/36?locale=ru>), но в формате отдельной книги его работы выходят в России впервые. Специально для этого были собраны автором, переведены и отредактированы статьи, ранее уже изданные им на английском и французском языках.

По содержанию книга условно распадается как бы на две части. Первая часть, большая по объему и основная, посвящена повседневности республиканской и наполеоновской армии. Здесь автор стремится проследить типичную судьбу солдата от момента поступления на службу и до его демобилизации после окончательного поражения при Ватерлоо. Между участием в жеребьевке во время рекрутского набора и жизнью ветерана при Реставрации - долгая четверть века. Для солдата революции, а в дальнейшем наполеоновского солдата эти годы включали в себя переписку с родными, столкновение с политикой Террора в армии, участие в заграничных походах и столкновение с местными жителями, возможно - плен. Каждому из вышеназванных

сюжетов А. Форрест уделяет достаточное внимание в отдельной главе. Собранные под единой обложкой они воссоздают образ рядового человека своей эпохи и эволюцию его мировоззрения. Призванный на военную службу чаще всего из сельской французской глубинки он, возможно, не представлял себе изначально масштаба исторического события, в которое оказался вовлечен. Именно армия, по мнению Форреста, впервые знакомит аполитичного крестьянина с революционной повесткой и становится для него политической школой. Призыв на военную службу означает разрыв с привычным сельским миром, который представляется и рекрут, и его близким окончательным - рекрута провожают навсегда, не ожидая его возвращения. Единственная возможная связь - эпистолярная, в результате чего именно в армии многие бывшие крестьяне понимают ценность грамотности и стремятся обучиться читать и писать. Отмеченная же автором лаконичность и ритуализированность солдатских писем, их малая информативность для исследователя являются следствием малограмотности пишущих, растущего со временем отчуждения между солдатами и их оставшимися дома близкими, а также последствием военной травмы, вызывавшей неспособность рассказывать о своих действительных чувствах и личном военном опыте. При этом Форрест подчеркивает, что для вернувшихся домой ветеранов наполеоновские войны, тем не менее, остались наиболее ярким жизненным периодом, когда они напрямую были вовлечены в значимое историческое событие - и осознавали эту вовлеченность.

Интересен анализ личного отношения солдат к происходящему в случае их участия в военном терроре. Автор обращает внимание на дегуманизацию участников нерегулярных военных подразделений противника вследствие применения ими «неправильных», неконвенциональных, чрезмерно жестоких средств ведения войны, невротизировавших французских солдат, - что в результате приводило к применению уже французами по отношению к дегуманизированному противнику жестоких средств. В якобинский период это наблюдалось в Вандее, при Наполеоне - в Италии и Испании.

Несколько особняком стоят три последние главы, составляющие условную вторую часть книги и рассказывающие о формировании образа революционных и наполеоновских войн в исторической памяти. Форрест анализирует создание наполеоновской легенды на основе образа «славного поражения» в результате похода в Россию и в битве при Ватерлоо. Кроме того, подробно рассматривается вопрос формирования французской республиканской идентичности в период Третьей Республики на основе культивирования официального республиканского мифа и приравнивания наполеоновского солдата к солдату Революции и формированию из них положительного образца для подражания в обществе, травмированном поражением во Франко-прусской войне.

Необходимо отметить, что большее внимание автор уделяет именно наполеоновским войнам. С одной стороны, это логично, так как они были существенно продолжительнее революционной войны с первой антифранцузской коалицией и, соответственно, оказали большее влияние на жизненный опыт и личность их участников и на формирование национальной легенды. С другой стороны, реалии наполеоновского времени читателем по умолчанию могут экстраполироваться и на предшествующий период, что не всегда верно. Все же автор зачастую фиксирует отличие реалий войны с первой коалицией от последующего времени и в качестве принципиальной границы устанавливает термидорианский переворот. Так, Форрест пишет об уменьшении революционной пропаганды в армии, изменении идеологических целей войны, более того - о снижении социальной поддержки ветеранов и инвалидов войн в послетермидорианский период. Тем не менее, он не заостряет внимание на моменте перехода, превращении республиканской революционной армии в наполеоновскую имперскую и изменениях

характера войны. Кроме того, необходимо отметить, что автор часто противопоставляет друг другу якобинский и наполеоновский периоды. В наполеоновское время попадает и Директория. Что касается якобинского периода, то не всегда понятно, включает ли автор туда же и время от объявления войны 20 апреля 1792 и до восстания 31 мая - 2 июня 1793 или же оно просто выпадает из рассмотрения. Возможно, отдельный анализ этих двух периодов позволил бы выделить новые интересные детали относительно эволюции характера войны и мировоззрения ее участников.

Стоит заметить, что А. Форрест, как представитель историографической традиции, не считающей себя наследницей Великой Французской революции^[3-4], крайне скептически относится к французскому революционному мифу, который он называет «пустопорожней республиканской риторикой рубежа XIX-XX веков». Революция в его изображении, как и в изображении его московских коллег, становится результатом деятельности далеких от основной массы французов представителей «просвещенной элиты»^[5], деятельности непонятной и чуждой для рядового француза. В результате значительное внимание в своей работе он уделяет расхождению между официальными заявлениями и тем, что наблюдалось в действительности. Например, рассматривая причины, побуждавшие молодых людей записаться на военную службу, автор в противовес официально превозглашаемому революционному энтузиазму масс заостряет внимание на противодействии крестьянства рекрутскому набору, вызванному как экономической ценностью будущих рекрутов для крестьянского хозяйства, так и непониманием смысла и целей войны в далеких от нее регионах. В случае добровольцев он обращает первостепенное внимание на личные мотивы, далекие от искреннего желания сражаться за революционные ценности, - такие, как семейные неурядицы, отсутствие перспектив для дальнейшей жизни в деревне, романтические представления о военной службе, как о возможности надеть красивый мундир и вырваться из сельской рутины. Не отрицая важности всех указанных автором мотивов, особенно в далеких от Парижа департаментах, нужно все же отметить, что ему как будто принципиально не интересно, существовал ли в действительности хотя бы в якобинские месяцы сознательный доброволец, отправившийся защищать революционные ценности. Но насколько в принципе верен тезис Форреста об аполитичности крестьян? В своем классическом, переведенном на французский язык и дважды изданном во Франции труде^[6] А.В. Адо приводит данные о вооруженных выступлениях крестьянства с 1789 по 1794 годы, причем масштаб работы не позволил Адо включить в рассмотрение контрреволюционные крестьянские восстания. Хотя в целом история политических и социальных конфликтов в деревне не является сегодня самой популярной проблемой историографии Революции, тем не менее, существуют позднейшие исследования, дополняющие общую картину Адо конкретными данными по отдельным регионам^[7]. Крестьяне как выступали против мер революционного правительства, так и радикализовали своими вооруженными выступлениями решения и действия столичных революционеров. Поэтому нарисованный автором образ политически наивного сельского рекрута кажется несколько упрощенным.

Вопрос о том, сформировался ли тип солдата-гражданина, существование которого постулировала официальная пропаганда, автор задает в главе «Гражданство, честь и мужественность: качества военного во времена революции и империи», посвященной характеристикам типа солдата, созданного Революцией. Он не соглашается с теми исследователями, которые считают, что он существовал в действительности, замечая в подтверждение своей точки зрения, что несмотря на предписываемое солдату-гражданину стремление служить не ради наград и личных почестей, а ради общественного блага Республики, еще при якобинской диктатуре существовала практика

военных триумфов для отличившихся офицеров и продвижение по службе для отличившихся солдат. Тем не менее, А. Форрест уходит от ответа на поставленный в начале этой главы вопрос, рассматривая по большей части маскулинность формировавшегося образа солдата и по контрасту с этим - присутствие женщин в действующей армии и их участие в войне, которое может служить косвенным подтверждением желания защищать Республику. Он отмечает так же уменьшение числа добровольцев после термидорианского переворота по сравнению с якобинскими месяцами. Форрест говорит о снижении политизированности солдатских писем в тот же период, но не может ответить, в какой степени политизированность якобинского времени была повторением официальной риторики и проявлением лояльности к власти, а в какой - выражением искренних республиканских чувств. Таким образом, действительное существование в условиях II года Республики солдата-гражданина представляется не столь невозможным, как пишет автор. Также остается неотвеченным вопрос, в какой мере солдат-гражданин и дух войска сыграли свою роль в формировании республиканской армии и ее победах, что ставится Форрестом под сомнение, как миф, сформированный Третьей Республикой.

Доступный язык и занимательность изложения, а так же предмет исследования - личный жизненный опыт участников исторического события - делает книгу интересной не только для специалиста-историка, но и для широкого круга читателей.

Библиография

1. Таньшина Н. П. К 150-летию изучения Французской революции в России: от Герье до Новой русской школы // Новая и новейшая история. 2018. №6. С.118-136.
2. Чудинов А. В. Наш добрый друг Алан Форрест (к 75-летию со дня рождения) // Французский ежегодник. 2021. №54. С. 429-439.
3. Собуль А. Классическая историография Французской революции: о нынешних спорах // Французский ежегодник. 1976. С. 155-170.
4. Гордон А. В. Великая Французская революция: о понятии и понимании // Николай Иванович Кареев: Жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания. Сборник статей и сообщений III Международной научно-образовательной конференции / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2021. – С. 127–133.
5. Чудинов А.В. Просвещенная элита (к истории понятия) // Французский ежегодник. 2001. С.266-279.
6. Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794. М.: Издательство МГУ, 1987.
7. Sottocasa V. Résistances paysannes et révolution : le cas des hautes terres du sud du Massif central // Pouvoir locale et révolution. 1780-1850 / ed.R. Dupuy. Rennes: Presse universitaires de Rennes. 1999. Р. 377-391

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

«Рецензия на книгу Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. – М.: РОССПЭН, 2022. – 280 с.»

Предмет исследования – рецензия на книгу Форрест «За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн».

Методология исследования базируется на принципах объективности, научности, комплексности и системности. Также в работе использован метод военно-исторической антропологии.

Актуальность определяется тем, что в военных работах мало внимания уделяется «повседневной жизни и образу мыслей рядового человека своего времени». В работе, которую рецензирует автор статьи основное внимание уделено жизни военных именно «за кромкой поля боя», которая представлена в книге британского исследователя, почетного профессора Йоркского университета, Алана Форреста, суммирующая итоги многолетнего изучения автором жизненного опыта участников войн и его осмысливания исторической памятью. Актуальность книги Форреста очевидна, а также очевидна актуальность рецензии на эту работу. Данная рецензия посвящена актуальной и очень интересной книге, в которой исследуется тема, к которой исследователи обращаются не часто.

Научная новизна рецензии на книгу Алана Форреста заключается в том, что автор рецензии дает комплексную, объективную научную оценку работе, написанную на интересную, слаборазработанную и актуальную тему. Участники войны не только воюют, но и сталкиваются с разными бытовыми вопросами, рутиной военной жизни, после возвращения с фронта опять же они сталкиваются с рутиной жизни. Аллан Форрест делает попытку изучает жизненный опыт участников войны, а автор рецензии на книгу Форреста исследует как он это сделал. Научная новизна очевидна и не вызывает сомнения.

Стиль статьи академический, язык ясный и точный. Структура работы и логика изложения материала предопределены целью и задачами исследования. В начале автор пишет о теме, которую изучает А.Форрест, раскрывает ее актуальность. Далее он пишет о самом Аллане Форресте и отмечает, что он близок по своим взглядам «к представителям так называемой Новой русской школы» и что он «один из из самых активно публикующихся во «Французском ежегоднике» иностранных авторов (<https://annuaire-fr.igh.ru/authors/36?locale=ru>)», но его труды отдельной книгой выходят впервые и в таком солидном издательстве РОССПЕН.

Библиография состоит из 7 работ, посвященных различным вопросам, касающихся Французской революции, в том числе двух работ А.В. Чудинова одна статья посвящена истории понятия просвещенная элита, а другая Аллану Форресту, статья Танщина Н.П., посвящённая 150-летию изучению Французской революции и т.д. Библиография в количественном и качественном плане дает возможность раскрыть исследуемую тему.

Апелляция к оппонентам представлена в библиографии и проведенной работе.

Автор пишет о достоинствах книги Форреста и показывает тем вопросы, которые Аллан Форрест не раскрыл до конца или на которые не дал (не захотел дать ответ). И это, несомненно, вызовет интерес к книге Форреста и представляется, что это приведет к тому, что исследователи будут более активно изучать вопросы, которые в книге Форреста не раскрыты.

Автор резюмирует, что «доступный язык и занимательность изложения, а также предмет исследования - личный жизненный опыт участников исторического события - делает книгу интересной не только для специалиста-историка, но и для широкого круга читателей». Следует отметить, что и рецензия на книгу написана доступным языком, интересна изложена. Рецензия на книгу Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. – М.: РОССПЭН, 2022. грамотно оформлена, написано живо, ярко и интересно. Она, несомненно, вызовет

интерес к книге Форреста, а также к теме военной рутины, которая до настоящего времени не вызывает особого интереса у исследователей, а также к теме исторической памяти, к вопросу, что помнят потомки из истории важных и судьбоносных событий, войн, революций в целом и к жизни «военных во времена Революционных и Наполеоновских войн». Сама рецензия несомненно вызовет интерес читателей журнала, а также широкой аудитории (студентов, магистрантов, аспирантов и т.д.).

Англоязычные метаданные

Ivan the Terrible through the eyes of Western diplomats

Druzhevskii Anton Olegovich

Postgraduate of the Department of History of Russia from ancient times until the beginning of the 19th century, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russia); Executor of the project of the Scientific Project Support Department of the Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky (St. Petersburg, Russia).

195299, Russia, Saint Petersburg, 3 Senatskaya str., office 224

 adruzhevskij@mail.ru

Abstract. In the article, the author analyzes the notes of diplomats who came to Muscovy at the end of the XVI century and had the opportunity to feel the features of the daily life of the royal court of Dopetrovskaya Rus, entering into direct contact with the highest authorities. Being cunning and observant people, they comprehended the character and motives of Ivan the Terrible's actions, with whom they had a number of private conversations. Conclusions are drawn that reflect the specifics of diplomatic works as a special type of historical source, emphasis is placed on the features of the "Western mentality" of their authors. The author comes to the conclusion that the negative image of Grozny in these works is present largely due to the failure of diplomatic missions. Since the foreign envoys failed to achieve their goals, with bitter resentment they reflect in their writings the customs of a country they do not understand and its sovereign. This serves as an additional reason for classifying these writings as highly subjective.

Keywords: confidants, historical source, researcher, mentality, foreigners about Russia, Jils Fletcher, Jerome Gorsey, Jacob Ulfeldt, Ivan the Terrible, diplomacy

References (transliterated)

1. Klyuchevskii V.O. Skazanie inostrantsev o Moskovskom gosudarstve. Moskva: Prometei, 1991. 334 s.
2. Gerbershtein S. Zapiski o Moskovii. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1988. 430 s.
3. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka <https://ozhegov.slovaronline.com/7015-DIPLOMAT> (data obrashcheniya: 18.04.2023).
4. Morozova L. E. Inostrantsy o lichnosti Ivana Groznogo (dooprichnyi period) // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Nauchnyi zhurnal. 2021. № 1 (13). S. 40–51.
5. Ul'fel'dt Ya. Puteshestvie v Rossiyu datskogo poslannika Yakova Ul'fel'dta v XVI veke. Moskva : Universitetskaya tipografiya, 1889. 61 s.
6. Poslaniya Ivana Groznogo. Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 716 s.
7. Karavashkin A.V. Russkaya srednevekovaya publitsistika: Ivan Peresvetov, Ivan Groznyi, Andrei Kurbskii. Moskva: Prometei, 2000. 418 s.
8. Dzherom G. Zapiski o Rossii. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1990. 288s.
9. Mezhuev D.O. Baltiiskii vopros vo vneshnii politike Rossii (1558–1730 gody). Nauchnyi dialog. 2023;12(2):402-416. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-402-416>
10. Skrynnikov R.G. Tragediya Novgoroda. Moskva: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh,

- 1994.192 s.
11. Kurbskii A.M.Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo.Moskva: Nauka,2015.944 s.
 12. Fletcher D. O gosudarstve russkom. Sankt-Peterburg: Izdanie A.Suvorina,1906.138 s.
 13. Shtaden G.Zapiski o Moskovii. Moskva:Drevlekhranilishche,2008.584 s.

Protection of Buddhist structures under Emperor Tao-wu of the Northern Wei dynasty as a way of asserting political power

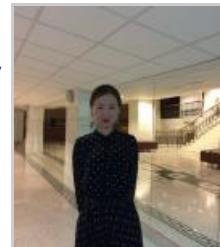
Markhanova Tatiana Fridrikhovna

PhD in History

Interpreter, LLC "Standart"

670013, Russia, Ulan-Ude, Klyuchevskaya str., 64-69

 tatiya6a@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the analysis of the formation of Buddhism under the Northern Wei Dynasty. The object of the study is Buddhist construction projects as a way of asserting political power. The author examines in detail such aspects of the topic as the construction of a Buddhist pagoda, a hall on Mount Sumeru, Vulture Peak and the "Great Monastery" (Dasa).

When the state of Northern Wei was formed at the end of the fourth century, Buddhism became extremely widespread in their empire. Imperial patronage of Buddhist society continued throughout the dynasty until its decline in the sixth century. Powerful images of rulers, alternative ideas about the centers of power and special ways of sponsoring public monuments came from the understanding of the rulers of Northern Wei of ancient India, which, in turn, were obtained from Indian missionaries, reports of Chinese pilgrims and Buddhist scriptures translated into Chinese. Construction projects, in particular, gave the rulers the opportunity to present themselves to the people in various mythological and historical figures. The main conclusions of the study are that Emperor Tao-wu created an image legitimizing his rule, based on Indian Buddhist symbols of power, and not on Chinese Confucian traditions of government. The association of pagodas, Vulture Peak with King Ashoka was still strong in the popular imagination, which Tao-wu could not help but take advantage of. The new Buddhist construction complexes were actually intended to demonstrate political dominance in the capital.

The novelty of the study lies in the fact that the author showed Emperor Tao-wu portraying himself as mytho-historical Indian authority figures such as Indra, King Bimbisara, Emperor Ashoka and Vimalakirti to assert his imperial authority.

Keywords: Emperor Aśoka, Weishu, Emperor Dao-wu, Tobias, Buddhist architecture, Buddhist structures, Northern Wei, Buddhism, medieval China, Faxian

References (transliterated)

1. Vasil'ev L. S. Kul'turnye i torgovye svyazi khan'skogo Kitaya s narodami Tsentral'noi i Srednei Azii // Vestnik istorii mirovoi kul'tury. 1958. № 5. S. 67–81.
2. Vetluzhskaya L.L. Vlastnye struktury i buddiiskaya sangkha v traditsionnom Kitae (IV-VIII vv. n.e.) // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 8. S. 146-149.

3. Yakubov Yu. Rol' Shelkovogo puti v rasprostranenii religii na territorii Srednei Azii i Dal'nego Vostoka // Izvestiya AN PT. Seriya: Vostokovedenie, istoriya filologiya. 1992. №3 (27). S.29-33.
4. Chou, Po-kan. The translation of the "Dazhidulun": Buddhist evolution in China in the Early fifth century. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://buddhism.lib.ntu.edu.tw/DLMBS/en/search/search_detail.jsp?seq=164418 (data obrashcheniya 01.04.2023).
5. Fong, Wen et al. The Great Bronze Age of China. New York: The Metropolitan museum of art, 1980. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: [https://ia800308.us.archive.org/22/items/TheGreatBronzeAgeofChinaAnExhibitionfromthePeoplesRepublicofChina_text.pdf](https://ia800308.us.archive.org/22/items/TheGreatBronzeAgeofChinaAnExhibitionfromthePeoplesRepublicofChina/TheGreatBronzeAgeofChinaAnExhibitionfromthePeoplesRepublicofChina_text.pdf) (data obrashcheniya 22.04.2023).
6. Legge, James. A record of Buddhist Kindoms: Being an Account by the Chinese Monk Fa-Hien of his Travels in India and Ceylon (A.D. 399-414) in Search of the Buddhist books of discipline. New York: Paragon books, 1965.
7. Mabbett, Ian W. "The Symbolism of Mount Meru". History of Religions 23, 1 (1983) 64-83. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/epdf/10.1086/462936> (data obrashcheniya 21.03.2023).
8. Strong, John S. The Legend of King Aśoka: A Study and Translation of the Aśokāvadāna. Princeton: Princeton University Press, 1983. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7zvb94> (data obrashcheniya 06.04.2023).
9. 魏收 Vei Shou. 魏書 Letopis' dinastii Vei. Ch. 114. Pekin: Kitaiskoe knigoizdatel'stvo, 1974. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://weibo.com/ttarticle/p/show?id=2309404549042066817485> (data obrashcheniya 06.04.2023).
10. 大智度论 Velikii traktat o sovershenstve mudrosti. Taishō shinshū daizōkyō, T. 25, № 1509.
11. 崔鴻 Tsui Khun. 湯球 (1804–1881) 十六國春秋 Istorya Shestnadtsati korolevstv 304–439 gg. Jinan: Qi Lu shushe, 2000. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.360doc.com/content/21/0803/11/17132703_989327295.shtml (data obrashcheniya 10.04.2023).
12. 中國方志叢書 : 華中地方 Sobranie mestnykh khronik Kitaya: Tsentral'nyi Kitai. T. 153. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://max.book118.com/html/2019/0608/7134150055002032.shtml> (data obrashcheniya 10.04.2023).
13. 釋法顯撰 Fa Syan. 高僧法顯傳 Zhizneopisanie Fasyana. Vol. 51, № 2085. Tokyo: Taishō issaikyō kankōkai, 1924–1932. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.hrfjw.com/dazangjing/szb/6389.html> (data obrashcheniya 06.04.2023).
14. 赵一德. 云岗石窟文化. 太原: 北岳文艺出版社, 1998.-473页.
15. 张焯, 云冈石窟编年史。北京: 文物出版社, 2006. – 454页.

"The second edition of Pokrovshchina" (based on the material of M. Ja. Sjuzjumov's letters to V. G. Trukhanovsky and S. P. Pavlov)

PhD in History

Associated Professor, Foreign Studies Department, Ural Federal University

623280, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Lenina av., 51.

 carinne.kapsalikova@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the problems of the "relapse of Pokrovshchina" – a phenomenon in the history of historical science, which was characterized by the dominance of sociologized schemes, the leveling of the role of source analysis, the lack of developments in problem areas of auxiliary historical disciplines, the primacy of modern studies to the detriment of the study of classical history. The famous Soviet Byzantine historian Mikhail Jakovlevich Sjuzumov (1893-1982) resolutely opposed the crisis of this "growth disease". In his personal fund (GASO, F. P-802) contains letters to leading experts in various branches of historical science, where he analyzes in detail the essence of the "second edition of the Pokrovshchina" (the second half of the 1960s).

Two letters of M. Ja. Sjuzumov are introduced into scientific circulation. One of them, dated by the author on May 5, 1965, is a response to the appeal of the editor-in-chief of the magazine "Questions of History" to Vladimir Grigoryevich Trukhanovsky (1914-2000) and a letter dated July 2, 1965 to the Soviet statesman, First Secretary of the Komsomol Central Committee Sergei Pavlovich Pavlov (1929-1993). In fact, they are journalistic articles, a reflection on the results of the All-Union Meeting on measures to improve the training of scientific and pedagogical personnel in historical sciences, convened by the decision of the Central Committee of the CPSU and the SNK of the USSR. M. Ja. Sjuzumov considers the popularization of historical knowledge to be a recipe for the destructive action of the Pokrovshchina.

Keywords: scientific biography, epistology, personal fund, S. P. Pavlov, V. G. Trukhanovsky, M. Ja. Sjuzumov, source studies, historiography, USSR, pokrovshchina

References (transliterated)

1. Rozhdestvenskii R. I. Ispytanie. M.: Sovetskii pisatel', 1956. 130 s.
2. Mokhov A.S., Kapsalykova K.R. «Pokhod protiv giperkritiki uzhe nachalsya – nuzhno ego prodolzhat»: perepiska M.Ya. Syuzyumova s sovetskimi istorikami G.M. Livshitsem i P.Z. Kozikom Dokument. Arkhiv. Iстория. Sovremennost': sb. nauch. tr. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2022., Vyp. 22. S. 340–353.
3. Kapsalykova K. R. «Germanistam nuzhno dat' bitvu»: perepiska V. T. Sirotenko i M. Ya. Syuzyumova (1960–1970-e gg.) // Nauka. Obshchestvo. Oborona. 2021. T. 9. № 4 (29). S. 32–32.
4. Gavrilov F. A., Timofeev K. A. Vserossiiskoe soveshchanie po voprosu ob istoricheskem obrazovanii v vos'miletnei i srednei shkole // Voprosy istorii. 1959. № 6. S. 163–179.
5. Bushchik L. P. Ocherk razvitiya shkol'nogo istoricheskogo obrazovaniya v SSSR. M.: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1961. 540 s.
6. Vsesoyuznoe soveshchanie o merakh uluchsheniya podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov po istoricheskim naukam, 18–21 dekabrya 1962 g. M.: Nauka, 1964. 517 s.
7. Vsesoyuznoe soveshchanie istorikov // Voprosy istorii. 1963. № 2. S. 33–42.
8. Dumova N. G. Vladimir Grigor'evich Trukhanovskii (1914–2000) // Portrety istorikov.

- Novaya i noveishaya istoriya. M.: Nauka, T. 4. S. 485–503.
9. Zaglada N. G. Dorozhite chest'yu khleboroba! Kishinev: Partizdat, 1962. 39 s.
 10. Plenarnoe zasedanie 18 i 19 dekabrya // Voprosy istorii. 1963. № 2. S. 25–26.
 11. Kapsalykova K. R. «Dni raboty soveshchaniya schitayu «chernymi dnyami» dlya istoricheskoi nauki»: M. Ya. Syuzumov o vsesoyuznom soveshchanii istorikov 1962 goda // Partiinyye arkhivy. Problemy i perspektivy razvitiya : Materialy V mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Nizhnii Tagil, 14–16 maya 2019 goda. Ekaterinburg : OOO Universal'naya Tipografiya Al'fa-Print, 2019. S. 294–303.
 12. Krivoruchenko V. K. O Sergee Pavlove // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2005. № 4. S. 165–172.
 13. Chernoukhov A. V. Istoricheskii fakul'tet Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: 1956–1970. Ekaterinburg : Izd-vo Ural, un-ta, 2013. 143 s.
 14. Kiknadze V. G. «Sila V pravde». Zashchita istorii kak strategicheskii prioritet obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossii // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2022. № 9. S. 4–15.

History and development of the Institute of Conciliation procedures in Russia

Naryshkina Svetlana Yur'evna □

Postgraduate student, Department "Jurisprudence", Russian State Academy of Intellectual Property (RGAS)

55a Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russia

✉ vik156@mail.ru

Abstract. The article examines the history and development of the institute of conciliation procedures in Russia and some foreign countries. Starting with the first laws on conciliation procedures adopted in tsarist Russia, the authors describe how the institution was formed, what changes occurred in legislation in different historical epochs. The article also analyzes the current state of the institute of conciliation procedures in Russia and gives forecasts of its further development. In particular, the article discusses the impact of recent legislative changes on the institution of conciliation procedures, as well as the role of alternative dispute resolution in modern legal practice. The article points to the need to raise awareness and education among the population and representatives of the business community, as well as the creation of an appropriate infrastructure for mediation and arbitration procedures. The use of the institute of conciliation procedures has great potential for effective dispute resolution, strengthening international relations and improving the quality of life of the population.

Keywords: partners, conflict, birch bark certificate, justice of the peace, arbitration courts, settlement agreement, civil proceedings, Conciliation procedure, international relations, legislation

References (transliterated)

1. Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 29.07.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
2. Arbitrazhnyi protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 29.07.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3012.

3. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 29.07.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
4. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 28.03.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. №
5. St. 410. 5. Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 01.05.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 1. St. 16.
6. Baranova, M.K. Vvedenie instituta mediatsii v ugolovnoe sudoproizvodstvo / M.K. Baranova, A.A. Podoprigora // Alleya nauki. –2019. T. 1. – № 3 (30). – S. 444–447.
7. Bespalov Yu. F., Bespalov A. Yu., Gordeyuk D. V., Kasatkina A. Yu. ; pod redaktsiei Yu. F. Bespalova. Primiritel'nye protsedury v grazhdanskom, ugolovnom i administrativnom sudoproizvodstve Rossiiskoi Federatsii : uchebnoe posobie / – Moskva : Prospekt, 2018. — 128 s. — ISBN 978-5-392-24165-1. — Tekst : elektronnyi // Lan' : elektronno-bibliotchnaya sistema. — URL: <https://e.lanbook.com/book/150680> (data obrashcheniya: 17.05.2023). — Rezhim dostupa: dlya avtoriz. pol'zovatelei.
8. Bushmeleva, M.A. Pravovoe regulirovanie mediatsii v RF: problemy i perspektivy / M.A. Bushmeleva, V.Yu. Strepetova // Akademicheskaya publitsistika. – 2020. – № 4. – S. 365–370.
9. Knyazev D.V. Iстория развития института мирового соглашения в российском гражданском праве // Современные проблемы гражданского права и процесса. Сборник статей.-Новосибирск: Изд-во ин-та философии и права СО РАН, 2004. Вyp. 2.
10. Potapov D.V., Potapova L.V. KONTsEPTsIYa RAZVITIYa PRIMIRITEL'NYKh PROTsEDUR V ROSSIISKOM ZAKONODATEL'STVE // MNIZh. 2022. №3-2 (117). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razvitiya-primiritelnyh-protsedur-v-rossiiskom-zakonodatelstve> (data obrashcheniya: 17.05.2023).
11. Gorshkova Kseniya Nikolaevna, Zhelonkin Sergei Sergeevich Primiritel'nye protsedury v Rossii: novelly protsessual'noi reformy v Rossii: novelly protsessual'noi reformy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. №3 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-v-rossii-novelly-protsessualnoy-reformy-v-rossii-novelly-protsessualnoy-reformy> (data obrashcheniya: 17.05.2023).
12. Gomula Ioanna PRAVOVYE POSLEDSTVIYa REShENII APELLYATSIONNOGO ORGANA V SISTEME RAZRESHENIYa SPOROV VTO // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2016. №3 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-posledstviya-resheniy-apellyatsionnogo-organa-v-sisteme-razresheniya-sporov-vto> (data obrashcheniya: 17.05.2023).
13. Sheremet'eva Natal'ya Vladimirovna PRIMIRITEL'NYE PROTsEDURY: ISTORIKO-PRAVOVYE I TEORETICHESKIE ASPEKTY V SOVREMENNOM PRAVE // Pravo i praktika. 2020. №1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protcedury-istoriko-pravovye-i-teoreticheskie-aspekty-v-sovremennom-prave](https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-istoriko-pravovye-i-teoreticheskie-aspekty-v-sovremenном-prave) (data obrashcheniya: 17.05.2023).

Interparliamentary Associations of the Subjects of the Russian Federation in the 1990s: the formation of the institutional foundations of "horizontal federalism"

Associate Professor at the Department of Social Communications of Tomsk Polytechnic University

634050, Russia, Tomsk region, Tomsk, Lenin Ave., 36

 strelk-s@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation of the organizational foundations of interparliamentary associations established by the parliaments of the constituent entities of the Russian Federation in the 1990s. The object of the study is interparliamentary cooperation developing between the legislative authorities of the constituent entities of the Russian Federation, and the subject is the interparliamentary associations formed by them. The purpose of the study is to identify the features of the organization of interregional associations of legislative authorities of the subjects of the Russian Federation, which are the basis for the formation of horizontal federal relations in the 1990s. Historical-genetic, problem-analytical and historical-comparative methods, as well as the method of structural-functional analysis are used as the methodological basis of the work. Attention is drawn to the fact that at the first stage of the formation of inter-parliamentary associations in 1994, the association became the most popular form of organizational cooperation, and at the second stage, since 1997, the council. The associations were created as consultative and advisory bodies implementing the function of coordinating legislative activities within their own jurisdiction and authority in order to create a single legislative space of the subjects of the Federation of one macro-region. The formation of councils was carried out with the aim of developing legislative initiatives within the joint jurisdiction of the center and the regions concerning the implementation of economic reform. It was concluded that the organizational structure of associations, in general, correlates with the generally accepted standard of activity of the corresponding form of interparliamentary association, defining and streamlining the content and dynamics of the processes of its legislative activity and ensuring the implementation of the goals. Whereas the constituent entities of the Federation – members of the soviets, defining the status of associations as organizations, thereby formally positioned their significance and weight, but in fact focused on building individual relations with the federal center "vertically". Thus, only the association model in the 1990s ensured the formation of the institutional foundations of "horizontal federalism" in Russia.

Keywords: horizontal federalism, federalism, subject of the federation, legislature, parliamentary associations, associations, interparliamentary cooperation, organizational structure, institutional environment, integration associations

References (transliterated)

1. Akhrem N. V. K voprosu o «gorizontal'nom» urovne federativnykh otnoshenii // Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta. – 2011. – Vyp. 23 (33). – S. 5-10.
2. Smirnov Ya. Yu. Rossiiskii federalizm: problemy periodizatsii i sovremenennye tendentsii razvitiya // Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta. – 2018. – T.4. № 4. – S. 36-41.
3. Vinogradova A. A. Mezhparlamentskie instituty: kriterii, klassifikatsii, srovnitel'nyi analiz // Sravnitel'naya politika. – 2011 – № 4. – S. 3-12. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-4(6)-3-12.
4. Gontar' N. V. Mezhregional'naya integratsiya v Rossii: instituty i gosudarstvenno-administrativnoe regulirovanie // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Ekonomika. Ekologiya. – 2018. – T. 20. № 3. – S. 14-24. – DOI:

10.15688/jvolsu3.2018.3.2

5. Andrichenko L. V. Sovremennaya model' i mekhanizm razgranicheniya polnomochii mezhdu federal'nymi organami gosudarstvennoi vlasti i organami gosudarstvennoi vlasti sub"ektor Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedeniya // Journal of foreign legislation and comparative law. – 2014. – № 2. – S. 172-187.
6. Zholobova O. A. Osnovnye mekhanizmy formirovaniya strategii regional'noi politiki v sovremennoi Rossii // Trendy i upravlenie. – 2014. – № 2. – S. 168-174. – DOI: 10.7256/2307-9118.2014.2.12405.
7. Nozhenko M. V., Belokurova E. V. Severo-Zapad Rossii: region ili regiony? SPb.: Norma, 2010. – 164 s.
8. Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. Assotsiativnye formy sotrudnichestva sub"ektor Federatsii (konstitutsionno-pravovoi aspekt) // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. – 2022. – №. 1. – S. 60-64. – DOI: 10.2441/2073-3305-2022-1-60-64.
9. Zolotukhin I. N. Protsess rossiiskoi regional'noi samoidentifikatsii i problema regional'noi identichnosti rossiiskogo Dal'nego Vostoka v ramkakh uchastiya Rossii v aziatsko-tikhookeanskoi ekonomiceskoi integratsii // Oikumena. – 2006. – Vyp. I. – C. 90-98.
10. Ibragimov A. G. Assotsiativnye formy sotrudnichestva sub"ektor Rossiiskoi Federatsii: monografiya / nauch. red. G. R. Khabibulina. – Moskva: Prospekt, 2021. – 176 s. – DOI: 10.31085/9785392310593-2021-176.
11. Kudrin K. Yu. Transformatsiya instituta mezhregional'nogo sotrudnichestva sub"ektor Rossiiskoi Federatsii // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii. – 2012. – № 3. – S. 106-112.
12. Apazheva, E. Kh. Mezhnatsional'nye otnosheniya v protsessakh obshchestvennoi transformatsii v etnicheski rodstvennykh Respublikakh Severnogo Kavkaza: Kabardino-Balkariya, Karachaevo-Cherkesiya, Respublika Adygeya. 1985-2000 gg. : avtoreferat dis. ... doktora ist. nauk : 07.00.02 / Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Khetagurova. – Vladikavkaz, 2003. – 197 s.
13. Muratova L. I. Vnutrennie pravovye osnovy deyatel'nosti parlamentskikh assotsiatii sub"ektor Rossiiskoi Federatsii // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2015. – № 2. – S. 127-130.
14. Khabibullina G. R., Nurutdinova R. I. Assotsiatii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektor Rossiiskoi Federatsii i ikh rol' v razvitiu model'nogo pravotvorchestva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo. – 2012. – Vyp. 2. – S. 127-130.

Guardians of Hearth in the Russian and Chinese mythological traditions

Popova Anastasiia

Senior Educator, Department of Chinese Language, Moscow City Pedagogical University

105064, Russia, g. Moscow, per. Malii Kazennyi, 5-B, of. 507

 anysta@yandex.ru

Serebryakova Anastasiia Igorevna

Bachelor, Department of Chinese Language, Moscow City Pedagogical University

Abstract. One of the most frequently encountered characters in the mythology of various cultures are household spirits, deities-guardians of the hearth, who have lived side by side with humans since ancient times. In this article, on the basis of Russian and Chinese sources, the authors conduct a comparative analysis of the images of the patrons of the household in such aspects as the names given to them by the bearers of culture, versions of origin, appearance, marital status, functions that these deities performed, rituals of worship. The subject of the research is the images of the Domovoy and God of the hearth of Zao-wang in Russian and Chinese cultures. The aim of the work is to find similarities and differences about Domovoy and Zao-wang, to comprehend the interaction of a person with the domestic spirit in Russia and China, which is relevant in the light of the strengthening of relationship between the two countries and contributes to a better understanding of both Chinese and Russian culture. The novelty lies in the absence of such a comparative study in Russian science. As a result of the work, it was revealed that the characters of the keeper of the hearth in the Russian and Chinese traditions have both similarities and differences. Similar features of home spirits are due to global cultural processes, while their differences are determined by worldview and other features of the regions.

Keywords: Zao Shen, Kitchen God, Tutelary deity, patron of the household, Chinese folk culture, Domovoy, house spirit, Zao Wang, Russian mythology, Chinese mythology

References (transliterated)

1. Ge Khun. Baopu-tszy. / Per. s kitaiskogo, komment., predisl. E. A. Torchinova. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. 384 s.
2. Zavidovskaya E. A., Rud' P. V. Proiskhozhdenie, religioznye funktsii kitaiskoi bumazhnoi ikony «chzhima» i ee kolleksii v MAE RAN // Etnografiya. 2022. №3 (17). S. 121-148.
3. Kapitsa F. S. Slavyanskie traditsionnye verovaniya, prazdniki i ritualy: spravochnik. M.: Flinta, 2011. 293 s.
4. Korinfskii A. A. Narodnaya Rus'. Kruglyi god skazanii, poverii, obychaev i poslovits russkogo naroda. M.: M. V. Klyukin, 1901. XII, 723 s.
5. Korshunkov V. A. Dorozhnaya traditsiya v Rossii: pover'ya, obychai, obryady. M.: Forum, 2015. 239 s.
6. Levkievskaya E. E. Domovoi // Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t. / Pod obshch. red. N. I. Tolstogo. T. 2: D (Davat') — K (Kroshki). M.: Mezhd. otnosheniya, 1999. S. 120-124.
7. Levkievskaya E. E. Mify russkogo naroda. M.: Astrel': AST, 2000. 526 s.
8. Maksimov S. V. Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila / [Poslesl. N. V. Ushakova]. – SPb. : Izd-vo TOO «Poliset», 1994. 446 s.
9. Morozova T. P. Kon'-solntse v slavyanskoi yazycheskoi mifologii // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2019. T. 52. S. 53-64.
10. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenii / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. M.: Az", 1995. 907 s.
11. Popova A. V., Lopatkina T.S. Kitaiskie traditsionnye igry: ponyatie, proiskhozhdenie i kul'turnoe znachenie // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2020. № 50. S. 79-86.

12. Reshetov A. M. Tszao-van – kitaiskii bog ochaga // Mify, kul'ty, obryady narodov zarubezhnoi Azii; [otv. red. N. L. Zhukovskaya]. M.: Nauka, 1986. C. 230–249.
13. Riftin B. L. Tszao-van. // Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. – [T. 2] Mifologiya. Religiya / red. M. L. Titarenko i dr. M.: Vostochnaya literatura, 2007. C. 679-680.
14. S kitaiskoi skazkoi kruglyi god / Lit. pereskaz I. V. Zakharovoi; Per. s kit. V. Yu. Zakharova. M.: Lingva-F, 2019. 233 s.
15. Slavyanskii i balkanskii fol'klor: Nar. demonologiya / [Redkol. : S. M. Tolstaya (otv. red.) i dr.]. M.: Indrik, 2000. 398 s.
16. Stulova E. S. Annotirovannoe opisanie sochinienii zhanra baotszyuan' v sobranii LO IV AN SSSR // Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Ezhegodnik 1976-1977. M.: Izdatel'stvo «Nauka», Glavnaya redaktsiya Vostochnoi literatury, 1984. S. 271-312.
17. Kharitonova A. V Kaliningrade episkop RPTs pozhalovalsya vlastyam na figurki domovykh. – Tekst : elektronnyi // Life : ofitsial'nyi sait. 26 marta 2019. URL: <https://life.ru/p/1203588> (data obrashcheniya: 02.04.2023).
18. Khizhnyak O. S. i dr. K voprosu ob istochnikakh izucheniya kul'ta kitaiskogo boga ochaga Tszao-vana (Po materialam kollektii V. M. Alekseeva iz sobraniya GMIR) // Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii. 2017. № 17. S. 115-144.
19. Little New Year. // China Internet Information Center. 2009. URL: http://www.china.org.cn/living_in_china/spring-festival-2009/2009-01/07/content_17070623.htm (data obrashcheniya: 04.04.2023).
20. Wan Xiang. The Horse in Pre-Imperial China : Dissertation in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in East Asian Languages and Civilizations. – University of Pennsylvania, 2013. 265 p.
21. 段彤彤. 吴语区《灶王宝卷》研究 / 段彤彤.中国古典文献学学科专业硕士学位论文. 山西大学, 2020. 70 页.
22. 管笑盈. 祭灶王习俗的当代社会价值探究 // 科教导刊(电子版). 2019 年. 第 06 期/ 2 月 (下). 289 页 (供1页).
23. 淮南子·卷十三氾论训 / (西汉) 刘安撰// 国学网 URL: <http://www.guoxue.com/book/huainanzi/0013.htm> (data obrashcheniya: 21.05.2023)
24. 礼记正义·卷二十三·礼器第十/ (汉)·郑玄注, (唐)·孔颖达疏 // 国学导航. URL: <http://www.guoxue123.com/jinbu/ssj/lj/023.htm> (data obrashcheniya: 21.05.2023)
25. 刘少牛. 试论灶王图像的内涵 □ 以潍县年画中的灶王图像为例 // 装饰. 2008年. 04期 (总第180期). 139-141页.
26. 刘守华. 论土地爷和灶王的民间传说 // 湖北师范学院学报 (哲社版). 1991年. 第2期. 36-44页.
27. 小年的故事 / 南司. 北京 : 中信出版社, 2019. 21 页.

The Cameroonian - Russian Relation: Main Directions and Priorities (1960-2022).

Awah Jeremaih Acuro

PhD student, Department of Theory and History of International Relations, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 15, sq. 14

 acuro96@gmail.com

Abstract. This article examines the main directions and priorities of Cameroonian-Russian relations from 1960 to 2022. In recent years, Russia has sought to expand its presence in Africa, and Cameroon has become a key partner in the region. The author analyzes the historical background of the relationship, including key events and milestones that have shaped this partnership over time. It also examines the political, economic and cultural aspects of the relationship, highlighting the main areas of cooperation and the challenges both countries face. The author concludes with a discussion of the future prospects of Russian-Cameroonian relations.

The historical background of the relationship has played a key role in the success of this partnership, and both countries have demonstrated a desire to strengthen cooperation. However, the relationship faces a number of challenges, including a lack of direct air service and limited knowledge of the Russian language and culture in Cameroon. As a net importer, Cameroon must explore the Russian market to increase its exports to ensure a trade balance. Looking ahead, Cameroonian-Russian relations are likely to continue to develop, and both countries will seek to expand cooperation and deepen their partnership in the coming years, as they both share the same ideological and moral values.

Keywords: educational development, agreements, military cooperation, Diplomacy, Post-Soviet era, Soviet Union, Cultural exchanges, Bilateral trade, Foreign policy, Cameroon-Russia relations

References (transliterated)

1. MFARF (2013a), «Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii». Utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V. Putinym 12 fevralya 2013 g., «Ministerstvo inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii», g. Moskva.
2. Chuala, Yu.-A., Vneshnyaya politika Kameruna. Doktrina, aktory, protsessy i regional'naya dinamika, Parizh, Kartala, 2014.
3. Posol'stvo Rossiiskoi Federatsii v Respublike Kamerun. ssylka: <https://cameroun.mid.ru/ru/kamerun/>
4. MINREKS: <http://www.diplocam.cm/>
5. Zhan Kotten Kuma, Dvustoronne otnosheniya mezhdu Kamerunom i Rossiiskoi Federatsiei, 2016 g.
6. O peregovorakh Ministra inostrannykh del Rossii Sergeya Lavrova s Ministrom inostrannykh del Kameruna P'erom Mukoko Mbonzho. URL: https://archive.mid.ru/ru/web/guest/maps/cm/-/asset_publisher/2xrrL7GWsmQ5/content/id/120518 (data obrashcheniya: 21.05.2020).
7. Press-reliz o konsul'tatsiyakh zamestitelya Ministra inostrannykh del Mikhaila Bogdanova s ministrom-delegatom Ministerstva inostrannykh del Kameruna po delam Sodruzhestva Zhozefom Dion-Ngute. URL: https://archive.mid.ru/ru/web/guest/maps/cm/-/asset_publisher/2xrrL7GWsmQ5/content/id/2904479 (data obrashcheniya: 21.05.2020).
8. Dissertatsiya Ndongo Nlate JM-PhD/ Vneshnyaya politika Respubliki Kamerun v 1960-2021 gg.: prioritety i osobennosti.
9. El'basusi Akhmed; Rastushchaya rol' Rossii v stranakh Afriki k yugu ot Sakhary: interesy, vozmozhnosti i ograničenija/ i Applied Social Sciences Volume 4 Issue 3. ssylka: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JHASS-11-2020->

0210/polnyi/html

10. Biznes v Kamerune: Rossiiskii Lukoil v Kamerune vedet peregovory o rekonstruktsii Sonary. Ssylka: <https://www.businessincameroon.com/economy/0702-9948-russian-lukoil-in-cameroon-to-negotiate-the-reconstruction-of-sonara>.
11. Natsional'nyi institut statistiki: <https://ins-cameroun.cm/en/types-de-document/rapports/>.
12. Natsional'nyi sovet gruzootpravitelei Kameruna: ssylka: <https://www.cncc.cm/en/article/cameroon-buys-a-lot-from-russia-and-ukraine-but-sells-them-almost-nothing-273>.
13. Zhan Kotten Kuma, Kniga: Le bilaterisme Russo-Camerounais. SSYLKA: https://www.editions-harmattan.fr/livre-le_bilateralisme_russo_camerounais_vers_un_veritable_partenariat_strategique_jean_cottin_gelin_kouma-9782140277573-73772.html.
14. Gelin K. Dzh. K. Kamerun boretsya s Boko Kharam. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. Tom. 17, № 4. S. 727-737.
15. «Kamerunske voennye ofitsery proshli obuchenie v Rossii». ZashchitaVeb. 28 sentyabrya 2018 g.
16. «Rossiya i Kamerun provodyat sovmestnye antiterroristicheskie ucheniya». TASS. 16 noyabrya 2016 g.
17. «Rossiya i Kamerun podpisali Soglashenie o sotrudnichestve v oblasti nauki i tekhnologii». TASS, 2018. <https://tass.com/science/1030381>.
18. «Kamerun-Rossiya: CARLC dlya prodvizheniya russkogo yazyka i kul'tury». Cameroon Tribune, 2007. <https://www.cameroon-tribune.cm/article.html/3263/en.html>.
19. «Rossiya i Kamerun ukrepliyayut svyazi v oblasti energetiki i gornodobyvayushchei promyshlennosti». Sin'khua, 2019. http://www.xinhuanet.com/english/2019-10/09/c_138459979.htm.
20. «Rossiya i Kamerun podpisali soglashenie o sotrudnichestve v oblasti nauki i tekhnologii». TASS, 2018. <https://tass.com/science/103038>.

Review of A. Forrest's "Beyond the Edge of the Battlefield. The life of the military during the Revolutionary and Napoleonic wars"

Galyamina Anna Georgievna □

Postgraduate of Department of World Economy, International Relations and law, Novosibirsk State University of Economics and Management,

630099, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Kamenskaya str., 56

✉ galiamina.anna@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the work of the English historian A. Forrest, devoted to the study of the individual experience of the military during the Revolutionary and Napoleonic Wars. Forrest departs from the traditional view of the history of war as the history of battles and focuses his attention on various aspects of the daily life soldiers, such as enlistment, interaction with foreigners during foreign campaigns, captivity, demobilization and the life of veterans after the end of the war. The author pays special attention to the discrepancies between propaganda and the realities of soldier's life and casts doubt on the formation of a new type of revolutionary soldier, postulated by revolutionary propaganda. As shortcomings of

the book, one can single out some ignorance by the author of data that contradicts his statement about the complete apoliticality of peasants, who formed the basis of the army of revolutionary France, and their alienation to revolutionary values. Besides the author does not always clearly distinguish the Jacobin army and the army of the Napoleonic time, attributing later features to the former, therefore important details regarding the war nature evolution may be lost. Separately, the author considers the construction of historical memory of the Revolutionary and Napoleonic wars in France.

Keywords: Napoleon Bonaparte, New russian school, war history, historical memory, history of mentality, French revolution, history of everyday life, Napoleonic wars, Revolutionary wars, jacobins

References (transliterated)

1. Tan'shina N. P. K 150-letiyu izucheniya Frantsuzskoi revolyutsii v Rossii: ot Ger'e do Novoi russkoi shkoly // Novaya i noveishaya istoriya. 2018. №6. S.118-136.
2. Chudinov A. V. Nash dobryi drug Alan Forrest (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya) // Frantsuzskii ezhegodnik. 2021. №54. S. 429-439.
3. Sobul' A. Klassicheskaya istoriografiya Frantsuzskoi revolyutsii: o nyneshnikh sporakh // Frantsuzskii ezhegodnik. 1976. S. 155-170.
4. Gordon A. V. Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya: o ponyatii i ponimanii // Nikolai Ivanovich Kareev: Zhiznennyi put' i nauchnoe nasledie v transdistsiplinarnom kontekste sovremennoego istorioznaniya. Sbornik statei i soobshchenii III Mezhdunarodnoi nauchno-obrazovatel'noi konferentsii / sost. i otv. red. G.P. Myagkov. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2021. – S. 127–133.
5. Chudinov A.V. Prosveshchennaya elita (k istorii ponyatiya) // Frantsuzskii ezhegodnik. 2001. S.266-279.
6. Ado A.V. Krest'yane i Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. Krest'yanskoe dvizhenie v 1789-1794. M.: Izdatel'stvo MGU, 1987.
7. Sottocasa V. Résistances paysannes et révolution : le cas des hautes terres du sud du Massif central // Pouvoir locale et revolution. 1780-1850 / ed.R. Dupuy. Rennes: Presse universitaires de Rennes. 1999. P. 377-391